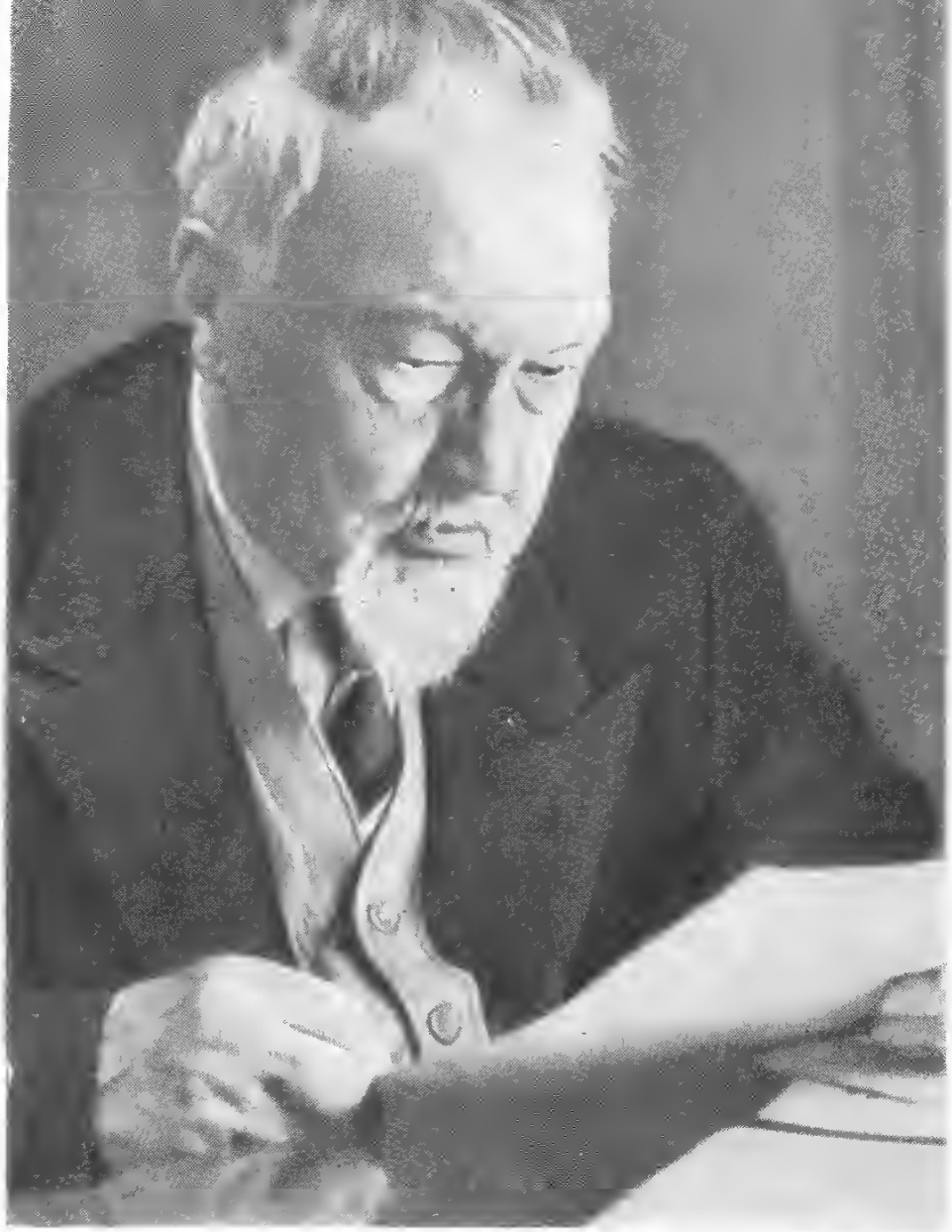
С. СТРУМИЛИН

НАШ МИР ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1964



Имя академика Станислава Густавовича Струмилина уже давно пользуется в нашей стране заслуженной известностью и авторитетом.

Возраст С. Г. Струмилина — почтенный; нынешняя молодежь вполне может оценить этот возраст «дедовским». Но никакой «преклонности» в неустанных трудах этого «деда», к счастью, мы не замечаем. Он и в наши дни полон творческой энергии. Его фундаментальные работы по-прежнему отличаются не только глубокой продуманностью и оригинальным подходом, но и исключительно обширным использованием материалов. Сказываются навыки огромной трудовой жизни... Наука, им разрабатываемая, — не обычная наука стародавних времен, а та наука революционеров, которая идет на смену науке доктринеров.

Литературное наследство С. Г. Струмилина огромно. Посмотрите его библиографию, изданную Академией наук СССР, и вы сразу убедитесь, что среди наших экономистов и статистиков соперников в этом отношении у него нет.

Академик Г. М. Кржижановский

С. СТРУМИЛИН
Академик

НАШ МИР

ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1964

33. 03
С 87

Каким будет мир через 20 лет — этот вопрос сейчас, когда коммунизм стаиовнтся все большей реальиостью, волнует каждого иашего современника. Академнк С. Г. Струмилин, одни из крупнейших экономистов мира, подинмает в своей книге нитересные проблемы будущего, часть которых дается в порядке постановки вопроса. Коммунистический прнницип распределеиия, судьба собствеииости, рабочнй день н коммунизм, проблемы свободиого времени, коммуиизм и производственная эстетика, что такое коммуна, положение в ней детей н стариков, семья и брак прн коммунизме, нормы поведення и мораль грядущего, общественное самоуправлеине — таков далеко ие полиый перечеиь вопросов, освещаемых автором.

Глубокнй экономнческий аналнз, острота постановки проблем, многие из которых уже включены партией в повестку сегодняшиего дия, а другне ждут своего решеиия завтра, и в то же время популярность изложеиия, яркая публицистнчность, несомнеино, делают кннгу академика С. Г. Струмилина иитересной и доступной для самых широких кругов читателей.

художник
С. И. Каплан

Обсуждение и утверждение новой Программы КПСС, вдохновенно развернувшей величественные перспективы строительства коммунизма в СССР, поставили в порядок дня целый ряд грандиозных социальных задач. Конечно, сама возможность вполне реальной их постановки сегодня свидетельствует о том, что наша страна продвинулась уже очень далеко вперед на своем пути к великой цели. А решение этих задач откроет новую эру в социальном преобразовании не одной лишь нашей страны и даже не только всех стран социализма. Соревнование экономических систем современного мирового хозяйства неизбежно приведет к такому перераспределению производительных сил человечества, в результате которого по-новому преобразуется весь современный мир. И уже ныне можно в основном предусмотреть, заглядывая на десять-двадцать лет вперед, в каком направлении и в каких масштабах будет развиваться неизбежная перестройка мира.

Куда же придет мир через двадцать лет?

МИР СОЦИАЛИЗМА РАСШИРЯЕТСЯ

Решающим двигателем истории человечества является прежде всего рост его производительных сил, в числе которых на первом месте стоят сами люди, то есть население каждой страны и его энерговооруженность. Все иные условия развития, например такие, как более или менее благоприятный

климат, естественное плодородие почвы, лесные и минеральные ресурсы, богатства недр различных стран, имеют гораздо меньшее, второстепенное значение. К тому же природные богатства, как известно, раскрываются перед нами далеко не сразу и могут целыми тысячелетиями тщетно ждать своего использования, пока их не оплодотворит человеческий разум и труд. А возможности приложения к ним труда растут лишь в меру его организованности наукой и техникой и вооруженности освоенными ресурсами энергетики.

В условиях мирного соревнования различных экономических систем лучшим судьей их сравнительной эффективности, а вместе с тем и силой, определяющей дальнейшие их судьбы, может быть лишь само мировое население. Его слово, как приговор, будет решающим для судеб этого соревнования систем. Но можно ли предугадать этот приговор, предусмотрев с достаточной уверенностью не только перспективы роста, но и важнейшие структурные сдвиги в населении всего мира хотя бы на двадцать лет вперед?

Для буржуазной науки Запада такие задачи представляются необычайно трудными. И не потому лишь, что итоги мирового населения даже за прошлые времена малодостоверны, а закономерности его роста на разных этапах истории и в различных социальных укладах недостаточно изучены. Для идеологов буржуазии такие задачи становятся неразрешимыми уже потому, что правильное их решение угрожает самым кровным интересам буржуазии. Из этого, однако, вовсе не следует, что западные ученые воздерживаются от всяких прогнозов количественного роста мирового населения. Совсем напротив. В западной литературе таких прогнозов хоть отбавляй, даже на сто лет вперед. Но их авторы и сами, повидимому, не верят своим прогнозам. Сошлемся хотя бы на результаты работ одной правительственной комиссии США по атомной энергии[1].

Проектируя рост мировой энергетики на сто лет вперед, эта комиссия вынуждена была запроектировать и рост населения мира в качестве потребителя ожидаемого прироста энергии. Анализируя, однако, все пригодные для сего методы и прогнозы западной науки, автор этого анализа, член комиссии Пальмар Путнам, пришел к весьма скептическим выво-

---

[1] P. C. Putnam. Energy in the Future. New-Jork, 1953.

дам. Методы эти — экстраполяция по разного рода кривым и мальтузианским оценкам — примитивны и необоснованны, причины колебаний рождаемости темны и непонятны, выводы, по которым население с 2,4 миллиарда в 1950 году за сто лет может возрасти в диапазоне от 8 до 75 миллиардов душ,— ненадежны и противоречивы. И в общем на вопрос, возможны ли надежные предсказания роста населения, мистер Путнам отвечает весьма решительно: «Пока нет»[1].

Подкреплением этого заключения могут служить и приведенные им примеры конкретных прогнозов о росте населения по ряду стран, по которым имеются уже отчетные данные для сопоставления с предсказанными. Речь идет об известных прогнозах Пирля и Рида, осуществленных «математическим» методом — по логистическим кривым,— на 1950 год. Несмотря на весьма краткий период охвата, всего в двадцать пять лет, ошибки этих прогнозов представляют собой весьма пеструю картину отклонений фактических величин от предсказанных — от +36 до −122 процентов по отдельным странам и до −27 процентов по общему их итогу[2].

Такой опыт предостерегает против необоснованных прогнозов на далекое будущее. Тем не менее и сам Путнам со всеми своими коллегами не удержался от соблазна прогнозов. Наиболее вероятной цифрой населения всего мира к 2050 году правительственные эксперты США признали 6 миллиардов душ, с увеличением исходной цифры 1950 года за сто лет в два с половиной раза. Из расчета на более краткие сроки — на пятьдесят лет, то есть к 2000 году, П. Путнам тогда определил население мира в 3,7 миллиарда и на двадцать пять лет, к 1975 году, — в 2,9 миллиарда душ[3]. Однако уже к 1960 году фактическое население мира достигло 3 миллиардов, превзойдя прогноз американских мудрецов на 1975 год. И потребовались новые предсказания.

Недавно они были опубликованы (и тоже в связи с проблемами энергетики) западногерманским ученым Фрицем Бааде[4]. Он еще в 1958 году предсказал удвоение мирового населения с 2,5 до 5 миллиардов душ к 2000 году, убеждая своих

---

[1] П. Путнам. Указ. соч., стр. 41.
[2] Там же, стр. 40.
[3] Там же, стр. 70.
[4] Ф. Бааде. Мировое энергетическое хозяйство. М., 1960, стр. 30.

читателей, что такого именно роста «можно с *уверенностью* ожидать», если только не будет атомной войны. Но вот прошло всего два года, и тот же профессор Бааде в своей новой книге «Соревнование к 2000 году», опубликованной в 1960 году, потерял всякую уверенность в своих прежних прогнозах и предлагает новый, с удвоением населения мира уже всего за сорок лет и общим итогом населения к 2000 году «до 6 миллиардов, а возможно, и до 6,5 миллиарда человек». Никаких расчетов, обосновывающих новый прогноз, у Бааде нет. Имеется лишь ссылка на «подсчеты» экспертов ООН. Однако мы уже видели, сколь гадательны и противоречивы такие экспертные оценки вообще, а в прогнозах на большие сроки — в особенности.

Конечно, для того чтобы заменить одну геометрическую прогрессию другой и «удвоить» население за каждые сорок лет вместо пятидесяти, не требуется большого ума или сложных расчетов. Идея таких «удвоений» по Мальтусу — не блещет новизной. Но ее порочность становится особенно наглядной в нашу эпоху, когда население все большего числа стран заведомо с каждым десятилетием *замедляет,* а не ускоряет темпы своего роста. Эта тенденция известна и профессору Бааде. Он сам приводит весьма яркие примеры такого замедления роста за последние пятьдесят лет в Англии, Франции, Германии и Японии. Обобщая эти наблюдения и сопоставляя их с ростом благосостояния и культуры различных народов, Бааде предвидит неизбежность и дальнейшего замедления в росте всего населения мира и такой его уровень, на котором «оно будет возрастать очень медленно или вообще не будет расти». Однако несомненная наличность таких тенденций к замедлению роста всего населения никак не вяжется с западными прогнозами его ускорения и геометрической прогрессии роста на целых сорок лет вперед.

Впрочем, нам нет пока никакой необходимости заглядывать так далеко вперед. В связи с конкретными заданиями Программы КПСС нам гораздо важнее уяснить лишь ближайшие перспективы роста населения всего на десять-двадцать лет, но зато конкретнее, по каждой из соревнующихся экономических систем в отдельности, а не в огульных лишь итогах по всему миру. Кстати сказать, на малые сроки решение такой задачи становится значительно легче и достовернее.

Прирост населения в странах мира (по группам)

Известно, что за десятилетие (1950—1960 гг.) население мира возросло примерно с 2,5 до 3 миллиардов душ — на 500 миллионов, или 20 процентов. Считая и дальнейший прирост в той же *геометрической* прогрессии — по 20 процентов за десять лет, — мы получили бы к 1980 году, то есть через двадцать лет, максимум 4,2 миллиарда душ. А с учетом вероятного замедления этого темпа, добавляя за каждое десятилетие не свыше тех же 500 миллионов душ, мы получим к 1980 году по такой *арифметической* прогрессии только 4 миллиарда. Общий процент прироста за двадцать лет, таким образом, находится в пределах от 40 до 44 процентов. И вероятная ошибка в этих пределах не может быть значительной. Однако гораздо больший интерес представят аналогичные расчеты по каждой из соревнующихся экономических систем и политических блоков наших дней в отдельности.

Исходя из данных последних лет, можно утверждать, что население всего лагеря стран империализма, связанного блоком НАТО, достигало в 1960 году около 600 миллионов душ и его естественный прирост за год — до 6 миллио-

нов — не превышал одного процента. Население социалистического содружества стран, связанного Варшавским договором, уже превысило к этому времени 1,05 миллиарда душ, а его годовой прирост — около 25 миллионов душ, или 2,4 процента за год,— превышал по меньшей мере раза в четыре абсолютные приросты в лагере империализма. Население всех прочих стран антиколониального лагеря, объединенных идеями Бандунга, в качестве третьего, в основном политически нейтрального объединения народов, насчитывало в том же году до 1,35 миллиарда душ, с годовым приростом до 19 миллионов, то есть в среднем до 1,4 процента в год.

Понятно, что при столь различных темпах роста населения в этих группах, допуская даже, что каждая из них сохранит всех своих членов, удельный вес каждой из них в общем итоге через двадцать лет будет совсем иной, со значительным увеличением доли стран социализма. Но братское содружество социалистических стран неуклонно растет не только благодаря естественному приросту их населения, но и за счет все новых стран и народов, которые сами, своим внутренним развитием созревают для социализма. Привлекают их в это содружество прежде всего, конечно, те огромные преимущества планового социалистического хозяйства, какие засвидетельствованы уже многолетним опытом СССР. И для наиболее слаборазвитых стран на данном этапе распада колониальной системы этот опыт обладает особой привлекательностью.

Освободившись от тягостной колониальной зависимости, они еще не сделали окончательного выбора дальнейших путей своего развития. И потому, прежде всего в интересах своей независимости, заявляют о своей нейтральности. Однако эта «нейтральность» крайне неустойчива. И чем больше усилий страны империализма прилагают, чтобы удержать обездоленные ими бывшие колонии и впредь в своей экономической зависимости, тем неудержимее антиколониальные интересы таких зависимых стран и симпатии всех наиболее обездоленных народов толкают их к сближению с экономической системой социализма и к восприятию ее плановых методов ускоренного индустриального развития.

Еще полвека тому назад многим казалось, что к перестройке на социалистические методы коллективного общественного хозяйства всего ближе наиболее передовые в своем

капиталистическом развитии страны империализма. Но исторический опыт совсем не подтверждает таких взглядов. Дело в том, что в эпоху империализма нельзя ни одну страну рассматривать в отрыве от всех других. Национальный капитал в эту эпоху становится международным. Буржуазия «передовых» стран эксплуатирует не только пролетариат своей собственной страны, но и целые народы наиболее слаборазвитых стран всего мира. И эта эксплуатация — и рычагами неэквивалентного обмена в международной торговле, и прямыми извлечениями прибылей из своих плантаций, нефтяных источников, золотых приисков или алмазных копей на чужих землях — тем тягостней для их коренного населения, что оно и без того выходит ныне из-под чужеземной колониальной зависимости на очень низком уровне индустриального развития и с еще более низким уровнем жизни.

Противоречия, возникающие на этой почве между лагерем стран империализма и той экономически отставшей частью мира, из которой складывается ныне все более целеустремленный *антиколониальный* лагерь, не смягчаются, а растут, углубляются и обостряются. И это представляет серьезную угрозу для империалистического блока держав в его соревновании со странами социализма. Западная буржуазия извлекает ежегодно из слаборазвитых стран, по имеющимся расчетам, до 8,5 миллиарда долларов прибыли за счет размещенных там своих капиталов и до 16 миллиардов за счет игры цен во внешней торговле с ними. И, конечно, по ее аппетитам это совсем немного. А между тем уровень жизни населения слаборазвитых стран Азии уже теперь, даже по оценке буржуазных экономистов, раз в 10 ниже, чем в Западной Европе, и раз в 20 ниже, чем в Северной Америке. В Африке же он, вероятно, еще ниже, чем в Азии.

Несомненно, что в наиболее индустриально развитых странах Запада уровень жизни большинства рабочих значительно выше среднего достатка жителей наиболее отсталых в этом отношении стран Востока. Но вместе с тем несомненно и то, что чем богаче страна капитала и выше в ней уровень жизни большинства жителей, тем легче и шире распространяются в ней — даже в рабочей среде — оппортунистические идеи о мнимом перерастании капитализма в социализм без всяких к тому усилий и борьбы, самотеком. А эти идеи гасят революционную активность рабочих масс. И наоборот, в мень-

шей мере такие лживые успокоительные идеи могут оказать свое воздействие в таких странах, где экономическое положение народных масс становится уже совершенно нетерпимым. Не приходится поэтому особенно удивляться, что началом социалистических преобразований мира нас порадовали не богатейшие США или старейшая из стран капитала — Англия, а такие «отсталые» в этом отношении державы, как царская Россия или старый Китай. Говоря иначе, общая цепь мировой системы империализма легче всего обрывается не в сильнейших, а в слабейших ее звеньях.

Однако все более невыносимым становится положение народных масс и во всем антиколониальном лагере слаборазвитых стран, борющихся за свою экономическую независимость. И это понимают идеологи буржуазии. Так, например, представитель США в ООН Эдлай Стивенсон писал: «По моему мнению, двумя самыми опасными реальностями, стоящими сейчас перед нами, являются растущее накопление ядерного оружия и неравенство в жизненном уровне между богатыми и бедными нациями». Вторая из этих «опасностей» заключается, конечно, в том, что «бедным нациям» более всего улыбаются *социалистические* методы индустриализации и ликвидации отсталости. И американские публицисты сами подтверждают это. Америке «угрожает — писал, например, недавно У. Ростоу, — не экономическая помощь Советов латиноамериканским и другим странам, не расширение советской торговли с этими странами. Опасен социалистический метод хозяйствования, позволяющий в предельно короткий срок перевести страну из отсталой в передовую».

Известно, что уже ныне на путь использования тех методов индустриализации, применение которых дало такие поразительные успехи лагерю социализма, вступают десятки слаборазвитых стран. Мы не знаем, сколько из них за ближайшие десять-двадцать лет полностью вольется в содружество стран социализма, но можем с уверенностью ожидать, что тяготение их в этом направлении будет с каждым годом возрастать, а не падать. Напомним, что только с 1945 года, после мировой войны, прирост населения социалистического лагеря за счет вхождения в его состав новых членов достигал к 1960 году не менее 830 миллионов душ, в том числе за счет освобожденных из-под гитлеровского ига стран — не более 80 миллионов, а за счет всех слаборазвитых стран мира —

Динамика населения мира за 20 лет (исчисление)

		1960		1970		1980		ПРИРОСТ В % % ЗА 10 ЛЕТ	ПРИРОСТ В % % ЗА 20 ЛЕТ
I ВАРИАНТ	СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА	1050	35%	1331	37%	1687	40%	26,8	60,7
	СТРАНЫ ИМПЕРИАЛИЗМА	600	20%	664	19%	733	18%	10,6	22,1
	ПРОЧИЕ СТРАНЫ[1]	1350	45%	1551	44%	1783	42%	14,9	32,1
		3000	100%	3546	100%	4203	100%	18,2	40,1
II ВАРИАНТ	СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА	1050	35%	1597	45%	2295	54%	52,1	118,6
	СТРАНЫ ИМПЕРИАЛИЗМА	600	20%	631	18%	660	16%	5,2	10,0
	ПРОЧИЕ СТРАНЫ[1]	1350	45%	1318	37%	1248	30%	-2,4	-7,6
		3000	100%	3546	100%	4203	100%	18,2	40,1

[1] В эту группу мы включаем страны, освободившиеся от колониального рабства или борющиеся за свое освобождение.

около 750 миллионов душ. Иными словами, в результате перехода в лагерь социализма за последние пятнадцать лет нейтральный лагерь слаборазвитых стран потерял до 36 процентов своего населения, в то время как потери в лагере империализма за тот же срок раза в три меньше. Это вполне естественно. Можно ожидать, что и в дальнейшем необратимый процесс расширения социалистического лагеря будет протекать в тех же примерно темпах и масштабах.

Но допустим даже из осторожности, что за ближайшие двадцать лет из нейтральных стран на социалистический путь станет не свыше 30 процентов их населения и из лагеря империализма — не свыше 10 процентов, а за первое десятилетие, к 1970 году, этот процент будет еще вдвое ниже. В таком случае динамика населения всего мира за двадцать лет представится нам примерно такой, как показано на стр. 11.

В первом варианте нами учтен лишь естественный прирост населения каждой группы, принятой нами по достаточно достоверным данным статистики. Это дает низший предел вероятного роста населения социалистических стран. Во втором же варианте мы делаем попытку учесть динамику населения этих стран за счет вероятного перехода ряда стран к социализму. Истина, по-видимому, будет достаточно близка к этому высшему пределу. И население социалистической системы уже через двадцать лет составит свыше 50 процентов всего населения мира.

Социалистическая система и ныне уже является естественным центром притяжения всех миролюбивых сил на земле. Но еще важнее другой вывод, зафиксированный в Программе КПСС: мир социализма расширяется, мир капитализма сужается. Социализм неизбежно придет на смену капитализму. Таков объективный закон общественного развития.

КОММУНИЗМ—СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы знаем, что коммунизм — это прежде всего высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников. Вместе с тем — это *бесклассовое общество,* в котором на высоком уровне производительных сил польются полным потоком все источники общественного богатства и

осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». И, наконец, это общественный строй, где расцветают и полностью раскрываются все творческие способности и таланты, все лучшие нравственные качества свободного человека, духовное его богатство, моральная чистота и физическое совершенство.

Построение коммунизма предполагает наличие ряда материальных, социальных и идеологических предпосылок. Вооруженные богатым историческим опытом и самым передовым учением — марксизмом-ленинизмом, коммунисты убеждены, что капитализм — это путь народных страданий, а социализм — это путь народов к свободе и счастью. Но можно ли даже мечтать о счастье народов до тех пор, пока *до двух третей человечества* не обеспечены даже достаточным количеством необходимой им пищи и безвинно осуждены на хроническое недоедание, истощение и смертные муки своих голодных детей? А чтобы избавить навсегда все народы от такого бедствия и всех прочих злокачественных язв капитализма, повернув эти народы лицом к социализму и коммунизму, нужен еще наглядный пример и ясная программа действий.

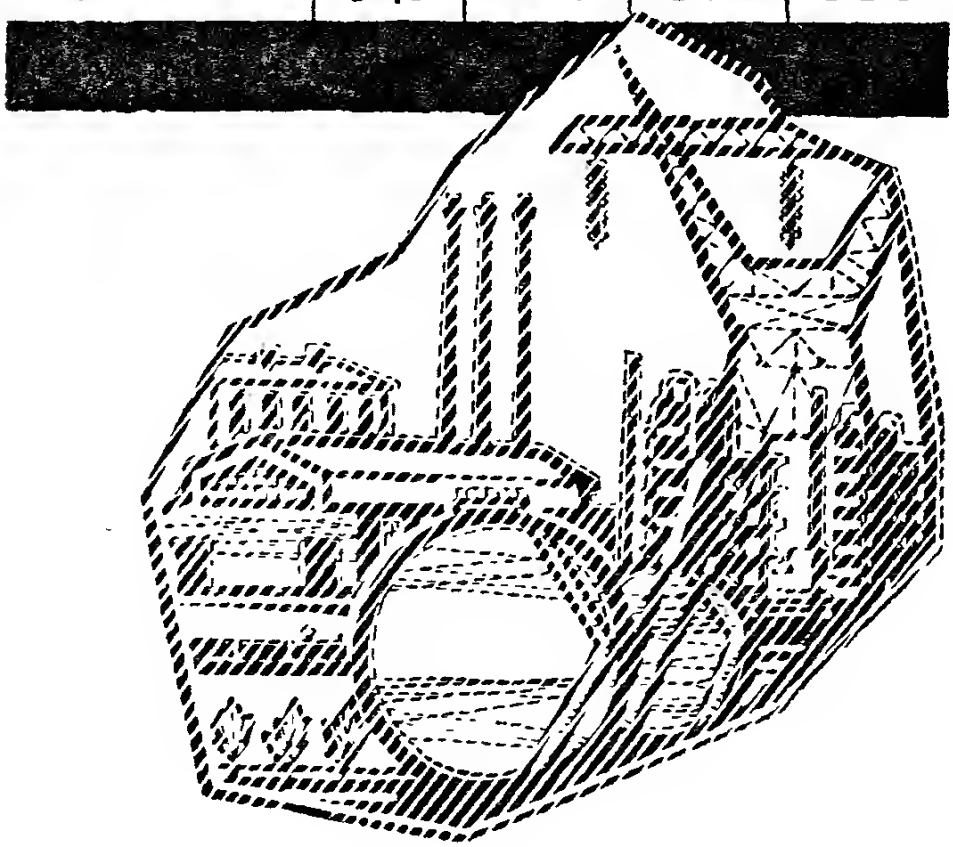
Новая Программа КПСС и является такой вполне ясной и достаточно конкретной программой действий всех коммунистов на двадцать лет вперед. И хотя это программа построения коммунизма в *одной* лишь стране, но ее международное значение неизмеримо шире любых временных и территориальных границ. Рассчитанная на создание мощной материально-технической базы коммунизма, эта программа намечает такой темп роста энергетики и машиностроения и такое развитие науки и техники, какие обеспечат Советской стране небывалый еще взлет технического прогресса и невиданные еще в мире масштабы производства материальных благ всякого рода.

В самом деле, приведем только несколько важнейших заданий этой величественной программы в сопоставлении с отчетными данными за последнее десятилетие (см. таблицу на стр. 14).

Великолепные эти темпы западным критикам представляются поразительными, и многие из них уже объявили их утопическими. А между тем они даже несколько ниже фактических достижений СССР за предшествующее десятилетие (1951—1960 гг.) и оставляют возможность трудящимся нашей страны даже перевыполнить эти задания своей партии в поряд-

Задания Программы КПСС по развитию нашей страны

	1950	1960	1970	1980
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ в млрд. квт-часов	91	292	до 1000	до 3000
в %% к 1960 г.	31	100	342	1027
ПРОМЫШЛЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ в млрд руб	52	155	408	970-1000
в %% к 1960 г	53,3	100	263	626-645
НАРОДНЫЙ ДОХОД в млрд рублей	55	146,6	367	733
в %% к 1960 г	37,5	100	250	500



ке собственной инициативы снизу. Поразительны и воистину недосягаемы они только для мировой капиталистической системы. Поучительно, что западный эксперт по вопросам энергетики Фриц Бааде в последней из своих проектировок роста мировой энергетики исходит из темпов ее прироста по всему миру не свыше 60 процентов за десятилетие; американские эксперты правительственной комиссии по энергетике определяют этот прирост даже для США не свыше 53 процентов за десять лет, в то время как в СССР продукция электроэнергии примерно *утраивается* за каждое десятилетие. При этом, как показал уже опыт, прогнозы западных экспертов весьма гадательны, ошибочны в пределах от 15 до 49 процентов. И их авторы постоянно меняют свои оценки. А плановые задания в СССР неизменно выполняются в намеченные сроки или даже досрочно.

По американским прогнозам выпуск электроэнергии в США ожидается к 1980 году в размерах от 1866 до 2013 миллиардов киловатт-часов. Значит, и по этому, решающему участку хозяйственного фронта наше отставание будет ликвидировано. Гораздо легче та же задача решается в области машиностроения. В США прирост его продукции за последние десять лет не превышает 56 процентов, а в СССР она возросла за эти годы больше чем в 5 раз. При таком соотношении мы в этой отрасли сравняемся с США уже к концу 1965 года. А к 1980 году машиностроение в СССР по своему объему превзойдет уровень США более чем в 5 раз. В предчувствии таких возможностей бывший глава американской разведки Аллен Даллес, раздувая пыл «холодной войны», еще в 1959 году пугал своих соотечественников тем, что «русские производят *вчетверо больше станков,* чем американцы» («Нью-Йорк таймс», 10/IV 1959 г.). В данном случае, по-видимому, Даллес учел по США только станки частных предприятий (без военных заводов, казны). Но и по всем заводам в США производилось в 1960 году не больше 137,9 тысячи металлорежущих станков, а в СССР — не менее 155,6 тысячи.

К этому, однако, полезно добавить еще одну деталь. Американский специалист по станкостроению профессор Сейлор Мелман, побывавший на многих заводах Москвы и Ленинграда, не только заявил, что западное станкостроение уже отстает от советского, но и подкрепил это таким примером: производство одного шестнадцатишпиндельного токарно-

го станка обходится в СССР в 3,5 тысячи долларов, в Западной Европе — 3,8 тысячи долларов, а в США — 10 тысяч долларов. И на изготовление его затрачивается: на западноевропейских заводах 600—800 рабочих часов, а на посещенных им русских — всего 200 часов («Нью-Йорк таймс», 27/X 1959 г.). На этом участке индустриализации СССР можно говорить, стало быть, не только о высоких темпах в опережении Запада, но и о более высоком уровне техники и качества труда. А ведь машиностроение — это *ключ* к внедрению высокой техники и во все другие отрасли труда! И не в его ли высоком уровне следует искать один из секретов высоких темпов роста всей промышленности СССР?

По общим масштабам всей промышленной продукции Советский Союз еще отстает от США. Но по самым осторожным расчетам он уже в 1960 году достигал 60 процентов индустриального уровня США, в 1970 году превзойдет 108, а в 1980 году достигнет свыше 170 процентов уровня США при планируемых темпах его роста в этой стране. Но замедление этих темпов в США, по признанию самих американских экономистов, неизбежно. А стало быть и отставание США от СССР по объему промышленной продукции будет к 1980 году гораздо значительнее.

Исходя из пропорций, в каких распределялась мировая продукция промышленности разных стран, и темпов ее роста за последнее десятилетие, можно представить себе с достаточной вероятностью и дальнейшие сдвиги в этих пропорциях на ближайшие десять-двадцать лет. Мировая статистика производства в условиях валютного хаоса и значительных расхождений в методах оценок валовой и чистой продукции не позволяет дать достаточно точных и вполне сравнимых итогов мировой продукции за ряд лет. Их все время приходится уточнять. И все же в отношении многих из наиболее отсталых стран они остаются весьма гадательными или вовсе отсутствуют, поэтому удельный вес их в общей продукции, по-видимому, занижается, а это ведет к завышению доли США в итогах учтенной продукции стран капитализма. Но в пределах той точности, с какой исчисляются текущие индексы роста физического объема индустриальной продукции за последние десять лет и проектируется дальнейший рост в разных странах, наиболее вероятные сдвиги в пропорциях мировой продукции за ближайшие двадцать лет определяются примерно так:

Старые друзья — соратники по революционной борьбе, крупнейшие ученые академики Глеб Максимилианович Кржижановский (справа) и Станислав Густавович Струмилин (фото 1957 года, публикуется впервые).

Диинамика индустриальной продукции мира (исчисление)

ГОДЫ →	1950	1960	1970	1980
ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ В МЛРД.РУБЛЕЙ				
1 СССР	51	155	408	1000
2 ПРОЧИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ	27	125	462	1702
А МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА	78	280	870	2702
В МЛРД РУБЛЕЙ				
В % % К ИТОГУ 1960 ГОДА	28	100	311	965
В % % К МИРОВОМУ ИТОГУ	20	36	52	67
1 США	178	258	387	580
2 ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, КАНАДА, ЯПОНИЯ	97	186	279	419
ИТОГО ПО СТРАНАМ ИМПЕРИАЛИЗМА В МЛРД РУБЛЕЙ	275	444	666	999
3 ПРОЧИЕ, СЛАБО РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	31	54	146	325
Б МИРОВАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА	306	498	812	1324
В МЛРД РУБЛЕЙ				
В % % К ИТОГУ 1960 ГОДА	61	100	163	266
В % % К МИРОВОМУ ИТОГУ	80	64	48	33
В МИРОВЫЕ ИТОГИ ПРОДУКЦИИ млрд. руб.	384	778	1682	4026
В % % К 1960 году	49	100	216	517

В среднем по всем странам социализма ежегодный прирост продукции за 1951—1960 гг. составил около 13,7 процента. И на ближайшие годы его даже «по самым осторожным расчетам» советских экономистов нельзя принять ниже 12 процентов в год, что за двадцать лет дает увеличение в 9,65 раза. В этой цифре учтены и плановые задания Программы КПСС.

Продукция стран капитализма за последние десять лет выросла всего на 63 процента, что дает не свыше 4,8 процента в год. К тому же эти темпы заметно замедляются. За 1946—1950 гг. продукция стран капитализма выросла на 38 процентов, за 1951—1955 гг. — на 33 процента, за 1956—1960 гг.— на 22 процента, в том числе в США всего на 12 процентов за целое пятилетие, или на 2,4 процента в год. Однако это совсем не устраивает американцев. И, как сообщалось в лондонском «Таймсе» от 16 ноября 1961 года, по инициативе Джона Кеннеди в органы НАТО уже поступил на обсуждение новый американский план совместного производства двадцати западных стран с заданиями общего прироста их продукции за десять лет на 50 процентов.

Соединенным Штатам для реализации такого плана пришлось бы примерно *удвоить* свои темпы роста. По-видимому, это уже предел их возможностей. Но в перспективе десятилетий такой темп — без кризисных потрясений и срывов — нереален. И скептики из «Таймса», отнюдь не отрицая шансов заварить в США подобный «промышленный бум», уже ныне напоминают своим союзникам и о тех прискорбных последствиях в области торгового и платежного балансов страны, какие не замедлят воспоследовать за таким «бумом». Но даже независимо от них, допуская полный успех американских планов, судьбы мирового соревнования экономических систем, как видно из приведенной таблицы, давно предрешены. Ведь даже в случае полного успеха нынешних «планов» Атлантического блока доля стран капитализма в мировой продукции за 20 лет снизится с 64 до 33 процентов, почти вдвое. А если еще исключить из их числа страны антиколониального лагеря, то на долю собственно стран империализма останется уже не свыше 25 процентов всей мировой продукции.

Но можно ли в какой-либо мере рассчитывать на успех подобных «планов», как и всяких иных долгосрочных прогнозов западного образца?

Предоставим слово для ответа иа этот вопрос самым компетеитиым свидетелям из аитикоммуиистического лагеря. Напомиим лишь два ответствеииых призиаиия. Выступая в 1960 году с оцеикой реальиости советского плаиироваиия, иедавиий глава американской разведки Аллеи Даллес выиуждеи был заявить конгрессмеиам США: «Опыт учит иас, что *советские* планы промышлеиного развития *надо принимать всерьез».* А вот по поводу *американских* плаиов-прогиозов достаточно привести только следующий убийственный отзыв из оргаиа деловой буржуазии «Бизиес уик»: «Едиистваиио, что можио *точно* сказать о любых долгосрочиых прогиозах экоиомического развития, — это то, что они *не оправдываются».*

Кратко и ясно.

В социалистическом лагере меиее развитые страиы при активном содействии СССР подтягиваются к передовым, и потому темпы их роста особеиио высоки. Но в приведеииых итогах еще не учтено иеизбежное *замедление* темпов роста в странах империализма и весь добавочиый рост продукции социалистического лагеря с его расширеиием за счет вхождения других страи и иародов. С учетом и этих момеитов доля социалистических стран в промышлеииой продукции окажется, конечно, еще значительиее.

Аналогичиые расчеты по всему нациоиальиому доходу различиых систем еще благоприятиее для социалистического лагеря, поскольку доля сельскохозяйствениой продукции в этих страиах миого выше, чем в страиах империализма. Например, в США иа долю сельского хозяйства, включая лесоводство и рыболовство, приходилось в иациоиальиом доходе к 1960 году ие свыше 4,2 процеита, а в СССР — не меиьше 20,9 процеита. А в общем весь валовой нациоиальный продукт США за последиие десять лет (1951—1960 гг.) в неизмениых ценах вырос всего иа 38—39 процеитов, иациоиальиый же доход еще меиее — на 35 процентов. На дальнейшие пятиадцать лет (к 1975 году), по официальным прогиозам комиссии Пэйли, получившим громкое название «ресурсов свободы», валовой нациоиальиый продукт США должен еще подрасти иа 45 процеитов. Из расчета на одио пятилетие это даст ие свыше 13 процентов прироста, а за десять лет — до 28 процентов, в то время как в СССР национальиый доход по заданиям Программы партии возрастет только за ближайшие де-

сять лет на 150 процентов, то есть в два с половиной раза. Правда, в 1960 году он еще составлял около 60 процентов американского уровня, и, стало быть, национальный доход США по нашим ценам достигал 244 миллиардов рублей. Вместе с тем это означает, что по объему народного дохода СССР уже в 1970 году превзойдет США по меньшей мере на 54 миллиарда рублей, или на 17 процентов, а к 1980 году этот перевес составит уже 334 миллиарда, или 84 процента. Как видим, ресурсы американской «свободы» и прославляемый в США превыше всего путь «автоматического, стихийного развития частной экономики» не сулят ей никаких шансов на успех в соревновании с плановой экономикой социалистического хозяйства.

Сознательно и целеустремленно ускоряя в своей стране темпы технического прогресса, энергично внедряя в ней все шире электрификацию и автоматизацию производства, добиваясь высокой производительности труда, СССР уверенно строит прочную материально-техническую базу коммунизма. А вместе с ней придет и самый короткий рабочий день, изобилие материальных и культурных благ и высокий уровень жизни всех трудящихся. Решающим в этих достижениях будет рост производительности труда. В промышленности СССР за последние десять лет она поднялась почти вдвое (на 96 процентов) и по заданиям Программы КПСС к 1970 году должна еще раз удвоиться, а за двадцать лет, к 1980 году, вырасти в 4—4,5 раза по сравнению с нынешним уровнем. В США на ближайшие годы американцы, исходя из своих «ресурсов свободы», проектировали рост производительности труда не свыше 2,5 процента в год, или до 27 процентов за десятилетие. И при таком соотношении темпов мы имеем полную возможность значительно опередить за двадцать лет США и по уровню производительности труда. Во всех других странах империализма этот уровень раза в два и более отстает от американского, а стало быть и подавно будет много ниже советского.

Советский Союз решает задачи коммунистического строительства не в одиночку, а в братской семье всех социалистических стран. Вместе с ним растет и крепнет и вся мировая система социализма, в которой с исчезновением классовых антагонизмов исчезают и антагонизмы между нациями, а общий рост их социалистической культуры сопровождается все

большим взаимообогащением всех национальных культур. Одновременно в ней складывается новый тип международного разделения труда, в котором принцип международной конкуренции уступает свое место принципу сотрудничества и братской взаимопомощи.

Соревнование двух мировых систем является особой формой классовой борьбы между социализмом и капитализмом. В ходе этой борьбы интересы мировой буржуазии сталкиваются с интересами трудящихся классов и обездоленных наций всего мира. Но соотношение сил, а потому и формы этой борьбы существенно меняются. Самая острая и наиболее гибельная из этих форм — мировая война — отвергается ныне всеми народами. Ничего доброго не сулит она и мировой буржуазии. А мировой рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинские партии — проявляют особое миролюбие, поскольку, занятые своими творческими замыслами, они могут и уже поэтому предпочли бы осуществлять все эти замыслы без мировых катаклизмов и военных потрясений. *«Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма»,* — говорится в Программе нашей партии. И потому даже в отдельных странах для перехода власти из рук буржуазии в руки пролетариата эти партии везде, где это осуществимо, предпочитают мирный способ, без гражданской войны.

Это предполагает, конечно, еще весьма длительный период мирного соревнования экономических систем и глубокого преобразования всего мира. Но направление и конечный результат такого преобразования экономически уже предрешены. Мировой капитализм переживает общий глубокий кризис. Усиление внутренней его неустойчивости и загнивания, замедление темпов роста, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица, углубление политической реакции и установление в ряде стран фашистских тиранических режимов — все это вернейшие признаки того, что монополистическая буржуазия стала злокачественным наростом на общественном организме и совершенно излишним звеном в процессе производства. И если перед коммунизмом лишь открываются впереди все дороги, то империализм уже определенно вступил в период своей гибели и заката.

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Создав материально-техническую базу коммунизма, советское общество в 1971—1980 гг. значительно продвинется к принципу распределения по потребностям. В этом отношении Программа КПСС в заботе прежде всего о самом человеке и его важнейших нуждах намечает такие задания.

Одновременно с сокращением рабочего времени в разных производствах до 5—6 часов в день уже за ближайшие десять лет КПСС ставит своей задачей обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма. С этой целью реальные доходы рабочего и служащего — с учетом общественных фондов — будут повышены в среднем за десять лет почти в два раза, за двадцать лет — примерно в три — три с половиной раза, а доходы колхозников — более чем в четыре раза. Каждая семья будет располагать благоустроенной квартирой, причем во втором десятилетии пользование жилищем, а также коммунальными услугами и коммунальным транспортом станет постепенно бесплатным для всех граждан. Улучшенное и удешевленное общественное питание через десять-пятнадцать лет займет преобладающее место по сравнению с питанием в домашних условиях, а во втором десятилетии начнется переход и к бесплатному снабжению обедами всех занятых на предприятиях и в учреждениях, а также в колхозном производстве.

В городе и в деревне будет обеспечено полное и бесплатное удовлетворение потребности в яслях, детских садах и площадках, пионерских лагерях, в массовом масштабе развернутся школы-интернаты с бесплатным содержанием детей, будут введены во всех школах бесплатные горячие завтраки, продленный школьный день с предоставлением бесплатных обедов, бесплатное обеспечение школьной одеждой и учебными пособиями. И каждая семья получит возможность бесплатно содержать детей и подростков в детских учреждениях. В городе и деревне широко развернется сеть благоустроенных домов-интернатов для престарелых и инвалидов, способных принять на бесплатное содержание всех желающих.

В общем итоге — включая в него и бесплатное лечение, а также даровое обучение всех граждан в школах всех ступеней,

все стипендии, пенсии и пособия, — общественные фонды потребления, постепенно возрастая, составят уже к 1980 году примерно половину всей суммы реальных доходов населения, или до 100 процентов от индивидуально начисляемой заработной платы для трудящихся. Таким образом, на путях практического внедрения коммунистического принципа распределения по потребности будет пройдено по меньшей мере полдороги.

Не меньшее продвижение за двадцать лет намечается Программой КПСС и по другим линиям строительства коммунизма. И прежде всего по линии коммунистического воспитания и политехнического образования новых поколений. Коммунистическая система народного образования основывается на *общественном* воспитании детей, в тесной связи с жизнью и производительным трудом. В связи с этим партия намечает широкую программу строительства школ-интернатов и культурно-просветительных учреждений. При всех школах будут созданы учебные мастерские, химические, физические и иные кабинеты и лаборатории, в сельской местности — также и пришкольные сельскохозяйственные участки, а на крупных предприятиях — учебно-производственные цехи для школьников и заводские втузы для взрослых рабочих. В целях физического и эстетического воспитания во всех школах будут оборудованы гимнастические залы, спортивные городки, созданы условия для художественного творчества детей, для занятия музыкой, живописью, скульптурой.

Наряду с учебой школьных поколений в еще большей степени возрастает в коммунистическом строительстве роль науки. «Наука станет в полной мере непосредственной производительной силой», — говорится в Программе нашей партии. Первостепенное значение приобретут материальное и моральное стимулирование массового изобретательства и рационализаторского движения предприятий, цехов, бригад и новаторов труда, осваивающих достижения новой техники и умело ее использующих. А чтобы оценить по достоинству все значение такого движения, достаточно послушать, как его оценивают сами рабочие-рационализаторы.

«Мне кажется, — пишет один из них в журнале «Знамя», — главная прибыль государства от рационализаторских предложений не в экономии рублей и копеек... Самое прекрасное состоит в том, что рационализаторское предложение зажигает

человека, оно изгоняет скуку и равнодушие... Хорошо жить и весело идти на работу тогда, когда тебя ждет и требует разрешения новая мысль, новый поиск. Поэтому мы в цехе поставили совершенно необычную задачу: каждый рабочий должен стать рационализатором. Рационализация — азартная страсть. Стоит дать одно предложение, как просится второе. А за третьим уже рождается другой человек, ему хочется учиться, он лезет в книгу, копается в журналах, и жизнь его становится увлекательной»[1]. Перед таким человеком открывается вся поэзия творческого труда. И такой вдохновенный труд придает уже и новый смысл всей его жизни.

Рост подобного массового движения будет тем важнее, что органическое соединение науки с производством — в неразрывной ее связи с созидательным трудом народа и практикой коммунистического строительства — вернейший залог быстрого и плодотворного развития самой науки. Но не менее важны и плодотворны и обратные связи науки и труда. Наука в своих прикладных применениях — с развитием автоматики производственных процессов и успехами кибернетики в управлении ими — оплодотворяет труд. Он становится все более легким, интересным и увлекательным, переставая быть только средством к жизни и превращаясь в подлинное творчество, в источник радости.

Именно поэтому и можно с уверенностью ожидать, что даже те досуги рабочих, которые с намеченным сокращением рабочего дня будут все возрастать, не останутся бездеятельными; они будут все полнее отдаваться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию и художественному творчеству.

В области хозяйственной деятельности намечается все большее соединение физического труда с умственным, увеличение удельного веса инженерно-технических работников в составе коллективов предприятий; развертывание опытно-исследовательских работ и усиление связи с научными институтами; развитие соревнования и внедрение достижений науки и лучших образцов организации и производительности труда, широкое участие коллективов трудящихся в управлении предприятием и распространение коммунистических форм труда.

---

[1] «Знамя», 1961, № 7, стр. 129.

Коммунистическое строительство предполагает развитие *демократических основ управления* и совершенствование централизованного руководства народным хозяйством. В рамках единого народнохозяйственного плана будут и впредь расширяться хозяйственная самостоятельность местных органов и плановая инициатива, идущая снизу, начиная с предприятий. Намечается в дальнейшем принцип выборности, сменяемости и подотчетности избирателям распространить на всех руководящих работников страны. Необходимо вести дело к тому, чтобы навыками управления овладевали все более широкие массы и чтобы участие в аппарате управления в перспективе перестало быть особой профессией.

Коммунистическая партия в своей Программе отмечает, что в нашей стране уже *«начался* процесс перерастания государства во всенародную организацию тружеников социалистического общества». «Диктатура пролетариата выполнила свою историческую роль и с точки зрения внутреннего развития перестала быть необходимостью в СССР». И в процессе дальнейшего развития социалистической демократии произойдет постепенное превращение органов государственной власти — планирования и учета, руководства хозяйством и развития культуры — в органы общественного самоуправления.

Вместе с тем переход к коммунизму означает всемерное развитие *свободы личности* и прав граждан. Эти равные для всех права — и в свободном выборе рода занятий, и в использовании всех других гражданских свобод во всей их полноте — не встретят здесь уже никаких иных ограничений, кроме разве тех лишь норм коммунистического общежития, соблюдение которых станет *внутренней потребностью* и привычкой всех людей.

А в общем итоге предстоящего двадцатилетия — в результате всех хозяйственных и культурных достижений, с постепенным переходом к единой общенародной собственности и все более полной реализации великого принципа распределения — каждому по его потребностям — в СССР будет в основном построено коммунистическое общество. Это не будет еще полным коммунизмом, для завершения которого потребуется немало времени и коллективных творческих усилий. Но уже достигнутые результаты откроют собою новую эру социальных преобразований и обновления всего мира. А в СССР уже

нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Таковы твердые задания Программы Коммунистической партии Советского Союза, и нет сомнения в том, что они будут выполнены.

Но в годы развернутого строительства коммунизма хочется себе представить не только общий план, производственно-техническую базу и внешний фасад этого прекрасного здания, но и все то, что украсит в нем наш повседневный труд и быт, его внутреннюю обстановку и содержание, социальные интересы и духовный облик нового общества.

Хочется знать, что нового принесет с собой коммунизм в отношение людей к семье и собственности? Что останется от таких элементов нашего быта, как браки и разводы, алименты и завещания, сберегательные книжки и домашние копилки «на черный день»? Какие взаимоотношения между каждой семьей и школой, общественным потреблением, материальным производством и культурной самодеятельностью коммунаров свяжут их между собой в большие коллективы теми или иными общими задачами? В каких формах будет сталкиваться коллективизм с пережитками индивидуализма в семье (ревность, измена, материнский эгоизм, неблагодарность детей) и в общении граждан (зависть, клевета, интрига, предательство друзей)? В каких темпах будут изживаться всякие имущественные плутни, хищения и прочие преступления против собственности в обществе, в котором уже нельзя будет использовать ее в чьих-либо частных интересах? В каких сочетаниях личного *эгоизма,* социальных *инстинктов* и воспитанных *условных рефлексов* общественности сложится та новая общественная мораль, которая в последнем счете исключит собою за ненадобностью все предписания закона и формы принуждения? Хотелось бы предусмотреть даже внешний вид и типы архитектурных ансамблей, достойных стать жилищами тех больших коллективов трудящихся, какие, возможно, будут называть трудовыми и бытовыми коммунами.

Речь идет не о том, конечно, чтобы сочинить еще одну утопию в стиле фаланстеров Фурье, возвещавших о мировой гармонии. С тех пор прошло более полутораста лет. И коммунисты из мечтателей давно уже превратились в строителей. Они построили социализм и продолжают перестраивать сверху донизу весь обветшалый мир — и производство, и быт,

и сознание людей. В этих условиях гораздо легче многое предусмотреть и предугадать, исходя из уже определившихся тенденций развития. Правда, возможности, вкусы, устремления и чаяния людей многообразны, и, устраивая свой грядущий быт, они, надо думать, найдут каждый для себя и своего коллектива, по собственному выбору, много равно возможных решений. Отнюдь не пытаясь даже представить себе все такие частные варианты решений и в принципе отвергая готовые шаблоны и штампы, в которые уложились бы все живые ростки коммунизма, нам хотелось бы все же, исходя из «бытия», наметить хотя бы в самых общих чертах те линии, по которым мыслится развитие и общественных нравов, и семейных устоев, и психики людей ближайших поколений.

О СУДЬБАХ СОБСТВЕННОСТИ В СССР

Понятие собственности многозначно. Собственностью обычно называются вещные объекты присвоения: движимая и недвижимая собственность. Но, признавая эти объекты чьей-либо «собственностью», мы тем самым признаем за их собственником *исключительное право* пользования и распоряжения этими объектами вплоть до отчуждения или даже уничтожения их, отвергая тем самым всякие права на них всех других сограждан этого собственника. Иными словами, категория собственности определяет не столько отношение собственника к тем или иным его вещам, сколько *общественные отношения* самих людей в их разделении на *собственников* и *несобственников* важнейших средств производства и предметов потребления. С изменением форм присвоения собственности меняется и характер производственных отношений. В смене этих форм присвоения преобладающими источниками собственности были и труд, и весьма многоразличные нетрудовые формы доходов. Но количество переходит в качество. И один остроумный француз, наблюдая нравы своей буржуазной эпохи, на вопрос «что такое собственность?» ответил еще в прошлом веке без лишних церемоний:

— Собственность — это воровство!

Речь, конечно, шла о *частной* собственности, ибо 120 лет тому назад современники Пьера Жозефа Прудона лишь ее

одну признавали «священной и неприкосновенной». О коллективной, социалистической собственности тогда еще не могло быть и речи. А государственное добро, или «казна-матушка», вокруг которой всего охотнее грели руки все, кто ее обслуживал, не пользовалось особой моральной защитой. Под охраной не только буржуазного права, но и всех заповедей мещанской морали оставалась в качестве неприкосновенной святыни в основном лишь *частная собственность* буржуазии. И, определяя подоплеку этой собственности, как воровство, Прудон наносил увесистую пощечину прежде всего именно такой лживой мещанской морали. Работая в качестве рядового наборщика в чужих типографиях, Прудон уже тогда ясно видел, как нагло обкрадывали его хозяева своих рабочих, приумножая за их счет свою собственность, и притом без малейшего осуждения обществом, поскольку хозяйская мораль весьма облегчала им возможности «и невинность соблюсти, и капитал приобрести» в этом обществе.

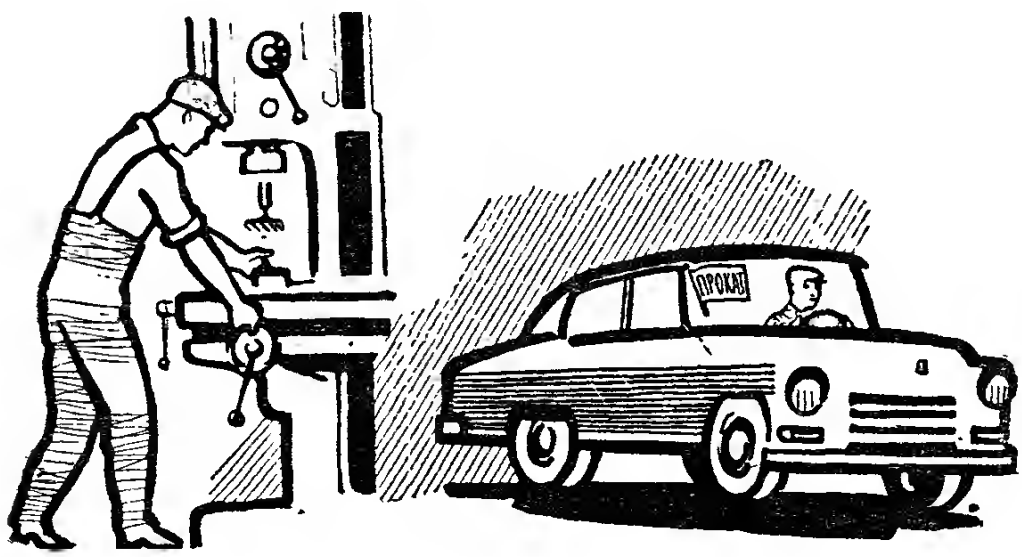
В социалистическом обществе, где уже упразднена частная собственность на средства производства, отпали такие возможности. Но и в социалистическом обществе сохраняются еще наряду с общественной, коллективной собственностью и некоторые виды *личной* собственности отдельных граждан на предметы потребления и домашнего обихода. В частности, по Конституции СССР (ст. 10) охраняется законом «право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобств, равно как право наследования личной собственности граждан». Кроме того, в СССР сохраняется еще, правда в крайне ограниченных размерах, и частная собственность на средства производства в мелких крестьянских хозяйствах последних единоличников. Но это исчезающая величина.

Тяжелый ручной труд пахаря на индивидуальной полоске такого единоличника, на которой и развернуться негде было бы мощному комбайну или гусеничному трактору с пятью прицепами, в наш век сплошной механизации труда уже не оправдывается своими результатами. Значит, вскоре и последние единоличники потонут в общем колхозном море трудовой кооперации. Но личная собственность граждан на предметы потребления и домашнего обихода в странах социализма сохраняется. И более того. В меру того как возрастает *социалистическое* производство этих предметов и образуется желанное нам всем изобилие не только предметов первой необходимости, но и прочих предметов «длительного пользования» в области личных удобств и комфорта,— вместе с ними растет и множится и *личная* на них собственность.

Все это представляется весьма естественным и закономерным. Кто же станет возражать против личных удобств и комфорта, когда они в изобилии. Однако в наши дни развернутого строительства коммунизма, когда наряду со столь привычными для нас понятиями, как *наши* заводы и машины или *наши* сады и нивы, все чаще входят в употребление и такие, как *мой* автомобиль и *моя* дача или даже *мой* «особняк» за высочайшим забором, по-видимому, и категория «личной собственности» становится все менее созвучной эпохе. А практика подсказывает нам к тому же, что во всех столкновениях «моего» с «нашим» стяжательское «мое» очень нередко выкраивается из «нашего» в ущерб интересам всего коллектива.

Мы уже не говорим о таких случаях, когда самый заурядный завхоз или завмаг, зарабатывая 60—70 рублей в месяц, покупает себе автомобиль за 4000 рублей, приобретает дачу за 8000 рублей или даже строит себе двухэтажный особняк ценою в 43 200 и обзаводится в нем обстановкой в 10 000 рублей. К таким случаям и ныне вполне подходит то старое определение, по которому собственность — это воровство. И новым по сравнению с правосознанием старого мира в СССР можно считать, пожалуй, лишь то, что такой личной «собственностью» у нас живо интересуется прокуратура и что это уже предусмотрено указом об *усилении* борьбы «с особо опасными преступлениями».

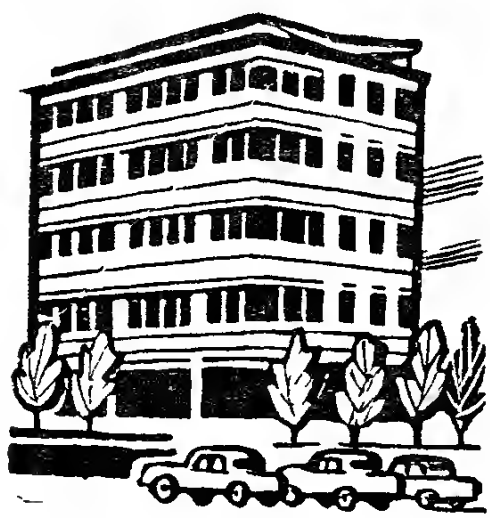
Однако и в тех случаях, когда столь ценные объекты *личной* собственности, как дача-особняк, строятся заведомо за счет личных трудовых сбережений, без видимого нарушения чьих-либо *общественных* интересов, мы склонны рассматривать такие стяжательские устремления, как явный пережиток чуждой нам эпохи и психологии. Прежде всего такие проявления индивидуальной инициативы не могут быть предусмотрены в общественном плане социалистического строительства. И, построив еще один лишний особняк, мы обязательно где-нибудь недостроим предусмотренную планом и далеко не лишнюю фабрику-кухню, или школу-интернат, или новую здравницу, обслуживающую неотложные нужды целого коллектива трудящихся. Строить себе «особняки» при коммунизме для того, чтобы отсидеться в них за высоким забором от всей



жизнедеятельной общественности, смогли бы разве самые безнадежные ипохондрики и человеконенавистники. А в общем это дело бесперспективное уже потому, что такие понятия, как «особняк» и «коммуна», полностью исключают друг друга.

Иначе обстоит дело с потребностью в летнем отдыхе на лоне природы трудящихся больших городов. Она сохраняется и в условиях коммунизма. Но едва ли и для этой цели лучшим средством можно признать *индивидуальное* строительство дач на правах личной собственности отдельных граждан. И прежде всего потому, что такое строительство не обеспечено в наших планах ни рабочей силой, ни материальными фондами. И если даже в этих условиях у нас все же строится по частной инициативе немало дач, то нельзя забывать, что такое строительство очень редко обходится без так называемого «блата» — заведомо воровской термин — или без мелких взяток и крупных злоупотреблений таких строителей своим служебным положением и общественным доверием.

Вместе с тем такие дачи с приданным им земельным участком легко обращаются в орудие частной спекуляции и наживы их собственников. Дачные помещения сдаются в аренду, продукция дачных садов и огородов поступает на рынок, да и сами дачи то и дело перепродаются с огромной прибылью. Значит, и личная собственность в больших дозах, *на службе обогащению,* может выполнять роль капитала. И это заставляет нас с особым вниманием отнестись к вопросу о судьбах даже такой *личной* собственности — на предметы длительного пользования в сфере потребления — при всем изобилии их в условиях коммунизма.



Нужно сказать, что ныне эта тема становится у нас уже злободневной. Она очень остро поставлена и в нашей повременной печати — см., например, статью А. Плюща «Мое и наше» в «Известиях» (№ 139, 1960 г.), — и в живых читательских откликах на ту же тему. В одном из них советский читатель прямо заявляет: «Все преступления свя-

заны со словом «мое». Этого слова не должно существовать, его надо выбросить из нашего языка» («Известия» № 247 от 15 октября 1960 г.). И такое *моральное* осуждение темных делишек всех стяжателей, ловчил и тунеядцев в дни нашей борьбы с буржуазными пережитками в сознании людей вполне понятно. Но оно далеко не исчерпывает собой всей проблемы. В других откликах предполагается, что «мое» останется и при коммунизме, но оно наполнится новым содержанием, не ясно только, каким. В некоторых откликах личная собственность встречает еще и горячую защиту. Но и в них находит свое отражение общественное осуждение нынешних «собственников».

«За последнее время, — пишет, например, одна москвичка, — в нашей печати, в театрах усиленно высмеиваются «собственники», то есть люди, имеющие или дачу, или автомашину, или еще что-нибудь». Она «не может понять», почему такие люди подводятся «у нас теперь под понятие «паразит» или «тунеядец». Она возмущается «Крокодилом», высмеявшим собственнические инстинкты некоего владельца «Волги». Ей кажется, что «покупка автомашины является показателем роста благосостояния *народа* (?!). Она скорбит о не понятых этим народом дачевладельцах. «Ведь сейчас, — негодует она,— на владельца даже самого скромного загородного дома, наполовину сколоченного самим этим незадачливым владельцем, смотрят как на какого-то кулака, его упрекают и стыдят за все...» И единственную причину такого отношения к этим «незадачливым» собственникам она усматривает лишь в том, что у нас будто бы «в молодежи, в детях не воспитывается уважение к чужому труду».

В том же духе о личной собственности высказывается в своем письме в «Известия» один инженер. Его не смущает, в частности, что некоторые дачевладельцы, «садоводы-любители», спекулируют клубникой, ибо это очень *трудоемкая* культура, и таких любителей «нужно поддержать, а не указывать на них пальцами, как это стало модным в последнее время». По поводу любителей собственных автомобилей этот инженер ограничивается таким лишь замечанием: «Что же тут плохого? Но находятся *завистники* и начинают разглагольствовать — нужны ли личные машины и будут ли индивидуальные машины при коммунизме?» Сам он полагает, что об этом рано еще спрашивать. «Это,— отмахивается он от от-

ветственных решений,— это тогда решится вопрос, *без нас!»*

Но в том-то и дело, что коммунизм не за горами. И совсем не случайно даже сторонники личной собственности вынуждены признавать, что общественное мнение в последнее время все определеннее складывается против всяких любителей и частной, и личной собственности. И объясняется это не завистью или недостатком уважения к труду, а, наоборот, все возрастающей охотой трудиться и жить по-коммунистически. Конечно, в нашей стране всякий общеполезный труд пользуется признанием, не исключая и выращивания «трудоемкой» клубники дачевладельцами. Но одна честь труду единоличника в его *частном* хозяйстве, к приумножению его *личной собственности,* и совсем другая честь и слава труду колхозников и рабочих в *общественном* хозяйстве, в интересах всего коллектива трудящихся.

Никакой чести не приносят никому лишь всякие махинации и спекуляции собственников, напоминающие и в наши дни старую истину, что «собственность — это воровство».

Как же быть с ними?

В откликах читателей «Известий» на эту тему предлагается целый ряд весьма радикальных рецептов. Один из них, отмечая факты спекуляции приусадебными участками, хищения социалистической собственности, примеры незаконного приобретения и эксплуатации автомашин и тому подобные махинации, бросает лишь общий лозунг: «Сорную траву с поля долой!» Другой читатель рекомендует *«запрещение* продажи автомашин» в личную собственность и «подталкивание» *налогами* к их ликвидации, «если почему-либо неудобна их конфискация». Третий еще решительнее заявляет: «Настало время *смело* ставить вопрос о муниципализации (?) дач и домов, находящихся во владении частных лиц, и о безвозмездной сдаче продуктивного скота совхозам и колхозам».

Однако слишком скоропалительные решения редко бывают достаточно мудрыми. И если предупреждать и пресекать любые покушения на общественную собственность вполне закономерно, то «подталкивать» граждан к чему-либо «налогами» в стране, которая уже вообще — первая в мире — решила отказаться от обложения налогами всех трудящихся, едва ли своевременно. Еще менее своевременны такие хирургические операции, как огульная конфискация всего частновладельческого жилого фонда и скота. Социализм победил в нашей стра-

не окончательно и бесповоротно, и никакой огульной «хирургии» здесь не требуется, да она и невозможна.

Изживание личной собственности со всеми теневыми ее сторонами осуществимо гораздо проще и естественнее в меру нашего приближения к высотам коммунизма.

Сейчас, например, мы усиленно умножаем общественные жилищные фонды и оставляем в покое частновладельческие. Но уже теперь ясно, что со временем, скажем, через 15—20 лет, когда коммунальные наши жилфонды достаточно вырастут и будут предоставляться всем труженикам уже на новых началах, *без всякой оплаты,* — единоличная собственность на доживающие свой век частные жилища и особняки окажется для своих владельцев не благоприобретением, а лишь весьма тяжелой и досадной обузой. Собственный особняк требует ведь постоянного ухода и ремонта, отопления и освещения. Переложить эту заботу на платных угловых жильцов и квартирантов или спекульнуть, сбыв с рук эту обузу продажей какому-нибудь иному любителю особняков? Но кто захочет платить за чужие углы, имея возможность получить бесплатно вполне благоустроенную квартиру из коммунального фонда? И много ли найдется таких простофиль, готовых приобретать в полную собственность самые досадные чужие обузы?

Естественно, что для избавления от подлинных обуз в указанных условиях останется один лишь путь: сдать свои личные «особняки» в общественные жилфонды и пользоваться всеми жилищными и коммунальными услугами уже без всяких хлопот и затрат, на общих основаниях со всеми трудящимися.

Но точно так же в дальнейшем решается вопрос и с любителями единоличных дач, собственных автомашин и тому подобных предметов роскоши и комфорта. Когда мы станем побогаче, будет создаваться все более широкая сеть *общественных* садово-парковых и дачных зон отдыха, пионерлагерей и здравниц. В этих зонах смогут побывать за время летних каникул и отпусков на лоне природы — в общественных садах и лесах, в горах или на берегу моря — все нуждающиеся в этом работники города и их детвора, и притом без всяких затрат с их стороны, по бесплатным коммунальным путевкам. А тем, кому это требуется по роду деятельности или состоянию здоровья, общество в условиях коммунизма сможет предоставить коммунальные дачи-здравницы в этих же зонах и в длительное пользование — на срок или пожизненно. В этих

условиях и собственные загородные дачи станут столь же бесперспективным объектом спекуляции, как и городские «единоличные» особняки. Их ведь тоже надо содержать, охранять. На зиму нанимать дворника. А кто уже ныне захочет пойти в частное услужение, теряя свой служебный стаж? Со временем же это будет еще сложнее. И ни один стяжатель не пожелает надолго обременять себя подобной обузой.

Еще менее возможностей для обогащения и спекуляций личной собственностью останется после того, как не только потребность в жилье, но и все другие, не исключая и потребности в передвижении, окажется возможным удовлетворить в разумных пределах в порядке *бесплатного* пользования, за счет общественных фондов. Тогда даже профессиональным ворам и скупщикам краденого во всех разлюбезных им притонах и «малинах» придется срочно менять свои профессии. Ведь краденое требуется продать. Но кто же его станет покупать в обществе, в котором все трудовое население обеспечивается всем необходимым бесплатно, и лишь заведомым тунеядцам и злостным лодырям по известному правилу — «кто не трудится, пусть и не ест» — угрожает заслуженный кукиш!

Помимо профессиональных воришек, подобная участь ждет и тех из них, которые этой, не слишком чтимой профессией занимаются, так сказать, «по совместительству» со столь почтенными функциями, как занятия завхозов, завмагов и прочих снабженцев, которые лишь попутно, увлекаясь самоснабжением, «осваивают» иной раз «в личную собственность» и общественное добро. С приближением к коммунизму такое присвоение окажется бесцельным. Располагая всем *необходимым* из общественных фондов, коммунарам не к чему будет накоплять у себя *излишнее* добро. В общественной кухне и столовой и так всего довольно: ешь — не хочу. В личном гардеробе лишнее — моль съест. Продать — некому. Припрятать на черный день — незачем. Зарыть в землю — даром сгниет. Превратить свое личное жилье в музей изящных искусств общего пользования, при наличии гораздо более пригодных для этого общественных,— неразумно. А обратить его попросту в плюшкинское хламохранилище всякого накраденного добра — и себя стеснишь, да и «засыплешься» на людях сразу с такой необычной коллекцией. В таких условиях и профессиональный жулик и вор предпочтут другие, более благородные специальности.

В условиях коммунизма темпы технического прогресса получат новое ускорение. И уже поэтому — в интересах возможно полного *использования* продуктов массового производства без излишних потерь в результате «морального» их устарения — наиболее рациональным является *бесплатное* их распределение по потребностям. А в частности, отмена платности на транспорте обещает нам и другие эффекты. Прежде всего вместе с ней исчезнет навсегда жалкая категория традиционных «зайцев» на транспорте. А значит, станет излишней и целая армия кондукторов и прочей платной агентуры по уловлению и ущемлению этих «зайцев» штрафами или иными данями, уже в собственный, частный карман наименее доблестных представителей этой агентуры. И это, помимо сбереженного труда такой агентуры для других, более продуктивных его применений, послужит и некоторому оздоровлению общественных нравов на транспорте. Затем с отменой платности услуг транспорта отпадет, очевидно, всякий соблазн и к той нездоровой практике работать «налево», то есть в собственный карман, которой некоторые шоферы легковых машин так портят свою репутацию.

Но и это не все. Легковой автотранспорт совсем не легко организовать так, чтобы он в оптимальном сочетании со всеми другими видами транспорта выполнял свое особое назначение. Им следует пользоваться только там, где он не заменим более дешевыми видами массового транспорта. Но при надлежащей организации, обеспечив каждый трудовой и бытовой коллектив достаточным количеством легковых автомашин, с правом бесплатного их вызова по телефону или подачи по заранее составленному графику, можно было бы обслужить этим видом транспорта очень широкий круг потребителей. Конечно, в ряде случаев, когда это по роду деятельности требуется, — например, мастерам автоспорта для тренировки,— нужные автомашины можно было бы предоставлять и в персональное пользование. Не подойдет лишь в этих условиях личная собственность на автомобили, поскольку она никого не устраивает и даже для самих собственников явилась бы слишком обременительной обузой.

Какие же в таком случае ценности или блага могут все же стать объектами «личного владения» граждан коммунистического общества?

Думается, что такими объектами могут стать лишь очень

немногие потребительские ценности, и притом лишь такие, которые теснейшим образом связаны с самой *индивидуальностью* каждого такого владельца, с его личностью, например одежда и обувь, созданная по личному его выбору, вкусу и мерке, или лично освоенные предметы спорта, орудия труда, плоды творчества — например, пристрелянное ружье охотника, обыгранная скрипка музыканта, любимые книги ученого...

Все, что создается *коллективным* трудом в *массовом* стандартном производстве, уже поэтому становится общественным достоянием. Оно может быть предоставлено лишь в бессрочное *пользование* любым лицам или коллективам, оставаясь все же под общественным контролем и охраной. Предоставляя всем трудящимся для жилья не только голые стены, но и всю дополняющую их культурную обстановку жилищ — мебель, посуду, всякую утварь, а также телефоны, радиоприемники, радиолы, телевизоры и все прочие предметы домашнего уюта и комфорта,— общество сохранит за собой заботу и о возобновлении или ремонте всего этого общественного добра. В таких условиях никакой уже рост общественного богатства никого не привяжет узами собственности к одним и тем же неодушевленным вещам или одному и тому же участку «недвижимой» собственности. И это самое замечательное. Человек получит, наконец, полную свободу передвижения туда, куда его влечет мечта, ибо везде, где он сможет применить свой труд, способности и таланты, он получит и все ему необходимое из общественного богатства.

Можно еще спросить: что же в этом обществе останется для передачи по *наследству* своим потомкам, кроме разве старых штанов и зубной щетки покойного родителя? Да и кому понадобилось бы такое наследство там, где каждое новое поколение своим собственным трудом завоевывает себе право на все то, чем пользовались и все предыдущие, только в еще более широких масштабах?

Ясно, что за полной ликвидацией частной собственности и ограничением прав личного присвоения потребительских благ лишь пожизненными на них правами «владения и распоряжения» отпадет и всякая надобность в правах их наследования. Да и само понятие *общественной* собственности весьма существенно, до полной неузнаваемости изменит свою природу, когда оно совпадет с понятием общественного достояния всего коммунистического общества.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Решение проблемы изобилия — важнейшая предпосылка для вступления во вторую фазу коммунизма. Чем шире польются потоки изобилия из массового общественного производства средств существования, тем меньше оснований будет оставаться для скрупулезного их распределения по количеству и качеству труда каждого из производителей. И в результате развития новых условий производства, согласно предвидению классиков марксизма, восторжествует новый, коммунистический принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Первая половина этого требования реализуется уже в условиях социализма и во второй фазе коммунизма получит лишь более полное и всестороннее осуществление. Принципиально *новое* развитие во второй фазе, стало быть, приобретает лишь принцип безмездного (бесплатного) распределения по потребностям. И в дискуссиях о формах реализации этого принципа в СССР, имевших место впервые еще в 1950 году, прежде всего возникал такой спор.

Кое-кто из экономистов находил, что для реализации распределения по потребностям в условиях изобилия продуктов нет никакой необходимости в *безмездном* их распределении. Распределение по потребностям осуществимо даже при расширении товарно-денежного обращения и полном соблюдении «универсального принципа платности» всех благ[1]. При достаточном изобилии благ постепенный рост заработной платы и последовательное снижение цен, по этой концепции, уже сами по себе обеспечат сначала некоторым, а затем и всем возможность приобретать и за деньги на рынке все необходимое — по *потребностям.* Это и будет коммунизм. Определялся даже примерный уровень оплаты труда — 1200—1500 рублей (в новых деньгах) на одного работника в месяц,— достаточный, по мысли сторонников этой концепции, для реализации такого «коммунистического» уровня потребностей. И на этом основании мыслилось, что кое-кто из граждан СССР, опережая других, «по-стахановски», уже давно вступил в царство коммунизма.

---

[1] «Вопросы экономики», 1950, № 10, стр. 92—109.

До таких геркулесовых столбов упрощенчества в представлениях об идеалах коммунизма доходили, правда, немногие. Но полной ясности в этой области недостает и доныне очень многим. Понятно, что на любом уровне благосостояния рыночные методы распределения позволяют каждому использовать свои ресурсы на рынке в полном соответствии со своими потребностями. Только пропорции при этом будут разные. И при одном достатке в этих пропорциях будут преобладать черный хлеб с квасом и махорка, а при других — кровяные бифштексы, ананасы в шампанском и гаванские сигары.

Однако даже на высшем из этих уровней элементарной сытости, по формуле «сыт, пьян и нос в табаке»,— полное соблюдение универсального принципа платности в распределении благ не привело бы еще нас к порогам коммунизма. И совсем уже отвратно такое уродливое представление о постепенном приближении к коммунизму, по которому его высот достигнет сначала лишь самая высокооплачиваемая часть наших работников, а затем, вслед за этой «элитой», попрет и наиболее напористый середняк, и лишь в очень отдаленной перспективе к его порогу приблизятся самые широкие круги рядовых рабочих и крестьян.

Идеалом коммунизма никогда не было одно лишь насыщение материальных потребностей всех членов общества. Гораздо больше привлекает всех нас в строительстве коммунизма его задача — обеспечить всем членам общества возможность всестороннего развития их физических и духовных способностей. И не только развития и сохранения, но и *применения* во всех областях общественной, научной, культурной и художественной деятельности, ибо дарования, если их не упражнять, глохнут и отмирают. Говоря иначе, коммунизм предполагает не только изобилие материальных благ, но и такое развитие *самих людей,* которое обеспечит им всю полноту жизни в творческом проявлении всех социальных и индивидуальных возможностей грядущего общества. Конечно, эти возможности определяются в первую очередь уровнем производства, но и сами люди как производительная сила на него воздействуют, а через него определяют и наиболее гармонирующие новым общественным отношениям нормы распределения создаваемых благ. В полемике с Е. Дюрингом Ф. Энгельс, отмечая эту взаимосвязь, еще в 1877 году предвидел, что «распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими моти-

вами, будет регулироваться интересами производства, а развитию производства наиболее способствует такой способ распределения, который позволяет *всем* членам общества возможно всестороннее развить, сохранить и применить свои способности»[1].

Эта глубоко содержательная мысль заслуживает развития. Гармоническое развитие всех способностей каждого из членов общества в сочетании с требованием «от каждого *по способностям*» диктуется и общими экономическими интересами *всего* общества. Но в то же время и для каждого из его членов оно становится *самоцелью,* перед которой совершенно меркнет «идеал» повседневной *сытости,* в больших дозах обременительной и даже отупляющей. В условиях высокого культурного развития и самый ординарный труд становится все более целеустремленным, разумным, легким и привлекательным. А развитие новой техники, с ее чудодейственной автоматикой и «мыслящими» электронно-вычислительными машинами, все более освобождая человека не только от ординарного физического труда, но и от шаблонного механического мышления, оставляет за ним лишь дирижерские функции управления вещами и производственными процессами. Вместе с тем сокращение рабочего дня в производстве расширяет возможности такого же все более творческого участия и во всех областях непроизводственной сферы труда и быта.

Производственными функциями не ограничивается сфера человеческой деятельности. И с сокращением рабочего дня, скажем, до четырех часов в *материальном* производстве, откроются широчайшие возможности для свободной самодеятельности и во всех других областях науки и культуры. Откроется возможность *переменного* труда с переходом в течение дня от физического труда к умственному и сменой одних из его функций другими, что, как известно, уже само по себе изумительно снижает утомляемость и повышает эффективность труда. А вместе с тем широкая самодеятельность рабочих в области учебы даже без отрыва от производства — в сфере изобретательства, в литературных кружках, в любительских театральных, музыкальных, вокальных и танцевальных ансамблях и всякого рода спортивных соревнованиях — уже теперь

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 203.

выделяет у нас из рабочей среды ежегодно многие тысячи недюжинных талантов и ярких дарований. А при четырехчасовом рабочем дне их обнаружится много миллионов, ибо наука и все искусства станут общим достоянием людей. И все виды захватывающей творческой самодеятельности заполнят нашу жизнь до краев. Но и производственный труд без утомления, дающий, в отличие от всех других, радость непосредственного и самого осязательного творчества *вещных благ*, не окажется при этом на последнем месте.

Нам трудно даже представить себе что-либо привлекательнее таких условий, в которых радости творческого труда становятся доступными каждому из членов общества и умножаются еще тем, что они в условиях коммунизма доступны всем в равной мере. Но мы уже ясно видим, что эти условия не только отвечают нашему идеалу общежития и нашим желаниям, но и объективно необходимы, отвечая общим законам экономического развития. Труд становится нашей жизненной потребностью уже потому, что меняется его характер, исчезают границы между физическим и умственным трудом и все большую роль даже в повседневной работе приобретают *творческие* моменты и элементы труда. Но творческий труд уже в самом себе таит свою высшую награду и не требует никаких специальных мер экономической его стимуляции. Отпадает, стало быть, и прежняя необходимость в социалистическом принципе оплаты каждой работы по количеству и качеству вложенного в нее труда.

Но необходимость расширенного воспроизводства рабочей силы остается. Да и возможности расширения фондов потребления трудящихся в связи с возникновением все новых культурных потребностей общества возрастают с ростом изобилия. А принцип платности всех благ, как метод их распределения, и мера труда мерой эквивалентных средств существования теряют под собой почву. Чем полнее будут насыщены все потребности общества, тем всестороннее и скорее в нем разовьются способности и дарования каждого из его членов. Пока наши ресурсы еще скудны — в первой фазе коммунизма, — общество вынуждено оплачивать только уже реализованный труд своих членов. Оплата здесь следует *после* труда, и каждый рабочий в отдельности *авансирует* все общество своим трудом. Во второй фазе коммунизма, становясь много богаче, общество уже само авансирует всеми

благами каждого из своих членов, стимулируя этим развитие их способностей в ожидании того, что каждый из них затем, в меру своих дарований, возместит этот аванс тем обильнее, чем больше последний послужит развитию этих дарований. Здесь, стало быть, уже *оплата предшествует труду* и его результатам.

Но если в первом случае оплата по количеству и качеству труда вполне возможна и целесообразна, стимулируя рост производительности труда, то во втором случае, предшествуя труду, оплата его уже никак не может быть соизмерена с его результатами. Возмещая со временем свои авансы «от каждого по способностям», коммунистическое общество «окупит», конечно, свои затраты на воспитание этих способностей в одних случаях с убытком, в других — с избытком, и лишь в общем итоге всему трудовому фронту, на все более высоком уровне техники и *качества* труда оно получит, помимо всех других эффектов, и все возрастающий экономический эффект. Все это и убеждает, что принцип платности всех благ и пропорциональность в оплате труда его результатам не *может* служить задачам распределения благ по потребностям и успешному развитию всех дарований трудового коллектива. И в меру постепенного приближения к высотам коммунизма принцип оплаты по труду, а вместе с тем и «универсальный» принцип платности всех благ вообще все менее будут удовлетворять его требованиям.

Сторонники принципа платности в условиях коммунизма настаивают на его универсальности, усматривая ее в том, что отменить платность возможно лишь единовременно, на *все* производимые блага. Если б мы вздумали объявить бесплатным, говорят они, лишь какое-нибудь одно из многих благ, например установить бесплатное снабжение хлебом всех трудящихся, то хотя бы его производилось уже предостаточно для *этой* цели, но бесплатным хлебом стало бы очень выгодно откармливать и свиней. По законам экономики это расширило бы производство свиней, но оставило бы без хлеба людей и, создавая такие диспропорции в плановом хозяйстве, ни на шаг не приблизило бы нас к условиям коммунизма.

Однако еще больше трудностей создает гипотеза об единовременной ликвидации платности всех благ в какой-либо, хотя бы самый отдаленный, момент. Прежде всего в любой момент наряду со старыми возникают и новые, недостаточно еще на-

сыщенные потребности. Например, вчера еще нам не хватало, несмотря на платность этих благ, радиоприемников, сегодня — множатся очереди за телевизорами, но на завтра нам обещают уже цветное телевидение, на послезавтра планируются новые чудеса химической промышленности пластиков-полимеров и т. д. без конца, ибо человеческому изобретательству нет пределов. Понятно также, что всякое производство новинок техники и науки приходится долго осваивать и невозможно сразу развернуть в таких масштабах, чтобы удовлетворить ими немедленно, скажем, все 220 с лишним миллионов населения СССР... А между тем с ликвидацией платности всех благ всякий пожелает получить и новый мотоцикл, и автомобиль, и баян, и радиолу, и цветной телевизор, и всякие иные остродефицитные новинки производства далеко не первой необходимости. А в результате этого образуются лишь новые сверхочереди за получением безмездно тех или иных привлекательных ненужностей, и люди будут бесплодно терять в них уйму драгоценного времени, вместо того чтобы творчески создавать новые ценности.

Не меньше несообразностей огульная ликвидация платности вызвала бы в отношении распределения тех благ, которые вообще не поддаются *массовому* воспроизводству, как большинство художественных изделий или как некоторые предметы моды, которые до тех только пор и привлекают к себе общее внимание, пока еще представляют собой редкую новинку, и немедленно «выходят из моды», как только становятся продуктом массового производства. Было бы совершенно нецелесообразно, например, включить в состав безмездно распределяемых благ такого рода ценности, как картины Репина или Левитана, ибо такие художники не плодятся, как грибы после дождика, а чтобы сделать их творчество доступным каждому, достаточно объявить *бесплатным* лишь вход во все общественные музеи и картинные галереи, где хранятся и демонстрируются их художественные произведения. Еще меньше оснований было бы торопиться с ликвидацией платности в области распределения предметов моды. Говорят, что даже в нашей советской демократии можно было изредка увидеть прекрасных дам, которые в угоду нелепой моде самоотверженно потели в театральных ложах, нацепив на себя по *семи* чернобурок зараз. В условиях *бесплатности* всех благ для насыщения одной лишь этой потребности не хватило бы,

конечно, даже всего чернобурого населения сибирской тайги. Но следует ли в условиях коммунизма поощрять такого рода моды?

Идея *одновременной* ликвидации платности всех благ для реализации принципов коммунизма встречает, однако, возражения и с другой стороны. Она утопична уже потому, что предполагает необходимость еще одной революции для построения коммунизма там, где осуществим лишь процесс длительной организационной подготовки новых форм распределения и *постепенный* переход от социализма к коммунизму. Второй революции нам не потребуется для этого уже потому, что в социалистическом обществе нет классов, против которых ее можно было бы направить. Вторая фаза коммунизма является лишь естественным продолжением и развитием первой. Это относится и к смене действующих форм распределения. «Каждый новый способ производства или новая форма обмена, — по словам Энгельса, — вначале стесняются не только старыми формами и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Им приходится лишь *путем долгой борьбы* (курсив мой. — *С. С.*) завоевать себе соответствующее распределение»[1].

В первой фазе коммунизма и государственные формы управления, и рыночные формы распределения — это, несомненно, еще старые, отживающие формы бытия. А новое распределение по потребностям реализуется путем долгой борьбы со старыми, рыночными его формами. И это, конечно, предполагает долговременное *сосуществование* этих форм в процессе постепенного вытеснения устаревшей формы новыми.

Идея о том, что принцип платности универсален и неделим, что его невозможно ликвидировать в порядке той или иной очередности по частям,— равносильна запрету и вообще когда-либо приступить к решению этой задачи. В этом отношении она напоминает опровергнутую уже нашей практикой идею о невозможности построения социализма в одной лишь стране. Ожидать, пока к социализму созреют сразу все страны, мы не могли и не стали. И социализм в своей стране, вопреки ожиданиям всех догматиков, построили. А впрочем, та же практика, опережая теорию, давно уже опровергает в СССР и непродуманную идею о нерушимости «универсального» принципа

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 151.

платности всех благ. С каждым годом все возрастающая их масса распределяется в нашей стране по линии социально-культурных ее потребностей *совершенно безмездно,* и никаких опасных диспропорций в нашем плановом хозяйстве в связи с этим не возникало.

Особенно важно, однако, подчеркнуть, что все эти даровые блага распределяются деньгами или натурой, в виде пособий, пенсий, стипендий или в формах бесплатного обучения и лечения — не по труду, а по *потребностям* населения. Иными словами, если в сфере производства у нас и поныне господствует социалистический принцип — каждому по его труду, то в сфере социально-культурного строительства наряду с ним бытует уже и другой, коммунистический принцип распределения — по потребностям каждого. И не только бытует, но и растет, опережая в своем росте темпы расширенного воспроизводства всего вновь создаваемого продукта. В самом деле, к началу первой пятилетки затраты на социально-культурные мероприятия составили всего, по данным ЦСУ, около 200 миллионов рублей, не достигая и 10 процентов национального дохода, а по отношению к бюджету Союза не превышали 15 процентов. В дальнейшем же наблюдается такой их рост в процентах от расходов бюджета страны, который показан в диаграмме на стр. 46.

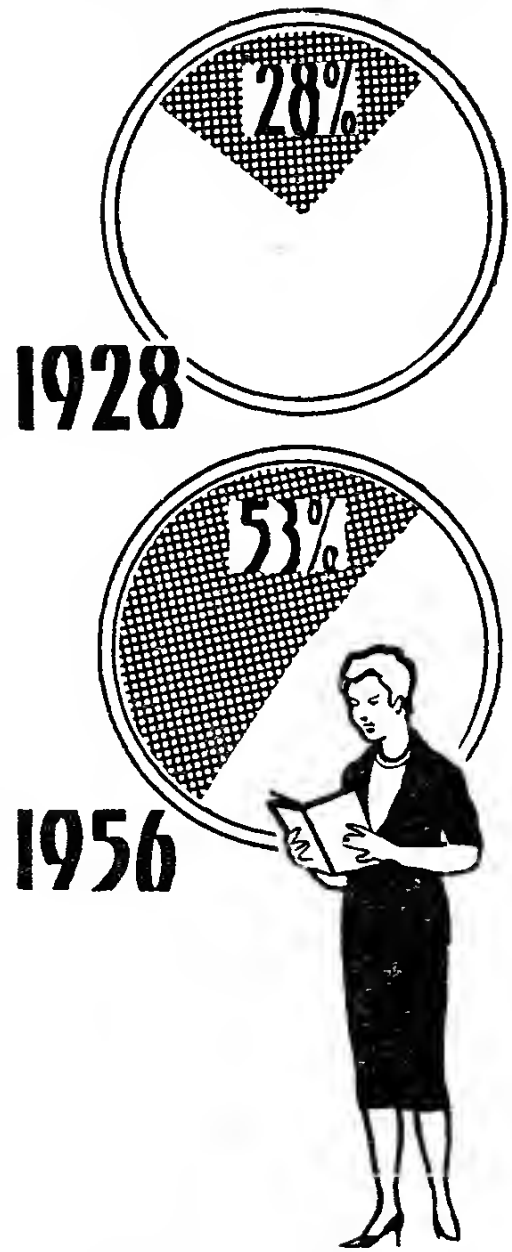
Считая только с 1940 года, несмотря на военные невзгоды, удельный вес всех выплат и льгот, получаемых трудящимися сверх их индивидуальной зарплаты по линии социально-культурных мероприятий, повысился в бюджете за 20 лет с 23 до 34 процентов. Если же считать с 1927—1928 гг., то к 1962 году этот их вес возрос и в бюджете, и в народном доходе по меньшей мере *вдвое*. Заработная плата рабочих и служащих в СССР тоже сильно возросла за те же годы. Но если в 1927—1928 гг., накануне первой плановой пятилетки, выплаты и льготы по бюджету социально-культурных мероприятий не достигали 27 процентов от общих в стране фондов индивидуальной зарплаты, то после второй мировой войны их исчисляли уже в 38 процентов от этих фондов, а ныне они, несомненно, еще выше. Говоря иначе, уже теперь доля фондов потребления, распределяемых *по потребностям,* растет быстрее их доли, распределяемой по труду. В этом и сказывается постепенный рост элементов коммунизма в области распределения уже на данной ступени развития первой его фазы.

Удельный вес затрат на социально-культурные нужды в СССР

Действуя в нашей практике одновременно, эти столь различные принципы распределения, однако, отнюдь не противодействуют друг другу, а даже, совсем напротив, размежеванные в разных сферах своего применения, они *содействуют* друг другу в решении общих задач коммунизма. Принцип безмездного распределения по потребностям, господствующий уже ныне в строительстве новой, социалистической *культуры,* приносит свои дары, как известно, прежде всего детям, учащимся, больным, инвалидам труда и престарелым членам каждой рабочей семьи, то есть слабейшим элементам общества. Но это облегчает задачи и сильнейших его членов. Вы-

равнивая обременяющий их груз иждивенцев и снимая заботы о повседневном их обслуживании, это освобождает всех трудоспособных для гораздо более плодотворного соревнования в сфере *материального* производства, где по-прежнему еще царит суровый принцип распределения по труду.

Какими социальными сдвигами чревата такая практика, можно убедиться хотя бы на следующих фактах. На домашнее обслуживание членов семьи еще недавно, в 1923 году, расходовалось в рабочих и крестьянских семьях от 30 до 40 процентов всего использованного ими рабочего времени. Но львиная часть этого домашнего труда падала, конечно, на долю миллионов матерей и вообще женской половины человечества, растягивая их рабочий день вместо 8—10 до 13 часов в сутки и поглощая на эту задачу по времени не менее 40—50 процентов всего женского труда в городе и деревне. Но с тех пор прошло уже 40 лет. И в составе наемной рабочей силы СССР доля женского труда с 1929 по 1956 год возросла в среднем с 27 до 45 процентов — почти вдвое, поднимаясь в области просвещения и науки до двух третей и в области здравоохранения — до 85 процентов всех специалистов, занятых в



Неизмеримо возросло число женщин, имеющих высшее образование.

[1] Достиженя Советской власти за 40 лет. М., 1957, стр. 265—267. (В царской Россин по переписи 1897 года женщины составляли 23 процента всей наемной армии труда.)

этих отраслях творимой у нас социалистической культуры[1].

Конечно, такой успех женщин оказался возможным лишь за счет уменьшения числа домашних хозяек, освобождаемых от их участи в меру обобществления труда и быта. Можно лишь изумляться тем успехам, с которыми женщины за столь короткий исторический срок, в 30—40 лет, догоняют своих мужей и братьев в культурном развитии. Ведь даже среди всей советской интеллигенции с *высшим* образованием женщины, опередив мужчин, повысили свой удельный вес с 1928 года к 1956 году от 28 до 53 процентов. Такой рост числа женщин в рядах *мастеров культуры* при резком сокращении числа домашних хозяек и угрожающем дефиците в наемных домашних работницах — это знамение времени. «Домрабы» не хотят быть и не будут «рабами». И это означает начало конца самой многочисленной разновидности полурабского труда и близкий конец печальной женской участи в извечном кухонном рабстве не только наемной прислуги, но и всех вообще жен и матерей старого мира.

Но дары культуры в социалистическом строительстве имеют и другое назначение: не только облегчить участь слабейших членов общества, но и поднять все общество на высший уровень культуры, содействуя гармоническому развитию всех его индивидуальных и социальных задатков. Нет более высоких культурных ценностей, чем здоровье и разум человека. Но именно поэтому следует отказаться от принципа *платности* всех других благ, какие необходимы для полного развития и расцвета в человеке этих наиболее ценных его качеств.

Каждый человек в отдельности меньше всего думает о своем здоровье до тех пор, пока не заболеет. Но общество должно быть предусмотрительнее в этом отношении. Вот, например, США богаче многих других стран. Но если рабочему потребуется здесь срочно сделать самую легкую операцию — удалить аппендикс, то врач возьмет с него за это тысячу долларов. Однако средний рабочий в неделю зарабатывает там не свыше 80 долларов. Значит, чтобы заработать такую сумму, ему потребуется свыше трех месяцев. А в случае аппендицита, хотя это и пустяковое заболевание, но без операции не проживешь и трех дней. Вот и погибнет человек ни за грош. Такая же судьба ждет его и в любой другой капиталистической стра-

не. И это лучше всего поясняет, почему в странах социализма медицинская помощь всем и каждому оказывается безотказно и безмездно, в меру потребностей в ней.

В здоровом теле здравствует и разум. Но для полного его развития, кроме здоровья, нужна и школа — и низшая, и средняя, и высшая. При платности обучения, однако, оно оказалось бы малодоступным или даже вовсе недоступным большинству многодетных семей рабочих и крестьян. Так, например, в США плата за учение в вузах составляет от 1500 до 2500 долларов в год. И такое учение доступно там лишь немногим. Но между тем оно дорого всем. И не только самим учащимся и их близким, но всему обществу в целом. Социалистическое общество предоставляет его безмездно всем своим членам и обеспечивает детей рабочих стипендиями, независимо от их числа, по потребности. Бесплатное, всеобщее и обязательное обучение, однако, было только первым шагом культурной революции в СССР. Но плоды ее налицо. По числу ученых, инженеров и техников наша страна заняла уже первое место в мире. А наука и техника, ускоряя темпы технического прогресса, обеспечивает возможности дальнейшего расширения коммунистической практики *дарового* распределения благ по потребностям.

В каких же направлениях возможно и вполне уже целесообразно в условиях растущего изобилия расширение этой практики?

Для разумного выбора этих направлений необходимо, конечно, изучение тех пропорций, в которых развиваются общественные потребности и средства их удовлетворения по объективно регулирующим их закономерностям. Ясно, например, что уже по условиям массового производства изобилие *различных* благ будет достигнуто независимо от произвола людей в весьма различные сроки. Ясно и то, что ликвидация принципа платности может быть признана целесообразной лишь в отношении тех благ и с того лишь момента, когда они будут производиться уже в достаточном количестве по отношению к наличной в них общественной потребности. Но и в определении этих потребностей недопустим личный произвол индивидуального потребителя. В развитии общественных потребностей тоже существуют нормы и закономерности, общеобязательные в плановом социалистическом хозяйстве.

Принцип «каждому по потребностям» не равнозначен прин-

ципу — каждому подай, чего и сколько ему заблагорассудится. Убедительны только *разумные* требования. Именно поэтому Ф. Энгельс писал, что при коммунизме «каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах»[1]. А разумные потребности поддаются определению. И их следует изучать и нормировать даже вне всякой зависимости от принципов платности или безмездности в условиях коммунизма, ибо и ныне социалистическое производство подлежит планированию в соответствии с учтенными потребностями общества. Правда, наука о нормировании в области потребления еще далека от совершенства. Но и теперь в интересах здравоохранения разрабатываются рациональные нормы и режимы питания для разных условий труда и состояний здоровья. И хотя эти нормы не имеют силы закона, но сама природа штрафует нас частенько за несоблюдение их не только расстройством желудка, но и более серьезными недугами.

Предвидение Энгельса о том, что удовлетворение потребностей каждого при коммунизме будет обеспечиваться во все *возрастающих* размерах, едва ли означает, что с ростом изобилия будут расти и *нормы* потребления таких предметов первой необходимости, как хлеб, мясо, молоко, овощи и прочие продукты повседневного питания. Разумная потребность в хлебе, например, даже падает при расширении ассортимента всех других продуктов питания. Вернее всего, что Энгельс имел в виду не столько рост *норм,* сколько последовательное *расширение круга потребностей,* обеспечиваемых по принципам коммунистического распределения. В таком случае действие рыночного принципа платности уже на гранях между первой и второй фазами коммунизма можно бы последовательно ограничивать все более узким кругом потребностей в продуктах наиболее дефицитных производств, включая сюда и те предметы роскоши и комфорта, массовое производство которых еще не укладывается в общие планы производства без явного ущерба удовлетворению более настоятельных потребностей.

С момента, когда доля внерыночного распределения средств существования уже превзойдет рыночный их оборот и коммунистический принцип бесплатного распределения станет господствующим, мы тем самым как будто переступим порог

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 421.

коммунизма. Но поскольку этот порог еще не исключает и принципа платности в известной доле продукции и товарно-денежных отношений, а вместе с тем и индивидуальной оплаты труда для реализации рыночной доли продукции, то такое вступление в эру коммунизма отнюдь еще не предрешает всех дальнейших ступеней его развития. Однако, может быть, еще и не пришло время заглядывать слишком далеко. Гораздо яснее ближайшие этапы развития на этом пути. Их определяют те тенденции, какие уже достаточно выявились в прошлом и настоящем первой фазы коммунизма.

У нас не раз уже гадали экономисты о том, с каких именно конкретных благ следует начать внедрение бесплатного их распределения по потребностям. Предлагалось начать применение этого принципа с хлеба насущного. Противники возражали на это, пугая всех свиньями, которым сразу же будет скормлен весь этот даровой хлеб. Но ни те, ни другие не замечали, что, в сущности говоря, выбор уже сделан. Социалистическая практика признала, что не хлебом единым жив человек, и начала с дарового распределения наименее осязательных благ *духовной культуры,* ибо первой же задачей стала ликвидация самой азбучной неграмотности, а затем и всего прочего бескультурья всех степеней.

Такой выбор очень показателен. Классифицируя потребности по их настоятельности, нам пришлось бы признать самой настоятельной и первоочередной потребность в хлебе и других продуктах питания, затем следуют потребности в одежде и обуви, в жилище и прочих предметах первой необходимости. Культурные потребности при этом всегда оказываются на последнем месте, а потому и удовлетворяются в последнюю очередь, за счет лишь *излишков*, сверх потребности во всех элементарных средствах существования. Но такие «излишки» в странах капитала доступны лишь классу буржуазии. А потому и все блага культуры становятся там монополией буржуазии.

Социализм радикально опрокинул вверх дном в числе других и весь этот старый порядок. Элементарные потребности людей при социализме достаточно обеспечиваются их индивидуальной заработной платой, получаемой по труду. Но именно потому, что культурные потребности в индивидуальных бюджетах занимают последнее место, социалистическое общество взяло на себя заботу о них и, финансируя их за свой

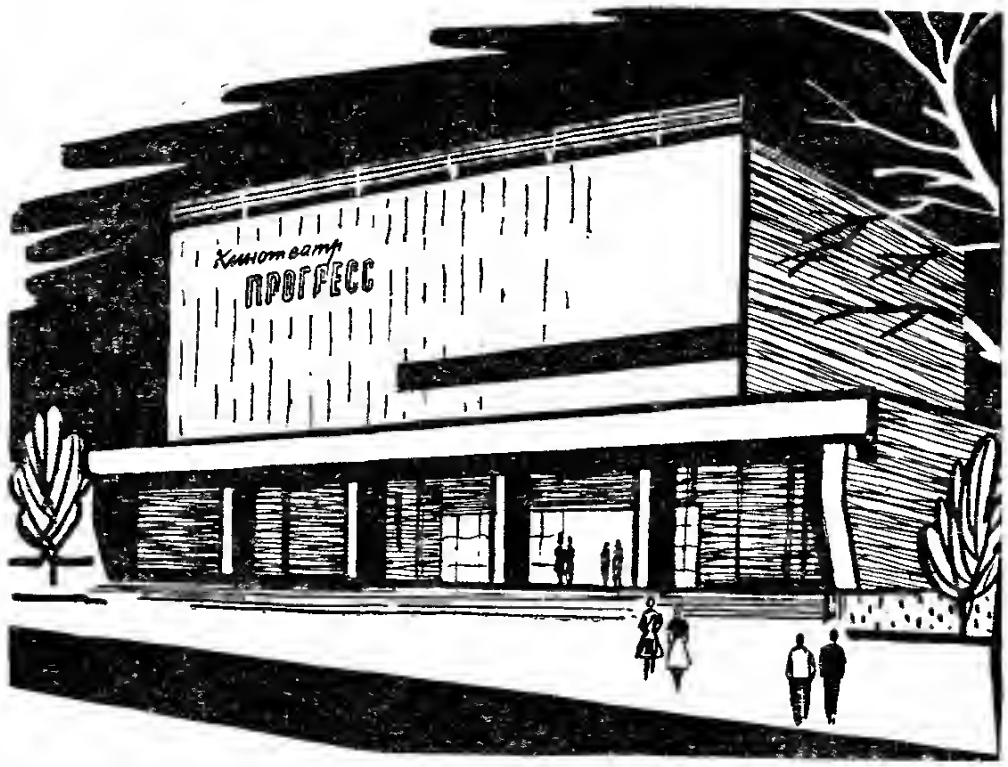
счет, в порядке безмездного удовлетворения, поставило их на первое место.

В этой области сделано уже очень много, особенно в деле общественного воспитания и всеобщего образования, в заботах о детстве и материнстве, о физической культуре и здоровье всех трудящихся, о культурном отдыхе их и культурной самодеятельности... Но можно и нужно в том же направлении сделать гораздо больше. Например, почему бы, не скупясь, не предоставить со временем за общественный счет каждому трудовому коллективу, бригаде, по выбору потребителей, газету, пару журналов, дюжину романов, увенчанных Ленинской премией, приглашение на просмотр за год десятка лучших пьес и фильмов, хороший радиоприемник и телевизор? Пока все это еще дефицитные блага. Но они не должны быть такими. И такой культпаек, не полагаясь на собственную тягу к лучшим достижениям социалистической культуры *отсталых,* приобщил бы к ней *всех* и таким образом выполнил огромную воспитательную работу.

Общественное воспитание от яслей до университетов — это главное направление для эффективного использования принципов бесплатного распределения благ с приближением к высотам коммунизма. Но есть и другие. Весьма эффективным явилось бы со временем использование его и в области общественного питания[1]. Конечно, фабрики-кухни и общественное питание и в условиях платности сберегают много труда. Сеть общественного питания в СССР быстро растет, ее обороты превышают уже 6 миллиардов рублей в год. Но все же при цене обеда в 50 копеек она не обеспечивает еще обедами и 16 процентов населения страны. Лишь очень значительное расширение сети общественного питания с решительным удешевлением его и улучшением его качества, а затем и полная его бесплатность выявили бы полностью всю эффективность этих мероприятий, освободив от кухонного рабства десятки миллионов людей.

Для полного снабжения всех трудящихся с первых же ступеней коммунизма всем необходимым, хотя бы на скромном уровне «достатка», в условиях бесплатности питания остава-

[1] По обследованиям бюджета времени рабочих и крестьян только на приготовление обеда в 1920-х годах, в их семьях расходовалось из расчета на одну душу свыше 300 часов в год. На 200 миллионов душ это составило бы свыше 60 миллиардов часов.



лось бы обеспечить их еще, в том же порядке понижения цен, а затем и бесплатно, только рабочим костюмом и «достаточной» нормой жилплощади. Все остальное — и праздничный костюм, и ресторанные деликатесы, и художественная обстановка, и предметы искусства — все сверх необходимого — могло бы на этой ступени восполняться в порядке *рыночного* снабжения, по полной стоимости, за счет заработной платы, выплачиваемой на прежних основаниях: каждому по его труду.

Такой порядок на первых ступенях гарантированного «достатка» не нарушает еще ни интересов хозрасчета, ни требований экономической стимуляции труда. Все средства существования по-прежнему реализуются в порядке эквивалентного обмена, с той лишь разницей, что все льготы потребителям возмещаются доплатами из бюджетных фондов *общественного* потребления. Товарооборот — и денежный, и по безналичным расчетам,— расширяясь, все так же выполняет свое назначение. Индивидуальная заработная плата по-прежнему калькулируется и в часах и в рублях оплаченного труда в издержках общественного производства. Только доля ее в

этих издержках по сравнению с отчислениями в фонды *общественного* потребления и накопления постепенно сокращается.

Все бесплатные блага культуры и материального достатка, предоставляемые населению, можно бы рассматривать при этом как натуральную часть заработной платы всего коллектива трудящихся, с той только разницей, что она выплачивается и нетрудоспособным — старикам за их *прошлый* труд, малышам — авансом за *будущий* — и потому распределяется уже не по труду, а по потребностям старых и малых.

Ясно, однако, что каждое отдельное предприятие или колхоз не может взять на себя такую повседневную заботу о всех трудовых кадрах прошлых и предбудущих времен. Это посильно лишь всему организованному коллективу трудящихся в порядке перераспределения всего создаваемого им общественного продукта через государственный бюджет и широчайшую сеть специально организованных для этого институтов. Было бы, однако, преступным легкомыслием недооценивать колоссальных трудностей рассматриваемой задачи коммунизации быта, вытекающей уже из самого объема связанных с нею затрат. Ведь даже на величайшие из наших строек коммунизма, рассчитанных на 5—6 лет строительства, например на крупнейший металлургический завод, требуется затратить всего 300—500 миллионов рублей, а чтобы обеспечить все население СССР одним лишь обедом в течение года нужно ассигновать 36,5 миллиарда рублей.

За счет каких же источников и в какие сроки можно было бы реализовать широкую программу коммунизации рабочего быта, хотя бы в объеме первой ее очереди?

Само собой понятно, что иных источников для этого, кроме продукции собственных рук, в странах социализма быть не может. Но эта продукция растет не только за счет числа и энергии рабочих, но и за счет технического прогресса, облегчающего труд, а этот прогресс обусловлен не только физическим, но и умственным трудом *всех* членов общества. Плоды прогресса, растущие за счет вооружения труда *средствами производства,* никак не могут быть вменены в *индивидуальные* заслуги тех рабочих, труд которых *облегчается* этими орудиями и прочими средствами труда. И поскольку средства производства принадлежат в условиях социализма всему обществу, то и весь прирост общественного продукта за счет этих средств должен принадлежать всему обществу. Этот при-

рост и является естественным источником фондов общественного потребления и накопления в условиях постепенного строительства коммунизма.

Все это означает, что ресурсы коммунизма неисчерпаемы и что при отсутствии внешних помех он шагает к своему завершению сверхскоростными темпами. Но в связи с этим возникает и такой вопрос: если каждый рабочий уже на полдороге к коммунизму, получая бесплатно все необходимое, будет сыт, одет и обут, то сохранятся ли у него в этих условиях достаточные экономические стимулы к труду?

До поры до времени, конечно, останутся и *экономические* стимулы. Ведь быть только сытым и одетым, хоть и не плохо, но не столь уж и хорошо, чтобы не пожелать лучшего. То, чем мы уже обладаем, хотя бы это были вода и воздух, без которого не прожить и пяти минут, мы уже вовсе не ценим.

Но тем ценнее для нас те блага, которыми мы еще не располагаем в достаточном количестве и не можем получить без денег или труда. В частности, бесплатный обед в общественной столовой может быть питательным, но это не исключает потребности выпить уже за деньги после такого обеда стаканчик дорогого вина и даже захватить с собой бутылочку на дом для угощения друзей. Бесплатный рабочий костюм может быть очень удобным и прочным, но разве вам не захочется иметь и другой, поизящнее, для праздничных прогулок или для танцев и спорта?

А сколько еще привлекающих вас вещей можно купить в полных всякого добра магазинах, если вы уже сыты и одеты и весь свой заработок можете целиком употребить в зависимости от вкусов и потребностей на покупки столь заманчивых вещей, как книги и картины, цветы и фрукты, духи и вина, часы и фотоаппараты, велосипеды и мотоциклы, балалайки и баяны, модельные туфли и многое другое. Все эти блага далеко не первой необходимости, до тех пор пока они остаются платными, несомненно будут все же стимулировать оплачиваемый труд.

Однако, помимо экономических, в арсенале социалистического общества имеется и много других стимулов труда. Правда, пережитки старого строя в сознании людей весьма живучи. К их числу относятся взгляды, по которым праздная сытость — высшее благо, а повседневный труд — столь тяжкое и унизительное занятие, к которому может принудить лишь

крайняя нужда. С такими пережитками необходимо, конечно, активно бороться и преодолевать их, воспитывая новое, коммунистическое сознание в условиях нового социального бытия.

Нельзя, однако, научиться плавать, задерживаясь из опасений замочить ножки на сухом берегу. Нельзя и воспитать коммунистическое сознание, не вступая в конкретном хозяйственном опыте на пути коммунизма. А впрочем, это воспитание, а также прямой трудовой опыт новаторов производства и героев труда в городе и деревне показывают, что уже ныне доблестный труд становится делом чести все более широкого круга советских людей. Праздность же становится настолько постыдной, что даже последние лодыри и бездельники вынуждены ныне подтягиваться на общественной работе. Они по опыту знают, что в противном случае их засмеют в коллективе. И этот смех, клеймящий позором всех лодырей в Республике Труда, страшней иных бичей.

Конечно, в семье не без урода. Иного лодыря не проймешь и смехом. Но если бы такой лодырь, получив в будущей коммуне даровое снабжение, вздумал попросту почить на лаврах, то ему можно было бы вежливо напомнить, что, оделяя всех своих членов по потребностям, коммуна и от них в свою очередь требует возмещения трудом по способностям. Лодырям нет места в коммуне. Для окончательного воспитания их имеется в запасе и такой суровый рецепт: «Не трудящийся — пусть и не ест»... плодов *чужого* труда. Можно на первый случай использовать и более мягкий рецепт Л. Н. Толстого, реализуемый даже в самой примитивной мужицкой трудовой артели: «У кого мозоли на руках,— гласит этот рецепт,— полезай за стол, а у кого нет — тому объедки!» «Объедки» тоже могут служить задачам идеологического воспитания бездельников.

Однако с приближением к коммунизму настолько меняется, становясь все более привлекательным, самый характер труда, что никаких искусственных стимулов для привлечения к нему не потребуется. Если к этому времени мы поднимем к тому же и квалификацию всех трудящихся до уровня инженерно-технического труда и тем самым *выравняем* их на этом уровне, то отпадает и всякая надобность различий в оплате труда на различных работах. Бессмысленно ведь штрафовать кого-либо в оплате труда за то, что общество поручает ему менее трудную или менее ответственную работу, если он спо-

собен выполнить и более ответственную. И нет никакой нужды в поощрении лишним рублем тех, кто уже в самом своем труде ищет и находит высшее удовлетворение. Таким образом, от «уравниловки» на уровне нищеты времен «военного коммунизма», пройдя через все ступени поощрения высокой производительности резкими различиями в оплате труда, мы снова станем приближаться ко все более равномерному обеспечению потребностей всех трудящихся до тех пор, пока не реализуем полностью своих идеалов трудового равенства и братства уже на новом уровне коммунистического изобилия.

Вместе с тем потеряют всякий смысл все *расчеты* по индивидуальной оплате труда, и вполне своевременной станет задача окончательного завершения принципов коммунизма в области распределения всех благ по потребностям.

Допустим, что это окажется возможным в момент, когда индивидуальный фонд зарплаты не превышает уже 20 процентов от общего фонда потребления. Тогда и эти 20 процентов перечисляются всеми предприятиями и учреждениями через бюджет в общий фонд общественного потребления. А всем потребителям, сверх всего дарового снабжения *в натуре,* предоставляется право приобретать, скажем, по чековым книжкам в пределах установленного на каждый месяц лимита в общественных магазинах любые блага по их полной стоимости. И поскольку каждый в своем выборе будет при этом следовать своим вкусам и потребностям, то и в этой области второочередных потребностей и дефицитных благ со временем, в соответствии с таким свободным спросом, будут определяться и необходимые плановые пропорции их в производстве и распределении.

Едва ли возможно уже ныне предусмотреть все трудности, какие возникнут на этом этапе завершения коммунизма в области учета и планирования производственных пропорций. Заменит ли полностью прямой учет трудовых затрат в человеко-часах все денежные расчеты в рублях или и «деньги» будут еще служить задачам планирования, постепенно изменяя лишь свои функции и экономическую природу? Как будет меняться содержание таких экономических категорий, как «товар», «цены» и «стоимость»? Все это далеко еще не ясно и дискутабельно.

К каким же выводам приводит все вышесказанное?

Для нас несомненно, что в практике строительства комму-

низма мы продвинулись уже далеко. И ныне коммунизм — это не отдаленное будущее, а непосредственная цель практической деятельности советских людей. Если 45 лет назад на земном шаре насчитывалось около 400 тысяч коммунистов, то теперь их свыше 36 миллионов. И уже свыше миллиарда людей в странах великого социалистического содружества строят новую жизнь под знаменем коммунизма. Социалистические страны занимают более четверти территории нашей планеты. Здесь проживает свыше трети населения земного шара и производится около одной трети мировой промышленной продукции. Внешние угрозы при такой мощи этого содружества уже не могут по-прежнему надолго отвлекать нас от внутренних задач построения коммунизма, которое, одновременно решая нашу главную экономическую задачу, приблизит и окончательное решение судеб мирного экономического соревнования двух мировых систем. Мы все воодушевлены предвидением Маркса о том, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием, нарождается новое общество, международным принципом которого будет *мир,* ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд!*

КОММУНИЗМ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Общеизвестно, что основоположники марксизма-ленинизма были убежденными сторонниками взгляда, по которому победа коммунизма приведет к *ликвидации* разделения труда и обеспечит *всестороннее* гармоническое развитие личности человека. Ясна и неразрывна внутренняя связь этих целевых установок на путях к коммунизму. Ведь всякое профессиональное разделение труда с более или менее узкой его специализацией неизбежно приковывает человека на всю жизнь к этой избранной им узкой специальности, допуская даже в лучшем случае лишь *однобокое* его развитие, в пределах одной лишь этой специальности. А это принципиально противоречит коммунистическому идеалу возможно широкого, всестороннего развития. Тем не менее в годы культа личности Сталина идеи классиков марксизма о разделении труда подверглись известной ревизии в кругу советских экономистов.

И когда один из аспирантов в 1947 году в своей диссертации весьма энергично выступил в защиту идей о ликвидации разделения труда в условиях коммунизма, то, несмотря на вполне правильную трактовку им этих идей в духе марксизма, весь ученый совет дипломированных экономистов, за исключением одного-двух голосов, с треском провалил эту в общем весьма серьезную и добротную диссертацию.

И в этом не было ничего неожиданного. Ведь уже в первом же апробированном советском учебнике политической экономии, выпущенном тиражом в шесть с лишним миллионов экземпляров, было сказано кратко, но ясно: «Коммунизм, устраняя старое разделение труда, *вовсе не отрицает необходимости разделения* труда»[1]. Никаких обоснований этой новеллы в новом учебнике не содержалось. О законе перемены труда, призванном прийти на смену однобокому разделению труда с победой коммунизма, в нем даже не было упомянуто. Но во главе редакции учебника стояли люди, в лояльности которых по отношению ко всем требованиям царившего тогда культа личности сомневаться не приходилось. И новая трактовка разделения труда, несомненно, отражающая собою эти требования в таком учебнике, становилась уже законом. Вполне естественно, что в среде, воспитанной под глубоким гипнозом этого культа, его «законы» пользовались особым престижем. На их защиту автоматически ополчалось все охваченное этим культом «сплоченное большинство». И печальная участь диссертации тов. Енчмена — только поучительный частный случай проявления подобной стадности в ученых кругах[2].

С тех пор прошло немало лет. И в новой обстановке, уже на страницах журнала «Вопросы философии», мы снова возвращаемся к дискуссии на ту же тему. По-видимому, это вполне своевременно. Застрельщиком дискуссии на эту тему в журнале «Вопросы философии» выступает А. К. Курылев. Этому философу известны высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса «об уничтожении» разделения труда. «Никто не может отрицать того факта,— заявляет он,— что такие высказывания

---

[1] Политическая экономия. Учебник. М., 1954, стр. 566. (Курсив мой.— *С. С).*

[2] Речь идет о диссертации тов. Э. Енчмена «Какое место занимает уничтожение разделения труда в строительстве социализма и коммунизма в СССР». М., 1946 (не опубликована).

действительно имели место». Но, вдумавшись в них «внимательно», А. Курылев приходит к довольно неожиданному выводу: «Они относятся к капиталистической системе разделения труда»[1]. Итак, по Курылеву, Маркс высказывался за *уничтожение* разделения труда... в *капиталистическом* хозяйстве, не касаясь условий коммунизма. Но это явное недоразумение, ибо спор идет как раз о том, будет или не будет разделение труда при коммунизме, и Курылев хочет сказать, что разделение труда *будет* и при коммунизме, только в таких *новых* его формах, какие не исключают всестороннего развития личности.

Такова одна из позиций в начатой дискуссии. Она не совпадает с взглядами классиков марксизма, ибо они, отвергая «старое» разделение труда, не видели и никаких новых форм, отвечающих задачам всестороннего развития личности. Не нашел их еще и А. Курылев в сколько-нибудь конкретном раскрытии. Но, не усматривая непримиримых противоречий между требованиями узкой специализации и гармоническим развитием личности, он не чувствует пока особых слабостей своей позиции.

Гораздо решительнее в защиту вечной необходимости в разделении труда выступают другие философы[2]. Им тоже известно предвидение Маркса, высказанное в «Критике Готской программы», о том, что на высшей стадии коммунистического общества исчезнет *подчинение человека разделению труда*. Но они уже без всяких оговорок объявляют такие предвидения *утопическими*. «Развитие производительных сил,— пишут они,— базируется на развитии разделения труда. Нельзя представить развитие производительных сил без дальнейшего развития разделения труда и более узкой, углубленной специализации людей... Следовательно, для коммунистического общества, которое будет характеризоваться бурным развитием производительных сил, нельзя говорить об уничтожении разделения труда и переходе к утопическим (?!) схе-

---

[1] А. К. Курылев. Разделение труда и всестороннее развитие личности в период перехода от социализма к коммунизму. — «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 22.

[2] А. В. Андреев, Я. В. Тимошков. Разделение труда и общественные группы при коммунизме. — «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 41—44.

мам, представляющим человека коммунистического общества чередующим различные виды труда».

Возражая Курылеву, который, сохраняя разделение труда при коммунизме, не прочь сочетать с ним и закон перемены труда, установленный Марксом, эти философы с завидной смелостью утверждают, что «Маркс такого закона *не* устанавливал...». И этим попутно обнаруживается весьма прискорбный факт, что не все философы, трактующие о грядущих судьбах коммунизма, успели прочитать даже только первый том «Капитала». А впрочем, они и не нуждаются в благодетельной перемене труда, так как убеждены, что «узкая специализация ни в коей мере не порабощает личности и не уменьшает возможностей выбора труда, соответствующего способностям». *«Совершенно очевидно,* что коммунистическое общество *немыслимо* без постоянно развивающегося и углубляющегося разделения труда», — утверждают эти философы (стр. 43). Очевидные истины, конечно, не нуждаются в доказательствах. И совсем не затрудняя себя ими, эти философы свой тезис о необходимости все более узкой специализации и глубокого разделения труда выдвигают уже в качестве неоспоримого догмата, вечного и неизменного, по известной формуле — и ныне, и присно, и во веки веков, аминь! Но созвучны ли нашей эпохе такие догматические тезисы в марксистской дискуссии?

Между тем в среде нашей интеллигенции еще немало столь же решительных сторонников подобной концепции. И это в порядке вещей. Тому содействуют, помимо невежества многих, и приобретенные ими навыки догматического мышления, и та самая «очевидность» выгод специализации, за которыми скрывается вся сложная диалектика противоречий развития. Однако ничего нового или особо оригинального в приведенных высказываниях Андреева и Тимошкова я не вижу. Свыше пятидесяти лет тому назад, будучи студентом, на лекциях и в семинаре известного П. Б. Струве я был свидетелем и не такой еще апологетики разделения труда во славу связанного с ним роста производительных сил. Кстати сказать, к тому времени П. Б. Струве уже окончательно расстался с марксизмом. А в нынешней дискуссии оригинально лишь то, что с ревизией общеизвестных концепций Маркса выступают люди, сами мыслящие себя марксистами.

Устанавливал ли Маркс *закон* перемены труда в интересах

«возможно большей многосторонности рабочих», называя его «всеобщим *законом* общественного производства»? Да, устанавливал. Ставил ли он как *вопрос жизни и смерти* задачу «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить *всесторонне развитым индивидуумом,* для которого различные общественные функции суть *сменяющие друг друга способы жизнедеятельности*»? Да, ставил. Предвидел ли он «неизбежное завоевание политической власти рабочим классом» и «*уничтожение* старого разделения труда»? Да, предвидел. Об этом можно прочесть не только в более ранних его произведениях, но и в самом зрелом и наиболее законченном из них — «Капитале»[1]. И тем, кто пытается подвергнуть ревизии те или иные из этих идей гениального провидца, третируя их в качестве «утопических», нужно бы располагать в своем арсенале чем-нибудь посерьезнее совсем неубедительной ссылки на *очевидность* того , что «мыслимо» или «немыслимо» в коммунистическом обществе.

А. Курылев не столь уже последователен в своей приверженности к идеям вечной и неизменной необходимости в дальнейшем углублении все более узкой специализации труда. Он — за перемену труда и, во всяком случае, не решается взять под свою защиту «*старое* разделение труда с его окостеневшими специальностями» (Маркс). Но он все же пытается вопреки Марксу *увековечить* разделение труда даже в условиях коммунизма, привлекая себе на помощь в этом споре... самого Маркса. Курылев находит у него спасительную для себя цитату и, опираясь на его высокий авторитет, разрешает эту оригинальную контроверзу — Маркс против Маркса — весьма легко и изящно в пользу своей собственной концепции. Однако высокими авторитетами не следует злоупотреблять в научной дискуссии. С ними можно соглашаться или не соглашаться. Их мнения можно уточнять и развивать или оспаривать. Не рекомендуется лишь произвольно их искажать в полемическом увлечении. Не следует этого делать уже потому, что они слишком широко известны, и всякая фальшь в их использовании чревата лишь сугубым конфузом для тех, кто к ней прибегнет.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 498—499. (Курсив мой. — *С. С.*).

В самом деле, Курылев подкрепляет свое мнение о необходимости разделения труда при коммунизме следующей ссылкой на Маркса: «Очевидно само собой,— будто бы писал Маркс,— что эта *необходимость разделения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; изменится лишь *форма ее проявления*». Эта фраза извлечена из очень известного письма Маркса к Людвигу Кугельману от 11 июля 1868 года, в котором идет речь о тех *пропорциях распределения* труда в соответствии с массами общественных потребностей, которые в классовых формациях регулируются стихийным законом стоимости, а в условиях социализма и коммунизма сознательно устанавливаются народнохозяйственным планом. Но, к сожалению, в приведенной Курылевым фразе Маркса сразу же обнаруживается один весьма существенный дефект. Вместо подчеркнутых и в подлиннике Марксом слов: *«распределение труда»* (Verteilung der Arbeit)— в приведенной им цитате стоит *«разделение* труда». И таким образом, «усовершенствованный» Маркс привлекается в научной дискуссии для увековечения посмертно тех самых идей, против которых он гневно боролся всю свою жизнь. Картина для богов!

Необходимо, однако, заметить следующее. Еще в 1934 году в XXV томе Сочинений Маркса и Энгельса русский перевод письма к Людвигу Кугельману вполне соответствовал немецкому оригиналу, в чем легко убедиться, сопоставив этот перевод с немецким текстом Интернационального издательства[1]. Но в 1947 году в новом переводе того же письма мы находим его уже в той препарированной редакции, в которой его цитирует А. Курылев[2]. Имеются уже и другие издания с переводом в той же новой и заведомо неверной редакции того же письма Маркса к Кугельману[3]. И невольно возникает вопрос: кому и зачем понадобилось при переизданиях этого письма сознательно искажать подлинный текст высказываний гениального учителя?

Вполне понятно, когда при изданиях классиков переводы их исправляются в сторону уточнения и освобождения от обнаруженных ошибок в прежних изданиях. Но точность пере-

[1] Karl Marx. Briefe an Kugelmann. Berlin, 1924.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 208.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о капитале. М., 1948, стр. 160.

вода данного письма в XXV томе первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса не вызывает никаких сомнений. Не трудно убедиться из сличений русского с немецким текстом «Капитала» и по новейшему его изданию, что понятию *«разделение* труда» у Маркса всегда соответствует термин Teilung der Arbeit, а для выражения понятий «распределение» труда, продукта или богатства неизменно используется слово Verteilung[1]. И совершенно ясно, что, несмотря на сходное звучание этих терминов, значение их далеко не тождественно. Цитата из письма к Кугельману, в которой термин «разделение труда» буквально высосан из пальца, однако, весьма показательна. Переводчики наши достаточно грамотны, а редакторы не столь уж безответственны, чтобы на свой собственный страх и риск исправлять труды Маркса. И если все же это случилось, то инициатива таких «поправок» в годы культа личности могла исходить лишь из самых высоких сфер этого культа. По-видимому, и в этих сферах кому-то показалось самоочевидным, что коммунизм «немыслим» без разделения труда, и поэтому появились соответствующие неотразимые «указания» переводчикам.

Остановиться детальнее на таких основных понятиях, как старое узкопрофессиональное разделение труда, унаследованное от прошлого, и те желанные пропорции в распределении труда, какие мы предвидим в будущем, необходимо уже потому, что от той или иной их трактовки зависит и общее решение рассматриваемой проблемы. Ходячее понятие о разделении труда слишком широко. Говорят и о *международном* разделении труда в мировом масштабе, и о *территориальном* его разделении внутри страны. Необходимо различать разделение труда внутри общества, например, в разрезе его отраслевых пропорций, от «единичного» его разделения внутри мастерской, по линии профессиональной и подетальной специализации трудовых функций индивида, неизбежно ограничивающей круг его жизнедеятельности. Различают естественное — по полу и возрасту — и общественное разделение труда на разных ступенях общественного развития — с нарастанием все более яркой противоположности между городом и дерев-

[1] Ср., например, «Капитал», т. 1. По второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 23, (стр. 89, 348, 363, 368, 376, 431, 498, 499) и Karl Marx. Das Kapital, в. I. Berlin, 151 (стр. 84, 352, 368, 373, 381, 441, 513, 514).

ней, между физическим и умственным трудом и вообще между трудом и капиталом. И конечно, нельзя все эти разнородные виды и подвиды разделения труда рассматривать как нечто единое и нераздельное в своих грядущих судьбах.

Так, например, К. Маркс отмечал, что общественное разделение труда (внутри общества) и профессиональное (внутри мануфактуры) имеют не только разные, но даже «противоположные исходные точки развития»[1]. Рассматривая разделение труда как исторический процесс, имеющий не только свое начало, но и вполне определенный конец, Маркс, несомненно, именно в крайней профессиональной специализации частичного рабочего видел предельный апогей того разделения труда, которое уродует рабочего в условиях капитализма. А потому слишком широкое понятие разделения труда в *более узком смысле этого термина* у него сводится именно к такой, узкопрофессиональной трактовке его специфики.

Это подтверждается и его ссылкой на Скарбека в примечании. Скарбек тоже находил, что тот «род разделения производства, который можно было бы назвать разделением работы или труда в *собственном смысле,* имеет место в пределах отдельных ремесел или профессий»... Чтобы еще точнее отобразить эту специфику, Маркс приводит, между прочим, следующее определение д-ра Юра: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет *сущность* разделения труда»[2]. И в свете этой именно сущности разделения труда, определяющей «пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение капиталу частичного рабочего»[3], становится яснее, что далеко не все, что можно было назвать разделением труда, обладает этой одиозною для нас сущностью.

Совсем не случайно поэтому, что наряду с термином «разделение труда» Маркс во избежание смазывания существенных различий, вводит в употребление другой, специальный термин — «распределение труда». «Некоторое духовное и телесное уродование,— говорит Маркс,— неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом»[4]. Но мануфактурный период проводит значительно дальше это об-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 364.
[2] Там же, стр. 362, 364. (Курсив мой. — *С. С.*)
[3] Там же, стр. 369.
[4] Там же, стр. 376.

щественное расщепление различных отраслей труда, и лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе. Совсем, однако, иначе обстоит дело в тех случаях, когда речь заведомо идет о таких подразделениях и пропорциях общественного труда, которые, возрастая даже в своем значении в условиях коммунизма, отнюдь не угрожают этой жизненной основе и всестороннему развитию личности. В таких случаях Маркс неизменно пользуется термином «распределение труда». И у нас нет никаких разумных оснований отказываться от такого словоупотребления.

Такой именно случай имел место, в частности, в письме Маркса к Кугельману. И если бы Курылев привел свою цитату из него в более полном виде, не вырывая ее из контекста, истинный смысл ее стал бы еще яснее. В самом деле, вот что писал К. Маркс в этом письме. «Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь *форма ее проявления*»[1].

В этом контексте уже совершенно ясно, что речь идет не о *разделении* труда или какой-либо его *специализации*, а только о распределении масс *совокупного труда* пропорционально общественным потребностям, необходимость которого сохранится и в условиях коммунизма. А между тем А. Курылев своей ссылкой на Маркса хочет подкрепить свое мнение о необходимости дальнейшего сохранения при коммунизме как раз «*профессионального* разделения труда», утверждая, что социалистическая *специализация* — это и есть та «*новая* форма разделения труда» (стр. 24), которую он пробует увековечить и на все предбудущие времена. Попытка явно безнадежна, если считаться с подлинными высказываниями Маркса.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 524—525.

Впрочем, А. Курылев вообще весьма своеобразно считается с подлинными мнениями цитируемых им авторов. Ему известно, что и Маркс, и Ленин всегда высказывались против профессионального разделения и специализации труда при коммунизме, и все же, цитируя их, он пытается представить их сторонниками своих концепций. Для привлечения в их число Маркса ему достаточно уже одной сфальсифицированной кем-то в переводе цитаты. А В. И. Ленина он цитирует уже без посредников, в своей собственной манере. В. И. Ленин еще в 1920 году в полном согласии с Марксом предусматривал, что унаследованные социализмом от капитализма профсоюзы будут развиваться во все более широкие и менее цеховые производственные союзы, а затем через них «переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых* и *всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*»[1]. Казалось бы, тут все ясно. Но в тексте, использованном А. Курылевым, непостижимым образом вовсе выпало предвидение Ленина об «уничтожении разделения труда между людьми», и сохранилась лишь пара строк о всесторонне развитых людях, которые *умеют все делать*[2]. Иными словами, выпало как раз то, что и составляет предмет спора в данной дискуссии.

Такая манера цитировать классиков марксизма-ленинизма облегчает, конечно, задачи автора замолчать свои коренные расхождения с творцами научного коммунизма. Но шила в мешке не утаишь. Ибо, признав вслед за Лениным реальную возможность воспитания при коммунизме таких всесторонне подготовленных людей, которые умеют все делать, Курылев теряет уже всякое основание доказывать необходимость нового разделения и специализации труда даже на высшей фазе коммунизма, то есть уже «после того как, — по утверждению Маркса, — исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда»[3]. Растущая практика совмещения профессий уже ныне указывает один из путей в этом направлении, путь, который не суживает до одной лишь, особой специально-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 32.

[2] А. К. Курылев. Разделение труда и всестороннее развитие личности в период перехода от социализма к коммунизму. — «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 25.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 20.

сти, а расширяет — в пределе до умения *все делать* — круг производственной жизнедеятельности рабочего. Так можно ли, не злоупотребляя понятиями, трактовать такое новое расширение его функций как старый путь *специализации* его профессиональных занятий?

Правда, у Курылева в запасе имеется еще одна спасительная цитата. Ссылаясь на Ленина, он утверждает, что специализация труда, «по самому существу своему, бесконечна — точно так же, как развитие техники». И, вырванная из контекста, эта одна лишь строка, конечно, поддается различным толкованиям. Но мы уже видели, что и Ленин, как и Маркс, *профессиональному* разделению и специализации труда предвидел определенный конец. И, говоря о бесконечной специализации, да еще в связи с развитием техники, он, несомненно, имел в виду здесь нечто другое. И действительно, он тут же поясняет свою мысль. «Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы *производство* этой частички специализировалось, стало особым *производством*, имеющим дело с массовым продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т. п. Это с одной стороны. А с другой стороны, прогресс техники в капиталистическом обществе состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует *специализации различных функций процесса производства...*»[1]. Уже из приведенного видно, что речь здесь идет, собственно, не о профессиональном разделении и специализации труда, а о специализации *производственных* функций в связи с техническим прогрессом, конца которому и впрямь не предвидится.

К вопросу об этой связи между специализацией производственных функций в разделении труда и техникой неоднократно возвращается и Маркс в своих работах. Он учит нас, что формы кооперации и разделения труда существенно меняются «всегда лишь в результате революции в орудиях труда»[2]. Мануфактурное разделение труда, расчленяя ручной труд на простейшие его элементы, облегчает овладение машиной. И уже первые победы машинной индустрии, совершившие в ней целый промышленный переворот, привели к постепенному

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. Соч., т. 1, стр. 95. (Курсив мой. — *С. С.*)
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 376.

изъятию из рук рабочего всех исполнительных орудий труда, освобождая его вместе с тем и от всех функций и профессиональных навыков ремесленной специализации. «Разделение труда на фабрике характеризуется тем, что труд совершенно *теряет здесь характер специальности.* Но как только прекращается всякое специальное развитие, начинает давать себя знать потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм», — вот что утверждал Маркс еще в 1847 году в своей работе о «Нищете философии» Прудона[1]. И его упрек Прудону в том, что он не понял «даже этой единственно революционной стороны фабрики», следовало бы учесть и некоторым философам наших дней, которые, не учитывая уже наметившихся тенденций, ратуют за полную сохранность все того же «идиотизма» профессиональной специализации в коммунистическом производстве.

В наши дни, когда мы вступаем уже в новую полосу полной автоматизации производства и рабочий из придатка машины становится в условиях социализма хозяином всех производственных процессов, эта новая техническая революция ведет нас еще решительнее к ликвидации профессиональной специализации.

Карл Маркс предвидел такую смену форм разделения труда со сменой технических его баз. «Вместе с рабочим орудием, — писал он уже в первом томе «Капитала», — и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине... Таким образом, устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре»[2]. Машина, по словам Маркса, *технически опрокидывает* «старую систему разделения труда». Тем не менее она продолжает существовать и укрепляться капиталом «в еще более отвратительной форме как средство эксплуатации рабочей силы». Но вот на смену этой машине приходит новая техника в виде *автоматической системы машин,* которая выполняет все необходимые движения уже вовсе без содействия человека и нуждается лишь в пуске и контроле со стороны рабочего. И на этой новой технической базе разделение труда снова теряет ряд своих качеств.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 160. (Курсив мой.— *С. С.*)

[2] Там же, т. 23, стр. 431, 433.

«Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно, — по определению Маркса, — является прежде всего *распределением* рабочих по специализированным машинам и *распределением* масс рабочих, — не образующих, однако, расчлененных групп, — по различным отделениям фабрики, где они работают при расположенных одна возле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией». И далее: «Поскольку совокупность машин сама образует систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и основанная на ней кооперация требует *распределения* разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда»[1].

Как видим, уже из приведенных высказываний Маркса можно заключить, что под старой системой разделения труда он разумеет не что иное, как ту профессионально ремесленную специализацию мануфактурного периода, которая *технически* была опрокинута машиной еще в условиях капиталистической эксплуатации труда. Обращаясь к фабрике в ее наиболее развитой, то есть автоматической, форме, Маркс отмечает уже характернейшие черты иного, нового разделения труда. Настолько нового, что для него используется уже и новый термин. Оказывается, что это новое разделение сводится прежде всего к *распределению* рабочих по *специализированным* машинам. Специализируются здесь, стало быть, уже *не люди, а машины.* И если эти машины однородны, то они — то есть уже *машины*, а не люди — образуют лишь простую кооперацию, а если совокупность машин сама образует систему «разнородных» машин, то, очевидно, такая кооперация их становится сложной. А в общем, важнейшее отличие старого, домашинного разделения труда от нового, в условиях автоматизации производства, по этой трактовке сводится к то-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 431, 432. (Курсив мой.— *С. С.*).

му, что старое разделение и кооперация труда осуществлялись еще *между людьми,* а новая специализация и кооперация производственных функций в основном реализуется уже *между машинами и системами машин*, собранных в автоматические линии.

Курылеву известна и эта трактовка вопроса, но, приписывая ее лишь «некоторым *советским* философам и экономистам», он и тут явно избегает указаний на прямой первоисточник этой трактовки в трудах Маркса. А между тем можно лишь изумляться гениальности таких его предвидений. Ведь его век вовсе еще не знал таких вещей, как электроника и телемеханика в производстве и все чудеса нынешней кибернетики. Неведомыми для него остались даже самые первые ласточки капиталистической автоматизации на конвейерах Генри Форда. Совсем еще недавно они казались многим образцами рационализации и научной организации труда, хотя на самом деле этот недоносок идей автоматизации представлял собой прототип еще одной «мануфактуры на колесах» с доведением на ней до крайней дробности шаблонных операций рабочего и неизбежным притуплением всех его физических и умственных способностей. Современниками Маркса были лишь отдельные станки-полуавтоматы вроде прядильных или так называемых самоткацких станков, стоявших рядами в соответствующих цехах в простой производственной их кооперации. И все же Маркс предвидел вполне законченную систему связанных сложной кооперацией, разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, какие только ныне складываются в связанные автоматические линии и заводы.

Но тогда еще казалось, что такая кооперация разнородных машин потребует «распределения» и разнородных групп рабочих между разнородными машинами. В практике нынешних дней мы находим уже целые цеха автоматических линий, с *разнородной* продукцией, но с *однородным* персоналом одних лишь операторов и наладчиков. И ничто не мешает при высокой квалификации этих двух занятий, в которых умственный и физический труд неразделимы, совместить их в одном лице. А при таком совмещении этих различных рабочих функций, с любым чередованием их и переменой труда, в пределах всей *автоматизированной* промышленности стран социализма, не останется уже ровно ничего от прежнего разделения труда.

Ведь такие производственники, выполняя в разное время различные функции, не *разделяются* по специальности, а только *распределяют* свое рабочее время в тех или иных пропорциях. И вместо специализации перед ними открывается совершенно обратный путь в направлении к разностороннему развитию личности.

Нам могут напомнить, что, хотя для прямого использования автоматики действительно требуется очень мало операторов и наладчиков, но тем больше обслуживающий ее подсобный персонал различной квалификации. Например, на Днепровской гидроэлектростанции в 1959 году весь сменный персонал, выполняющий в сущности лишь функции надзора, не превышал шести человек в одну смену, а со включением ремонтников и прочих подсобников весь персонал станции достигал 176 человек. Как видим, для ремонта машин пока что, по-видимому, требуется гораздо больше рабочей силы, чем для самого их использования в автоматическом производстве. Но это прежде всего объясняется дефектами нынешней полукустарной организации ремонтных работ на каждом предприятии. При централизованном производстве запасных частей и достаточном снабжении ими всех предприятий, когда ремонт на местах сведется в основном лишь к замене изношенных частей новыми, нужный для этого персонал сократится во много раз. Весь состав его ограничится лишь группой квалифицированных *механиков*, обладающих обычными навыками слесаря и токаря, и опытных *электромонтеров*. А при вполне доступном совмещении и всех таких трех-четырех профессий получится уже и такой человек, который практически *все* сумеет сделать в данной области.

Таким образом, ясно, что в условиях социализма, исключающих эксплуатацию труда, вполне объективные требования самой передовой, автоматической техники не умножают, а сокращают число разнородных специальностей персонала, занятого в машинном производстве. Вместе с тем ручное производство все энергичнее *вытесняется* машинным. Круг стабильных, пожизненно ограничивающих нашу жизнедеятельность профессий и специальностей еще очень широк, но он уже сокращается. К тому же с ростом уровня общего и специального образования в рабочей среде усвоение и переход от одной специальности к другой крайне облегчаются, и в нашей практике порой проявляются даже в «сверхтекучести»

заводских кадров[1]. И можно сказать, что такая тенденция к сокращению круга стабильных специальностей совокупного рабочего с расширением охвата и кругозора каждой из них становится *законом* всей производственной сферы социалистического хозяйства.

Но остается еще очень широкий круг занятий непроизводственной сферы, с решающим преобладанием в ней всех разновидностей интеллектуальной жизнедеятельности. Остается неизжитым, стало быть, самое одиозное общественное разделение труда между целыми сферами жизнедеятельности с еще весьма стабильной «специализацией» в области либо физического, либо умственного труда. Однако и эта «специализация» в наших условиях определенно теряет под собою почву. Достаточно напомнить, что вся советская интеллигенция связана с производственной сферой уже своим социальным происхождением. Она выросла в рабочей среде, и чуть ли не каждый из ее представителей и сам, в порядке «перемены труда», поработал на своем веку либо на пашне в колхозе, либо под землей шахтером, либо у станков в цеху. А ныне и каждый, окончивший среднюю школу, должен прежде всякой другой специальности обрести хотя бы двухлетний рабочий опыт и стаж. И, стало быть, когда уже все наши дети получат обязательное у нас среднее образование, то и весь рабочий класс СССР будет вооружен не только аттестатом зрелости, но и производственным рабочим стажем. А занятый в производственной сфере не свыше 4—5 часов, он будет располагать достаточным временем и для всей интеллектуальной жизнедеятельности в так называемой непроизводственной сфере. Можно будет овладеть каждому, в порядке совмещения, и не одной, а даже несколькими видами интеллектуальной жизнедеятельности.

Но, разбрасываясь между различными видами интеллектуальной деятельности, невозможно добиться совершенства ни в одной из них — возразят нам, пожалуй, сторонники глубокой специализации в области наук и искусств. Однако так ли это? Конечно, *совершенство* в любой области творчест-

[1] Напомним кстати, что буржуазная наука в лице Гарнье давно уже пришла к выводу, что *народное образование* противоречит «основным законам разделения труда» и угрожает гибелью всей общественной системе, прославляемой этой наукой. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 375.)

ва — вещь труднодостижимая. Но в каких условиях к нему легче приблизиться — в широком или более узком охвате, в большом и разностороннем коллективе или в индивидуальных поисках и субъективных озарениях одиночек — это еще большой вопрос. Во всяком случае, индивидуальные достижения в разрешении больших современных проблем все реже могут претендовать на признание их совершенными. И прежде всего потому, что область наук и искусств уже ныне становится необъятной. Охватить их в индивидуальном устремлении одиночкам не под силу. А коллективный опыт учит, что новые открытия, продвигающие нас далеко вперед, чаще всего обретаются как раз на стыках *различных* наук и уже поэтому недоступны узким специалистам в какой-либо одной лишь, избранной ими области. Крупные успехи и в науке получаются лишь там, где на их достижение планомерно направляются «большие батальоны».

Приведем один лишь пример. Идеей продвижения в космос в свое время увлекались сначала Н. И. Кибальчич, затем, через десятки лет, — К. Э. Циолковский. Они не были узкими специалистами. Но они были одиночками. А поставленная ими многогранная проблема требовала для своего решения участия огромного коллектива людей «самых различных родов оружия». И ее удалось впервые решить таким коллективом лишь в плановом социалистическом хозяйстве.

В науке и искусствах наиболее широкий простор доныне предоставлялся *индивидуальному* творчеству людей. Но сама жизнь сплачивает их в творческие коллективы: научные институты, союзы писателей, композиторов, архитекторов, театральные коллективы, оперные оркестры, певческие капеллы, танцевальные ансамбли и т. д. И в отрыве от своего коллектива каждый отдельный член его теряет всю свою общественную полноценность. Теряют ее даже солисты без надлежащего аккомпанемента. А какая цена второй скрипке, тромбону или бас-геликону вне оркестра? И чего стоит весь оркестр, театральный или иной художественный ансамбль без публики? Не менее печальна, конечно, и участь писателей, которых некому читать, или ученых, которых никто не понимает. И эта теснейшая взаимосвязь, сотрудничество членов каждого из этих коллективов и внутри любого из них, и общее их обслуживание культурных интересов всего человечества

не открывают особых перспектив для развития в этой среде замкнутого в себе, эгоистического *индивидуализма*.

Обычно важнейшим отличием непроизводственной сферы от производственной признается нематериальность ее продукции, именуемой «услугами». Эти услуги, оказываемые людям в форме той или иной *деятельности* и по общему правилу исчезающие в самый момент их завершения, как просмотренный спектакль или заслушанная песня в концерте, не оставляют по себе никакого следа и не учитываются даже в самых общих итогах чистой продукции всей страны. Однако этот признак нематериальности «услуг» становится уже явно недостаточным. С развитием техники «услуги» ученых и писателей материализуются уже в миллионах томов книжной продукции, спектакли увековечиваются на кинопленке, песни — в грамзаписи и т. д. Тем не менее и в этом виде они сохраняют у нас все то же назначение обслуживать в основном высококультурные, интеллектуально-эстетические потребности духа, в отличие от тех более примитивных, но самых настоятельных телесных нужд человека, которым служат все отрасли материальной производственной сферы.

В непроизводственной сфере и доныне еще царит весьма разветвленное разделение труда мануфактурного типа. Но революционная техника и сюда уже вносит свое преобразующее воздействие. В области эстетики техника кинематографии уже овладела целым рядом искусств и организует их силы на своих фабриках. В Голливуде творческий процесс киносъемки давно уже, на потребу капитала, стандартизован и отлился в «конвейерную» систему фабрикации фильмов. И если там это сопровождалось идейной деградацией соподчиненных кино искусств, то это объясняется не высокой американской техникой, а низкими задачами предпринимателей, ее эксплуатирующих. И не случайно в советских условиях та же техника позволяет создавать такие глубокоидейные и высокохудожественные фильмы, которые все чаще премируются на международных фестивалях. В области науки тоже целый ряд институтов и лабораторий получает уже ныне столь мощное машинное оборудование с огромными электронно-счетными и всякими иными, все более сложными чудесами кибернетики — от бетатронов и циклотронов до гигантских синхрофазотронов, — что их можно уподобить целым современным заводам.

Нет оснований думать, что даже самые хитроумные механизмы смогут когда-либо заменить собой творческую работу мозга и какие-либо счетно-решающие роботы начнут *автоматически* извергать из себя сверкающие научные открытия наподобие блестяще отшлифованных заводских шарикоподшипников. Машины лишь воспроизводят уже известное, а не творят. Но и расширенное *воспроизводство* творческих идей для массового внедрения их во все отрасли материальной производственной сферы — достаточно почтенная задача. Ведь именно в процессе такого внедрения и сама наука становится непосредственной производительной силой. Все большее число научных институтов и лабораторий у нас уже давно нацелено на прямое сотрудничество с заводскими конструкторскими бюро и решение важнейших отраслевых производственных задач. Возник у нас и первый институт производственной эстетики, ибо и в этой области перед нами вырастают большие задачи. И на этом поприще перед нашим искусством открывается уже неограниченное поле деятельности[1].

Вот в каком направлении развивается наша общественная жизнедеятельность. И прежде всего значительно расширяется прежнее представление о «совокупном рабочем» производственной сферы. В это понятие с полным правом, наряду с производственным рабочим, приходится уже включать не только заводских инженеров, но и геологов, занятых где-нибудь в сибирской тайге поисками новых сырьевых производственных ресурсов, и ученых, проектирующих в своих институтах новые производственные схемы и модели, и художников, озабоченных производственной эстетикой труда и его результатами. Таким образом, и все грани между производственной и непроизводственной сферами в нашем обществе постоянно сглаживаются и стираются.

Это отнюдь не исключает, впрочем, всего многообразия форм и профилей творческого труда в разных областях его применения. Многообразие их будет даже возрастать с возникновением все новых *отраслей* материального производства и коммунистической культуры, на работе и в повседневном быту. Но в применении к этому *межотраслевому* расчленению занятий разного профиля или пропорций интеллектуального труда по отношению к общей потребности грядущего общества во всех видах труда возникает вопрос лишь о пропорциях

[1] См. раздел «Коммунизм и производственная эстетика».

планового *распределения* этого труда. Вопрос же о *разделении* и углубленной профессиональной *специализации* умственного труда в условиях *всестороннего* развития личности теряет свой интерес уже потому, что такая личность никакими внешними узами не прикреплена к какой-нибудь одной узкой специальности, свободна совмещать ее с любой иной, менять на другую и сколь угодно широко использовать перемену труда в интересах *гармонического* развития всех своих способностей.

Требование *гармонического* развития дарований каждой личности, конечно, нельзя понимать слишком примитивно, как требование уделять всем отраслям наук и искусств *равное* внимание и равные затраты труда. Всезнайки, к сожалению, редко знают что-либо основательно, а всякое верхоглядство менее всего гармонирует нашим представлениям о коммунизме. Разные люди обладают *различными* вкусами и дарованиями. И гармоническое их развитие предполагает не равное, а скорее *пропорциональное* этим дарованиям углубление в них и развитие. Но никому не дано уже с колыбели определить все свои спящие еще таланты и способности. И уже поэтому, хотя бы только для сознательного *выбора* открывающихся перед нами путей развития, каждой личности должна быть предоставлена возможность самого широкого школьного и политехнического образования. Только на такой широкой базе всестороннего общего развития целесообразно, уже не разбрасываясь слишком широко, сосредоточить свои усилия лишь на тех путях дальнейшей самодеятельности, какие в наибольшей мере гармонируют индивидуальным склонностям и способностям данной личности.

Однако, разумеется, нельзя объять необъятное. И, следуя своим сильнейшим влечениям, даже культурнейшие люди грядущего вынуждены будут постоянно *отклоняться* в своем индивидуальном развитии в сторону тех или иных *специальных* наук, искусств и других родов своей творческой деятельности. Это послужит общим интересам всего человечества. В развитии многообразия индивидуальных дарований всех его членов откроется возможность все новых сочетаний этих дарований в самых различных комбинациях и плодотворной кооперации их в мощные коллективы для комплексного *разрешения* труднейших проблем теории и практики. А таких задач, требующих комплексного к ним подхода, с усложнением жизни

становится все больше. Расширяются и возможности различных сочетаний для решения одной и той же задачи. И конечно, разносторонне развитая личность в любом из таких сочетаний сможет выполнять весьма различные — сегодня одну, завтра другую — специальные *функции*.

Говоря иначе, необходимость такого расчленения функций или «разделения труда» в том, более широком смысле этого выражения, в котором мы его употребляем, говоря о *международном* или *отраслевом* разделении общественного труда в производственной сфере, сохранится и в сфере социалистической культуры. Но учитывая, что столь широкое словоупотребление этого термина плодит лишь излишние недоразумения и путаницу, нужно всегда помнить, что Маркс не случайно видел в таком «разделении труда» по целым отраслям и сферам прежде всего *общественное его распределение* в определенных массах и пропорциях, сохраняя для понятия «разделение труда», в собственном смысле этого термина, значение дробной *технической* специализации труда в пределах лишь цеха или предприятия.

Не случайно и Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС, говоря о коммунизме, употребил тот же термин — *распределение* труда. «Конечно, в коммунистическом обществе,— сказал он, — будет планомерное и организованное *распределение труда* по различным отраслям производства, общественное регулирование рабочего времени с учетом особенностей производственных процессов»[1]. Распределение труда и регулирование рабочего времени — вот наши задачи. О «разделении труда» в смысле углубления профессиональной специализации здесь нет и речи, ибо она заведомо исключается условиями коммунизма.

Конечно, нам и при коммунизме потребуется дальнейшая специализация *производства* с четким разделением в нем всех производственных функций между теми или иными машинами и автоматическими их линиями. Но нам вовсе не потребуется уродовать людей, обрекая и их на роль *автоматов*, способных весь своей век выполнять одну лишь единственную трудовую функцию.

---

[1] Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет, ч. I. М., 1959, стр. 100. (Курсив мой. — *С. С.*)

Обращаясь к пропорциям распределения труда между производственной и непроизводственной сферами, однако, приходится сказать, что доля даже всей непроизводственной сферы в нашей стране не достигала в 1961 году и 18 процентов занятого населения. А на долю тех специальностей в пределах этой сферы, чей труд уже по своему профилю носит творческий характер, — ученые, писатели, художники, — пришлось бы еще в пять-шесть раз меньше. Таким образом, казалось бы, что, трактуя о судьбах разделения труда, об этой сфере можно было бы и совсем на время забыть. Но забыть о ней нельзя уже потому, что непроизводственная сфера обгоняет в своем росте производственную, а наиболее культурные кадры творческого труда растут в ней быстрее всех остальных. Кое-кому это кажется даже опасным. Ориентируясь на примат материального производства, они хотели бы видеть расширение *производственной* сферы за счет сокращения профессий непроизводственного труда. И, конечно, они забывают при этом, что такое коммунизм. Забывают они и о ликвидации разделения между умственным и физическим трудом, и о законе перемены труда. Забывают, что каждый рабочий физического труда после нескольких часов заводской работы сможет все свое свободное время отдать и умственному творческому труду. И, наоборот, люди интеллигентных занятий в свои свободные часы и дни смогут приобщаться и к радостям физического труда в городе и деревне. А затем уже все работники, чередуясь от времени до времени друг с другом, будут выполнять в разные часы и дни все нужные человеку работы. И чем меньше этих часов потребуется для насыщения материальных его нужд, тем больше их останется для все возрастающих духовных потребностей. Исчезнет и самое деление труда в разрезе производственной и непроизводственной его сфер, ибо задачи той и другой будут выполнять одни и те же, в равной мере развитые и всесторонне подготовленные к этому люди.

На этом, пожалуй, можно поставить и точку. Предусматривать все детали коммунистического распределения труда преждевременно. Нас привлекает не догматический, а творческий марксизм, и мы готовы приветствовать всякий успех в его развитии.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ И КОММУНИЗМ

Вступая в период развернутого строительства коммунизма в СССР, наша партия не случайно поставила перед нами в числе многих других важнейших заданий конкретную задачу уже в ближайшие годы осуществить в нашей стране *самый короткий рабочий день*. Речь идет о 30—35-часовой рабочей неделе, то есть о шестичасовом, а во всех отраслях более тяжелого труда — и еще более коротком, пятичасовом рабочем дне. И это только первый решающий сдвиг: дело в том, что связь между сокращением рабочего дня и продвижением к коммунизму теснейшая и неразрывная.

Общеизвестно, что сокращение рабочего дня началось еще в условиях капитализма. Но там каждое достижение в этой области доставалось рабочим только в результате упорнейшей классовой борьбы с предпринимателями. А затем за каждой уступкой рабочим в их борьбе за сокращение рабочего дня предприниматели брали реванш, повышая принудительные ритмы труда и его *интенсивность* настолько, что нормы эксплуатации труда не только не снижались, а даже возрастали.

По своей же собственной инициативе капиталисты идут на сокращение рабочего времени, как известно, только под угрозой перепроизводства, при наличии явного затоваривания и падающей рыночной конъюнктуры. Но и в этих случаях они предпочитают сокращать не рабочий день, а рабочую неделю, конечно, *без всякой оплаты* вынужденного прогула рабочих во всех случаях такой сокращенной пяти- или даже четырехдневной рабочей недели. Однако рост бьющих ныне через край производительных сил машинной индустрии перерастает уже возможности полного их использования в условиях капитализма. Угроза перепроизводства в большей или в меньшей степени становится в странах империализма повседневной, неиссякаемой, перманентной, а вместе с тем расширяется на Западе и практика сокращенной рабочей недели. О распространенности этой практики можно судить хотя бы по тому, что создаваемая ею полная и частичная безработица в одних лишь США охватывает даже в годы высокой конъюнктуры миллионы рабочих, а в годы очередных «спадов» этой конъюнктуры

безработица и частичная, и полная далеко перерастает уже всякие терпимые пределы[1].

Так буржуазия стремится переложить на плечи рабочих всю тяжесть последствий своей неспособности справиться с необузданной анархией капиталистического расширенного воспроизводства.

Совсем иные горизонты и перспективы открываются в условиях планового социалистического хозяйства. И если в условиях капитализма рабочие партии всего мира очень долго и тщетно добивались в своих программах-минимумах 8-часовой нормы рабочего дня, то в результате Октябрьской революции в Советской России уже на четвертый день после победы, 29 октября 1917 года, был опубликован декрет нового, рабоче-крестьянского правительства «О восьмичасовом рабочем дне».

А наряду с этим в Программе Коммунистической партии, утвержденной на VIII съезде РКП(б) в 1919 году, было записано, что «РКП должна поставить себе задачей установить: 1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный *6-часовой рабочий день* без уменьшения вознаграждения за труд». К сожалению, это программное задание партии в течение целого десятилетия 1917—1927 гг. оставалось неосуществимым. А когда с полным восстановлением хозяйства, разрушенного в тяжелые годы гражданской войны, интервенции и блокады, новый подъем производительности труда позволил приступить к постепенному сокращению рабочего дня и нам удалось сократить его до семи часов, международная обстановка снова осложнилась. С 1939 года началась вторая мировая война. И с 1940 года в СССР в связи с военными обстоятельствами возникла необходимость снова надолго вернуться к исходной норме 1917 года — 8-часовому рабочему дню.

Мы знаем, что главным и решающим условием построения коммунизма являются высокие темпы роста производительности труда. На путях мирного соревнования с лагерем стран капитализма это главный наш козырь. Но необходимо

---

[1] Например, в 1933 году в США число полностью безработных превышало 12,8 миллиона человек, то есть свыше 33 процентов от всей занятой рабочей силы.

учесть, что только с 1940 по 1958 год, несмотря на военные невзгоды, производительность индустриального труда в СССР возросла в 2,6 раза, а с 1913 года — в 10 раз, в то время как в США за те же 45 лет она возросла всего раза в два с небольшим. В перспективе с ростом автоматики в материальной сфере производства обеспечен новый, еще более значительный рост производительности труда. Практически ему не предвидится конца. В условиях капитализма это ставит перед его идеологами и апологетами неразрешимые проблемы. Перед ними открыты в сущности лишь две вполне реальные возможности. Либо безрадостный путь грандиозного сокращения живой *рабочей силы* в производстве, но тогда кто же сможет покупать как раз все те товары *массового* потребления, производству которых служит автоматика? Либо не менее жуткая для них перспектива последовательного сокращения *рабочего дня без сокращения* его оплаты, но тогда очень скоро иссякнет источник всей прибыли на капитал, а вместе с тем и самая цель капиталистического производства.

Перед строителями коммунизма не стоят такие проблемы. Плодить безработицу в своих собственных рядах армии труда, конечно, не входит в их планы. Частнохозяйственное накопление капитала здесь никому не требуется, да при общественной собственности на средства производства оно и невозможно. И сокращение рабочего дня, сопровождаемое постоянным повышением уровня жизни трудящихся, с достижением известной ступени роста производительных сил уже не только не противоречит здесь чьим-либо интересам, но становится объективной необходимостью и законом развития данного общества на путях к коммунизму. Сокращение рабочего дня у нас непосредственно связано с законом неуклонно повышающейся производительности труда, и перед ним в хозяйственных планах СССР уже на ближайшие годы широко открывается «зеленая улица», свободный и беспрепятственный путь.

Как далеко предвидится наше продвижение на этом пути? В. И. Ленин еще в 1914 году предвидел в этом отношении с момента, «когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство», такие перспективы: «Крупное производство, машины, железные дороги, телефон — все это даст тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благо-

состояния, чем теперь»[1]. В 1914 году рабочий день в России был не менее десяти часов, при узаконенной норме в 11,5—12 часов в сутки. И все же сокращение этих норм вчетверо означало бы норму необходимого нам труда при коммунизме не свыше трех-четырех часов в день. А в 1959 году Н. С. Хрущев, выступая в Молдавии, с ленинской уверенностью говорил о времени, когда «страна придет к коммунизму» и когда «люди будут работать в день по три-четыре часа, а может быть, и меньше». Время это стало уже гораздо ближе к нашим дням и перспективы яснее, но конечные цели и ведущие к ним пути остаются неизменными.

Короткий рабочий день сам по себе, конечно, не может рассматриваться как цель коммунистического общества. Это только ведущий к нему путь и основное условие достижения конечных его задач, а вместе с тем и путевые вехи, по которым, в меру сокращения необходимого нам рабочего дня в материальном производстве, мы можем судить о приближении к нашей цели. Целью этой не может быть ни высокая производительность труда, ни кратчайший рабочий день и неограниченное изобилие материальных благ, хотя вне этих условий мы не мыслим себе коммунизма. Его целью мы считаем освобождение самого человека от всех внешних преград к полнокровному развитию всех лучших его наклонностей *человечности,* то есть подлинного *гуманизма,* и организацию такого общества, в котором уже все человечество получит неограниченную свободу гармонического развития всех его творческих возможностей.

Возможность свободного творчества — *индивидуального* и еще более мощного и радостного *коллективного* — уже ныне все доступнее становится строителям коммунизма. И это вдохновляет их на преодоление величайших трудностей, окрыляя на подвиги, достойные признанных героев труда. Но в условиях полного коммунизма эти возможности возрастут настолько, что это можно будет назвать *скачком* из царства необходимости в царство свободы.

«Царство свободы,— как писал об этом еще Карл Маркс,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесооб-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 248.

разностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[1]. Человек, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой «во всех общественных формах и при всех способах производства». Целесообразность этой борьбы и вынуждаемого ею труда навязывается человечеству извне. Это царство естественной *необходимости,* ибо человек чувствует себя вполне свободным лишь тогда, когда *непринужденно* ставит перед собой те или иные цели, вытекающие из внутренних к ним влечений и заложенных в нем социальных устремлений. С расширением естественных потребностей человека расширяется и соответствующее им «царство необходимости», но расширяются вместе с тем и общественные производительные силы, используемые для их удовлетворения.

«Свобода в этой области, — говорит Маркс, — может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 384.

ствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адэкватных (равнозначных.— *С. С.)* ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие»[1].

Говоря о сокращении рабочего дня, Маркс имеет здесь в виду, конечно, только необходимый труд в расширенном воспроизводстве материальных благ, или, иными словами, «ограничение времени, посвященного материальному труду»[2]. Но это не ставит никаких границ свободному творчеству людей за пределами этой материальной сферы производства. И более того,— чем короче рабочий день в материальной сфере производства, ради наиболее насущных потребностей и нужд человека в *вещественном* его обмене с природой, тем больше времени остается у общества для совершенствования самого чело-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., ч. II, стр. 385.
[2] Там же, стр. 384.

века и развития всех его дарований в творческом труде и общественной деятельности на всех возможных поприщах от сверхмагистральных путей до самых непроторенных, нехоженых тропок. Таким образом, сокращая свой обязательный труд в рамках «царства необходимости», мы уже теперь, на путях к коммунизму, расширяем границы грядущего «царства свободы» для любой в нем деятельности каждого, по собственному лишь выбору и призванию.

Конечно, границы между этими двумя царствами весьма условны. С прогрессом техники и сокращением рабочего времени в условиях социализма необходимый труд в материальном производстве существенно меняет свой характер. Он становится все более разумным и продуктивным, а потому и все более интересным. Не будучи слишком утомительным, он то и дело возбуждает в здоровом организме дух соревнования за лучшие достижения в товарищеском коллективе. И, тренируя мозг и мышцы всех соревнующихся, такой труд приобретает к тому же подчас еще совершенно новый, спортивный интерес и увлекательность борьбы, в которой, кстати сказать, всегда выигрывает весь коллектив, независимо от того, кто в нем окажется на первом месте.

Противоположность между умственным и физическим трудом повсюду постепенно изживается. И в этом отношении производственная сфера труда все больше сближается с непроизводственной. Свободный выбор профессий и в пределах материального производства ограничен у нас лишь масштабами общественной потребности в различных видах труда. А с другой стороны, много видов труда и за пределами материальной сферы производства, например в области науки и искусства, обогащая нас новыми знаниями и методами труда, если не прямо, то косвенно повышает его продуктивность и в области производства материальных благ. Но здесь, за пределами обязательной нормы рабочего дня, занятой наукой, искусством и любой иной общественной деятельностью ничто не ограничивает, кроме того, разумеется, что в сутках, к сожалению, содержится только 24 часа и что львиная доля из них пока что расходуется в пределах и по законам «царства необходимости».

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

Немало серьезных проблем возникает в связи с тем, что резкое сокращение рабочего дня и рабочей недели при переходе к коммунизму потребует иной структуры и лучшего использования того свободного времени, ради которого коммунисты уже ныне борются за самый короткий рабочий день.

Как известно, в понятие необходимого времени в тесном экономическом смысле обычно включается лишь время труда, необходимое для простого воспроизводства и предметов труда и всех средств существования в сфере материального производства. Но, чтобы выйти за границы естественной необходимости в «истинное царство свободы», приходится значительно расширить понятие несвободного времени, включая в него не только все затраты в сфере материального производства, но и необходимую норму затрат времени в сфере обслуживания самих трудящихся. Мы имеем в виду домашнее хозяйство и все неразрывно связанные с ним *бытовые* потребности и потери, включая и еду, и сон.

Закон экономии времени, о котором писал еще Карл Маркс, требует разумной экономии времени не только в сфере всех форм обязательного труда. Эта экономия не менее целесообразна и в области всех связанных с полезным трудом накладных его затрат и потерь времени, ибо сокращение таких затрат расширяет границы свободного времени.

До сих пор наши возможности в этой области были крайне ограниченны. Но развернутое строительство коммунизма и в этом направлении открывает перед нами широчайшие перспективы.

Чтобы понять, как мало еще свободного времени остается у рядового рабочего после всех обязательных для него трудовых затрат и потерь времени в течение суток, надо изучить не только его рабочее, но и все нерабочее время, его использование зимой и летом как в будние дни, так и в дни и часы отдыха. Такие обследования бюджета времени трудящихся в СССР были проведены мною впервые еще в 1924 году, а ныне они по инициативе члена-корреспондента Сибирского отделения Академии наук СССР Г. А. Пруденского были снова возобновлены в Новосибирске, в Красноярском крае и в других местах. Мы имеем теперь возможность сопоставить резуль-

Бюджет времени городских рабочих (в часах)

В БУДНИЕ ДНИ	1924 г.		1960 г.	
	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
А. НЕОБХОДИМОЕ ВРЕМЯ (в производстве)				
1. РАБОЧИЙ ДЕНЬ (урочный и сверхурочный)				
а. в общественном хозяйстве	7,83	7,64	7,17	7,20
б. в своем хозяйстве	0,45	0,57	0,78	0,62
ИТОГО	**8,28**	**8,21**	**7,95**	**7,82**
2. ПОТЕРИ (на транспорт, перерывы и пр.)	0,95	0,86	1,93	1,30
ВСЕГО ПО А	**9,23**	**9,07**	**9,88**	**9,12**
Б. ВРЕМЯ ЗАНЯТОЕ				
1. ДОМАШНИЙ ТРУД (в семье)				
а. приготовление пищи	0,48	2,56	0,23	1,41
б. уход за детьми	0,16	0,53	0,43	0,65
в. уход за помещением, одеждой и пр.	0,43	1,12	0,81	1,52
ИТОГО	**1,07**	**4,21**	**1,47**	**3,58**
2. УХОД ЗА СОБОЙ (самообслуживание)	0,65	0,59	0,23	0,33
3. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ				
а. время питания	1,55	1,27	1,18	0,93
б. время сна (ночью и днем)	7,74	6,83	7,48	6,97
ИТОГО	**9,29**	**8,10**	**8,66**	**7,90**
4. БЫТОВЫЕ ПОТЕРИ (в очередях, по болезни)	0,22	0,20	0,37	0,65
ВСЕГО ПО Б	**1,23**	**13,10**	**10,73**	**12,46**
ВСЕГО НЕСВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ А+Б	**20,46**	**22,17**	**20,61**	**21,58**
В. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ				
1. СВОБОДНЫЙ ТРУД, УЧЕБА, САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	1,86	0,68	1,68	1,15
2. РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ОТДЫХ	1,68	1,15	1,71	1,27
ВСЕГО ПО В	**3,54**	**1,83**	**3,39**	**2,42**
ВСЕГО ЗА СУТКИ (А+Б+В)	**24,00**	**24,00**	**24,00**	**24,00**

таты этих обследований, чтобы оценить уже вполне конкретно, в каком направлении меняется структура бюджета времени и куда это приведет нас в ближайшие годы по мере дальнейшего сокращения рабочего дня.

Приведенные в таблице данные не вполне сопоставимы, так как в 1924 году были обследованы столицы и ближайшие к ним индустриальные центры, а данные 1960 года отражают условия труда и быта отдаленной Сибири с более ограниченными культурными возможностями. Это выражается и более низкими в Сибири затратами времени на культурную самодеятельность рабочих и более высокими потерями их времени на передвижение к месту работы, ожидание в очередях и тому подобные «накладные» затраты рабочего времени. Тем не менее приведенное сопоставление во многих отношениях весьма показательно. Прежде всего оно демонстрирует, насколько общая трудовая нагрузка рабочего фактически превышает узаконенную норму рабочего дня в социалистическом хозяйстве, которая возрастает и за счет работ в собственном саду или огороде, и за счет необходимых затрат в домашнем хозяйстве, и в результате неизбежных прочих потерь времени. А в общем, несмотря на сокращение восьмичасовой нормы заводского труда на час, фактически общие затраты труда у мужчин превышают 11 часов, а у женщин-работниц достигают даже 13—14 часов в сутки.

Особенно много времени у занятых в общественном производстве работниц отнимает домашний труд. Но у домашних хозяек, обслуживающих только семью, он отнимает и в будни и в праздники еще больше времени: в будни — свыше 10 часов и даже в дни отдыха — не менее 8 часов. Немудрено, что при такой повышенной трудовой нагрузке женщинам-работницам не хватает времени даже для восьмичасовой нормы сна. И еще меньше у них свободного времени для развития своих дарований и культурной самодеятельности. Конечно, в праздники и выходные дни для этого остается все же значительно больше времени, чем в будни. И потому проблемы свободного времени приходится изучать, включая и выходные дни и отпускные недели, в рамках месячного или даже годового бюджета времени.

Рабочий день в СССР к концу 1960 года сократился на один час; за месяц это составляет более 20, а за год — свыше 250 часов экономии на каждого рабочего. А их в одной лишь

Бюджет свободного времени рабочих СССР за год (в часах).

	1924 г.		1959 г.	
СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ (ТРУД И ОТДЫХ)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
1. СВОБОДНЫЙ ТРУД И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО				
А ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	109	66	17	29
Б УЧЕБА, ЛЕКЦИИ, МУЗЕИ	168	87	175	170
[illegible]	277	153	192	199
2. КУЛЬТУРНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ				
А ЧТЕНИЕ КНИГ, ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	453	116	329	185
Б ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	11	9	10	5
МУЗЫКА, ПЕНИЕ [illegible]	464	125	339	190
3. ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ				
А ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ	18	—	74	14
Б ЭКСКУРСИИ, ПРОГУЛКИ, ТУРИЗМ,	101	68	74	58
АЛЬПИНИЗМ [illegible]	119	68	148	72
4. КУЛЬТУРНЫЙ ОТДЫХ				
А ТЕАТРЫ, КИНО И ПРОЧИЕ ЗРЕЛИЩА	42	30	374	321
Б ДОМАШНИЕ ИГРЫ, ШАХМАТЫ, ШАШ-	27	—	34	12
КИ [illegible]	69	30	408	333
5. ДАНЬ БЕСКУЛЬТУРЬЮ, ПОТЕРИ				
А ПОСЕЩЕНИЕ И УГОЩЕНИЕ ГОСТЕЙ	180	167	168	142
Б КАРТЫ, ЛОТО, ПИВНЫЕ И ПРОЧИЕ ПОТЕРИ ВРЕМЕНИ	58	49	89	79
[illegible]	238	216	257	221
6. БЕЗДЕЯТЕЛЬНЫЕ ДОСУГИ	381	277	206	113
ВСЕГО СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ в часах	1548	869	1550	1128
[illegible] В % % К ИТОГАМ 1924 г.	100	100	100	130

промышленности насчитывается свыше 16 миллионов. Значит, только в промышленности за счет этой экономии фонды свободного времени уже возросли на 4 с лишним миллиарда часов. Как же используется у нас этот фонд свободного времени?

По данным таблицы, заметное улучшение в этом отношении можно отметить лишь в бюджетах времени зарабатывающих женщин. У них заметно сократилось время, затрачиваемое не только на производственный, но и на домашний труд. В частности, время, расходуемое ими на приготовление пищи, сократилось на 1,15 часа, или на 45 процентов, что, конечно, связано с развитием общественного питания. А за счет этого времени возрос и фонд свободного времени работниц на 32 процента. И все же он еще значительно меньше, чем у мужчин-рабочих. А в годовых итогах, с учетом дней отдыха, мы получаем такую структуру использования этого фонда за те же годы (см. таблицу на стр. 90).

Как видно, в общих итогах за год фонд свободного времени рабочего в СССР в 1959 году представлял собой заметную величину — от 1128 часов у женщин до 1550 часов — у мужчин. Но особенно показателен его рост у женщин — на 259 часов, или 30 процентов, по сравнению с 1924 годом. Этот рост оказался возможным пока в основном лишь за счет сокращения домашнего труда работниц на 276 часов в год. Но и к 1960 году домашний труд поглощал еще у них до 1524 часов в год, и несомненно эти затраты можно в несколько раз сократить при более рациональной организации быта, общественного питания, воспитания детей. Допустим, что за ближайшие два десятилетия затраты труда в домашнем хозяйстве сократятся лишь наполовину и составят у мужчин 338 часов, у женщин — 762 часа в год. При намеченном к концу семилетки дальнейшем сокращении рабочего дня в производстве до 5—6 часов в день, или на 450 часов в год, все нерабочее время женщин возросло бы на 762+450=1212 часов в год и общий фонд свободного времени составил бы у них 1212+1128=2340 часов в год, то есть у тех и у других уже примерно в равной величине, до 45 часов в неделю, или 6,7 часа в день.

Нетрудно себе представить, какой культурный скачок может означать такое расширение свободного времени трудящихся в нашей стране.

Переход на семичасовой рабочий день в СССР увеличил свободное время рабочих только на один час в день, но, судя

по опыту ряда предприятий, результаты этого уже за первый год действия оказались весьма благотворными. Несмотря на сокращение рабочего дня, годовая производительность рабочих и их зарплата возросли. А вместе с этим и в использовании свободного времени произошли большие перемены. Вот что, например, пишут с Первого московского часового завода.

После перехода на семичасовой рабочий день почти удвоилось количество желающих поступить в вузы. В социалистических обязательствах, принятых коллективом, записано: «Продолжить ленинскую учебу, добиться, чтобы каждый работающий овладел основами политических и экономических знаний». Занятия ведутся непосредственно в бригадах. Люди стали больше читать, и библиотека больше работает с читателями. Активизировалась работа клуба. В жизнь завода прочно вошел созданный при клубе университет культуры. Рабочие, слушатели этого университета, сами становятся пропагандистами полученных знаний, способствуют эстетическому воспитанию товарищей.

Раньше только в некоторых цехах были кружки художественной самодеятельности, а сейчас в каждом. Образовался кружок любителей симфонической музыки и кружок живописи. Работники завода коллективно посещают картинные галереи, выставки, концерты, после чего проводят диспуты. Многие стали увлекаться любительской кинематографией. Заводская киностудия выпустила свыше 20 фильмов, два из которых — о жизни, отдыхе и воспитании в заводском пионерлагере и в детском саду — удостоены премий и диплома на Всесоюзном смотре любительских фильмов. Заводские поэты, прозаики, сатирики выпускают свою литературную страницу в многотиражной газете завода.

Расширился круг людей, занимающихся физкультурой и спортом. Туризм, волейбол, лыжи особенно любимы. Число туристов увеличилось в 1,5 раза. Комсомольцы и молодежь шефствуют над школой-интернатом и детским садом. Члены бригады коммунистического труда мастера Травниковой шефствуют над детской комнатой милиции и помогают родителям в трудном деле воспитания детей. Принимая обязательство бороться за звание предприятия коммунистического труда, коллектив решил полностью обеспечить всех рабочих и служащих жилой площадью. В строительстве жилья и детских учреждений принимают активное участие все работающие,

устраиваются субботники. В 1960 году уже введен в эксплуатацию один пятиэтажный дом, в 1961 году построен еще один, и по два дома в 1962 и 1963 годах, всего на 1200 квадратных метров жилой площади.

Все это, несомненно, ростки коммунизма.

Работники Первого московского часового завода показывают нам, сколь целесообразно и интересно можно использовать каждый новый час свободного времени, сбереженный за счет его экономии в пределах «царства необходимости». В силу своей профессии они знают настоящую цену времени. Их конкретную практику в области рационального использования уже сегодня каждого свободного дня и часа можно рассматривать как широкую программу действия и всех других передовых коллективов нашей страны на ряд лет. Всеобщий объективный закон экономии времени предполагает оптимальное его использование не только в часы труда, но и в часы культурного отдыха. И на подступах к коммунизму предметом соревнования миллионов трудящихся не случайно становится задача — работать, учиться и жить по-коммунистически. А это значит работать всегда с огоньком, по-новаторски, учиться упорно, развивая все свои дарования, жить культурно и дружно и каждый свободный час своей жизни заполнять только достойным человека, красочным и полноценным содержанием.

Обращаясь к фактам, мы и ныне уже можем отметить известные культурные сдвиги в быту рабочих таких мало обжитых районов, как Восточная Сибирь. Так, например, резко, почти вдвое, в 1959 году здесь сократилось время бездеятельных досугов рабочих, а за счет этой экономии столь же сильно, на сотни часов в год, возросло время, посвящаемое культурному отдыху, театру, кино и т. п. зрелищам. Сократилось препровождение времени в гостях с обязательным угощением и выпивкой, но возросло время учебы, посещения лекций, музеев. А у женщин к тому же заметно растет время, отдаваемое чтению художественной литературы, газет. И всего показательнее, что чем выше квалификация рабочих, тем лучше они используют не только свои рабочие часы, но и свободное от труда время. В самом деле, если за меру квалификации рабочих принять их месячный заработок и подсчитать итоги затрат свободного времени на каждого рабочего за год в часах, то получим такую любопытную их группировку:

Бюджет свободного времени рабочих Сибири в 1959 году (в часах)

	Группы по доходу за месяц на одного члена семьи			
	до 30 руб.	30–50 руб.	50–100 руб.	свыше 100 р.
Свободное время (труд и отдых)				
1. Свободный труд и изобретательство				
А Общественная деятельность	5,2	15,6	26,0	36,4
Б Учеба, лекции, музеи	46,8	130,0	202,8	395,2
[illegible]	52,0	145,6	228,8	431,6
2. Культурная самодеятельность				
А Чтение книг, газет и журналов	197,6	234,0	306,8	332,8
Б Художественная самодеятельность, музыка, пение	5,2	5,2	10,4	20,8
[illegible]	202,8	239,2	317,2	353,6
3. Физическое развитие				
А Физкультура и спорт	83,2	41.6	31,2	52,0
Б Экскурсии, прогулки, туризм, альпинизм	36,4	41,6	72,8	83,2
[illegible]	119,6	83,2	104,0	135,2
4. Культурный отдых				
А Театры, кино и прочие зрелища	244,4	306,8	358,8	364,0
Б Домашние игры, шахматы и шашки	15,6	15,6	26,0	26,0
[illegible]	260,0	322,4	384,8	390,0
5. Дань бескультурью, потери				
А Посещение и угощение гостей	119,6	145,6	140,4	150,8
Б Карты, лото, пивные и прочие потери времени	57,2	78,0	93,6	104,0
[illegible]	176,8	223,6	234,0	254,8
6. Бездеятельные досуги	234,0	208,0	130,0	93,6
Всего свободного времени	1045,2	1222,0	1398,8	1658,8
в часах	в %% 100	117	134	159

В первых группах преобладают, по-видимому, многосемейные и молодые, еще не квалифицированные рабочие, чем и объясняется низкий доход на одного члена семьи, а в двух последних — малосемейные и одиночки. Но в основном рост доходов каждой группы определяется здесь все же ростом квалификации зарабатывающих членов семьи. И вот оказывается, что с ростом этой квалификации весьма закономерно возрастает и общий фонд свободного времени рабочих — с 1045 до 1659 часов в год, на 59 процентов, и все его затраты на культурную самодеятельность и культурный отдых. При этом особенно большой и быстрый рост наблюдается за счет таких статей бюджета времени, как учеба — на 349 часов в год, или 744 процента, чтение книг и газет — на 135 часов, или 68 процентов, кино, театр и прочие зрелища — на 120 часов, или 49 процентов. В то же время бездеятельный отдых даже сокращается при этом на 140 часов, или в 2,5 раза. Нельзя не признать такие сдвиги весьма разумными и целесообразными, поскольку они определяют собой ускоренный рост наиболее ценных элементов культуры в рабочей среде.

Заслуживает внимания и то, что наиболее квалифицированная группа рабочих много времени сберегает и в сфере производственного труда по сравнению с другими группами. И главным образом за счет рабочего времени в собственном приусадебном хозяйстве, а частью и за счет сверхурочных часов на заводе. Всего у сибиряков в 1959 году эта экономия составляла свыше 600 часов из расчета за год. И, конечно, вся эта экономия нашла себе место в приросте свободного времени наиболее квалифицированной группы рабочих.

Эти тенденции на путях к коммунизму получат у нас и дальнейшее свое развитие. Приусадебное и домашнее хозяйство будет сокращаться, в общественном производстве мы будем добиваться самого короткого рабочего дня. А это как раз обеспечит нам самые большие фонды свободного времени нации, за счет которых будут расти и культура рабочего класса, и производительные силы страны, и общественное ее богатство, и высокое духовное развитие всего народа.

Мы видим теперь, насколько прав был Карл Маркс, утверждая, что настоящее богатство представляет собой не то время, которое непосредственно поглощается производительным трудом, а то, которое остается свободным для удовольствия и отдыха и дает возможность *свободной деятельности и раз-*

вития[1]. Правда, Карл Маркс относил такие возможности к тем временам грядущего, когда капитал перестанет существовать. Но разве это время не приблизилось вплотную?

Приведенные выше данные о структуре бюджета свободного времени рабочих существенно меняются не только в связи с ростом квалификации, но и в зависимости от возраста этих рабочих. И, конечно, совсем не случайно использование свободного времени у рабочих в комсомольском возрасте, воспитанных уже после революции, и у работников старших возрастов, дореволюционного воспитания, уже в 1924 году выглядело весьма различно. И это различие как раз всего сильнее сказывалось на затратах времени по таким статьям свободного времени, как чтение и учеба, а также культурная самодеятельность рабочей молодежи. Приведем только несколько наиболее показательных цифр:

Бюджет свободного времени рабочих в 1924 году (в часах)

	Мужчины		Женщины	
	до 24 лет	свыше 35 лет	до 24 лет	свыше 35 лет
1. Свободный труд				
А общественная деятельность	125	98	19	29
Б учеба, самообразование	955	582	193	54
[illegible]	1080	680	212	83
2. Культурная самодеятельность	602	386	504	228
[illegible]	1682	1066	716	311
3. Религиозный культ	11	23	55	90
4. Бездеятельные досуги	400	383	331	277
[illegible] по 24 часам	2093	1472	1102	678
в % %	100	70	100	62

[1] К. Маркс. Теории прибавочной ценности. Л., 1924, т. III, стр 212.

Как видим, в те годы женщины-работницы даже младших возрастов еще очень сильно отставали от рабочих-мужчин в области культурной работы и саморазвития. Но, учитывая, что их рабочий день превышал мужской за счет домашних работ минимум на 3 часа за каждые сутки, а за месяц часов на 80, не приходится удивляться, что им как раз не хватало этих примерно 80 часов в месяц, чтобы сравняться с мужчинами в области учебы и прочей самодеятельности. А вместе с тем, чем меньше времени они соприкасались с наукой и культурой, тем больше напрасно теряли его на религиозные упражнения, отдавая тем самым дань дореволюционному бескультурью.

Это вполне закономерно. Но столь же закономерно и то, что советская рабочая молодежь уже в те годы опережала рабочих дореволюционной выучки в области учебы и культурной самодеятельности *в полтора-два раза.* И ныне, через 35 лет, эта бывшая молодежь, как ветераны труда, требует уже новой смены. А на смену ей приходит с каждым годом новая, все более жадная к знаниям и прочим благам культуры молодежь. Приходит смена людей эпохи коммунистических бригад с их лозунгом: «учиться работать и жить по-коммунистически». Нет никакого сомнения, что они без отрыва от производства отдают учебе и культуре много больше времени и труда, чем их отцы и деды. И отдали бы еще больше, если бы не упирались уже в отсутствие необходимых для этого резервов свободного времени.

Большие сдвиги в культурном развитии можно отметить в СССР не только в рабочей среде, но и в колхозной деревне. Сопоставляя бюджет времени крестьян-единоличников в 1923 году с использованием его в колхозном быту советской деревни к 1934 году по выборочным обследованиям этих лет, мы находим в них о затратах времени на одного взрослого работника между прочим такие данные (см. таблицу на стр. 98).

В советскую деревню давно уже пришли тракторы и комбайны, а вместе с ними коллективный труд и новая культура. Старая деревня со своим ветхозаветным бытом, богомольными старушками, домовыми и лешими уходит от нас в безвозвратное прошлое. За какой-нибудь десяток лет внешкольные затраты времени на чтение и учебу колхозников возросли у мужчин в 25, а у женщин в 47 раз, а вместе с тем во много

ЗАТРАТЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ (ЗА ГОД В ЧАСАХ)	В ХОЗЯЙСТВАХ			
	ЕДИНОЛИЧНИКОВ		КОЛХОЗНИКОВ	
	1923 г.		1934 г.	
	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
1 ЧТЕНИЕ И УЧЕБА	18,2	5,2	468	242
2 ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	55,0	—	121	36
[illegible]	73,2	5,2	589	278
3 РЕЛИГИОЗНЫЙ КУЛЬТ	106	167	6	24

раз сократились потери времени на религиозные обряды и прочие «требы» ветхого культа. Советская культура вытесняет его в деревне столь же энергично, как и в городском быту. И колхозники уже к 1934 году сэкономили по этой статье до 100 часов, а колхозницы даже до 143 часов в год. Если же помножить эту экономию на всю многомиллионную армию труда в деревне, то она превысит 3,6 миллиарда часов в год. А это совсем нешуточный выигрыш даже для нашей большой страны.

Очень показательно, как изменялись затраты времени на религиозный культ в условиях растущей культуры с возрастом колхозников. По обследованию 1934 года можно привести такие данные (см. стр. 99).

Обратная зависимость между затратами времени на повышение культуры и приверженностью к религиозному культу всех возрастов деревни здесь выражена особенно наглядно. Сильнее всего эта приверженность к религии сохранилась у старух свыше 60 лет. И среди них выполняли регулярно церковные обрядности, по обследованию 1923 года, все 100 процентов, расходуя на это не менее 175 часов в год, а в

ЗАТРАТЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ КОЛХОЗНИКОВ В ЧАСАХ ЗА ГОД 1934 г.

		НА ЧТЕНИЕ, УЧЕБУ	НА РЕЛИГ. КУЛЬТ
У МУЖЧИН	16-24 года	528	0
	25-34 года	224	6
	35-59 лет	182	12
	60 лет и выше	93	18
У ЖЕНЩИН	16-24 года	235	6
	25-34 года	30	10
	35-59 лет	18	30
	60 лет и выше	6	85

1934 году — уже только 48 процентов из числа опрошенных старух данного возраста.

Во всех младших возрастах затраты времени на религиозные обряды быстро падали, ибо снижалось и число лиц, причастных к религии. И в комсомольском возрасте, то есть до 24 лет, в церковной обрядности принимало участие к 1934 году даже в деревне не свыше 12 процентов женской молодежи, а мужская молодежь и вовсе не принимала в ней участия. Но тем больше выкраивала она часов и за счет бездеятельного отдыха и за счет экономии по линии религиозной деятельности для занятий науками и литературой и всякого рода иной культурной самодеятельностью.

С тех пор прошло уже немало лет — целая четверть века. Старшие возрасты один за другим уходят на покой. А незрелая молодежь 30-х годов — в советской школе и в коллективном труде, в партийной и профсоюзной деятельности, проходя все более глубокую школу коммунизма, — становится зрелой и требовательной в своем устремлении к дальнейшему творческому развитию своих способностей.

То, к чему стремилась четверть века тому назад лишь самая передовая рабочая молодежь, ныне входит уже в ми-

нимум культурных потребностей всей армии социалистического труда.

Проблемы рационального использования того подлинного культурного богатства, какое образуют собой растущие фонды свободного времени в перспективе ближайших десятилетий, будут с каждым годом приобретать все больший интерес и потребуют серьезнейшего к себе внимания планирующих органов страны. Ведь недостаточно только предусмотреть, какими темпами будет возрастать свободное время трудящихся города и деревни, и масштабы их культурных потребностей. Нужно еще своевременно обеспечить материальную базу, достаточную для нормального их развития.

Вступив в период развернутого строительства коммунизма, мы уже достаточно осознали настоятельную необходимость ускорения строительства как детских учреждений — яслей, детских садов, школ-интернатов, так и предприятий общественного питания — фабрик-кухонь, столовых и закусочных. Осуществляя такое строительство и планируя самый короткий рабочий день в производстве, не трудно определить и те фонды свободного времени трудящихся, какие образуются за счет этих мероприятий. Они значительны уже и ныне, а лет через 20 они, по самым скромным прикидкам, должны превзойти 250 миллиардов часов в год. Это очень большая величина. Но не для того же мы сознательно создаем такое огромное богатство, чтобы затем бесплодно расточать его после трудового дня в постылых пивнушках и в иных «забегаловках», в нудном безделье или в буйном хулиганстве, в хмельном угаре или горьком похмелье!

Можно надеяться, что лет через 15—20 в СССР все работники производства сумеют использовать свое свободное время не хуже, чем рабочие высшей по заработку и квалификации группы в Сибири к 1960 году. А в таком случае из общего фонда в 250 миллиардов часов свободного времени только на учебу, посещение лекций, музеев рабочим потребуется не менее 60 миллиардов часов, на посещение кино, театров и других зрелищ — 54 миллиарда, на чтение книг и газет — 50 миллиардов, на физкультуру и туризм — не менее 20 миллиардов часов и т. д.

И вполне естественно, что если мы вовремя не обеспечим всех этих культурных потребностей достаточным строительством необходимых клубов, библиотек, стадионов, нужной

учебной и художественной литературой, типографской бумагой для их издания и прочими ресурсами, необходимыми кадрами учителей и инструкторов, то, тормозя культуру, умножим лишь ряды бездельников. А растущая праздность — это первейшая предпосылка расширенного воспроизводства пьянства и хулиганства и всех других пороков и преступлений.

КОММУНИЗМ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЭСТЕТИКА

На путях построения коммунизма решающим фактором является рост *материальных* средств производства и общего уровня производительных сил страны. Но не следует забывать, что, по учению исторического материализма, идеи, когда они овладевают массами, становятся далеко не заурядной и весьма мощной *материальной* силой. К числу таких идей в наши дни прежде всего следует отнести и самую идею коммунизма, которая уже ныне стала знаменем мирового прогресса как в области экономики, так и в сфере науки и культуры. Идея коммунизма овладевает массами в нашей стране беспримерными темпами. Возьмем хотя бы столь характерное для последних лет соревнование за почетное звание коллективов коммунистического труда.

Возникнув всего пять лет тому назад, перед XXI съездом нашей Коммунистической партии, по почину одной из молодежно-комсомольских бригад железнодорожников Москвы, оно уже к 1963 году охватило более 23 миллионов трудящихся, или 42 процента рабочих и служащих, участвующих в социалистическом соревновании. Нетрудно себе представить, какую силу приобретает идея коммунизма, когда многомиллионные массы ее активных приверженцев возрастают подобными темпами. Ведь это растут легионы сознательных *строителей* коммунизма, то есть важнейшая живая производительная сила грядущего общества.

В СССР все коллективы коммунистического труда, как известно, ставят своей общей задачей «учиться работать и *жить* по-коммунистически». Но что значит *жить* по-коммунистически? В числе своих обязательств одна из рабочих бригад, в частности, записала: «Все, как один, обещаем вести

себя по-коммунистически, решительно бороться с пережитками прошлого: пьянством, хулиганством, сквернословием. Тот, кто нарушит эти заповеди, недостоин высокого звания члена бригады коммунистического труда». В качестве программы-минимум такие заповеди совсем не плохи. Борьба с пережитками прошлого крайне важна и совершенно необходима. А победа над пьянством будет величайшим достижением. И все же для коммунистического поведения этих обязательств явно недостаточно. Впрочем, пожалуй, раньше, чем коммунизм будет построен, *полной* ясности в том, как именно сложится коммунистический труд и быт, у нас и не получится. Однако наше будущее начинается и зреет уже сегодня. И поэтому, если не все, то по крайней мере те важнейшие объективные закономерности, по которым это будущее складывается, мы достаточно знаем, чтобы уже и ныне многое из него предусмотреть и предугадать. И на вопрос, что значит жить по-коммунистически, можно уже и ныне дать такой ответ: это прежде всего жить — и в повседневном труде, и в домашнем быту — по законам разума, добра и красоты, в гармоническом их сочетании с общественными и личными интересами всех членов данного трудового сообщества, бытового коллектива или иной автономной их ассоциации.

Конечно, столь общее определение нуждается в пояснениях. Особенно важно знать, о каких законах разума, добра и красоты может идти речь в условиях коммунистического общества.

Говоря о законах разума, мы имеем в виду не только простейшие законы мышления, логических суждений и умозаключений, ведущих нас к познанию истины, но и всю ту сумму закономерностей, которые открывает наш разум в области *всех наук* о природе и общественном развитии. В нашу эпоху соревнования мировых систем социализма и капитализма особое значение получают такие законы, как всеобщий принцип экономии времени и специфический закон *неуклонно повышающейся* производительной силы труда, поскольку он всю полноту своего действия приобретает как раз лишь в условиях социализма и коммунизма. Законы разума диктуют всем в общих интересах всего человечества приобретать знания и овладевать наукой. Всего настоятельнее, однако, проявляется эта потребность в тех кругах современного общества, которые впервые получили у нас свободный доступ ко всем ис-

точникам познания истины. И поэтому совсем не диво, что обязательство учиться становится первейшей заповедью всей многомиллионной рабочей молодежи бригад коммунистического труда.

Законы разума обладают всеобщей убедительностью. Менее общепризнаны законы добра и зла в современном классово-антагонистическом обществе, в котором не может быть единых норм социального поведения или, иными словами, общего кодекса морали у эксплуататоров и эксплуатируемых ими трудящихся масс. Когда-то на роль такого общеобязательного кодекса претендовали заповеди христианской морали. Но с тех пор как христианство из гонимого вероучения рабов древнего мира превратилось в господствующую церковь современного общества, его догмы служат совсем иным задачам. Оправдывая высоким авторитетом «воли божьей» любые формы угнетения и эксплуатации в том *земном* царстве, в котором нет ничего выше «священной» частной собственности и ее интересов, эти догмы за все зло, причиняемое людям на земле, сулят им лишь более чем проблематичное посмертное воздмездие в некоем пустопорожнем царстве небесном. И конечно, такими несбыточными надеждами у верующих лишь угашается всякий возможный протест против реальных виновников зла из командующего класса господ собственников.

И в самом деле, там, где все беды и злосчастья объясняются не иначе, как наказанием божиим за собственные прегрешения или за грехи прародителей, начиная с Адама, вкусившего от запретных плодов познания добра и зла, не приходится искать иных виновников любых социальных бедствий. Царящее зло находит в этом учении свое полное оправдание, ибо всякий, творящий его, является в сущности лишь слепым орудием божественного правосудия на «грешной земле». И если в странах капитала роль орудия «божественной справедливости» по отношению к своим рабочим охотно берут на себя их хозяева, собственники всех средств и орудий труда, то это ни в какой мере не отягощает их совести, ибо не противоречит никаким заповедям буржуазной морали.

Кто из читателей «Поднятой целины» Шолохова не помнит, например, зловещий образ кулака Якова Лукича Островного, который в интересах контрреволюции замкнул накрепко на замок в ее горенке и уморил голодом свою собственную родную мать-старуху! Напрасно эта немощная и бессильная

старуха умоляла своего первенца, единственного и ненаглядного Яшеньку:

— Хоть кусочек хлеба, хоть глоток воды! Яшенька мой! Сыночек родимый! За что же?!

За ней не было никакой вины, но она по старости могла невзначай проболтаться. И этого было достаточно. Яшенька слышал ее мольбы, но уморил все же. А на похоронах не было человека, который плакал бы так горько и безутешно, как Яков Лукич.

Таков классический образчик кулацкой морали: сначала уморить родную мать, а затем уже горько о ней поплакать. Но кулак — это еще мелкий собственник. Мораль крупнейших акул буржуазии не знает слез. Здесь давно уже царит закон джунглей: человек человеку — волк. Существует анекдотический рассказ о простодушном дикаре-готтентоте, который на вопрос, что такое добро и зло, будто бы ответил:

— Добро — это когда я украду чужого барашка, а зло — это когда его у меня украдут.

Но этот скверный анекдот о готтентотской морали, конечно, сочинил какой-нибудь буржуа-колониалист, сам обогащавшийся за счет простодушных кафров или готтентотов и на личном опыте познавший, сколь часто ныне в понятии «собственность» реализуется если не откровенный грабеж, то самое вульгарное воровство. Нет никаких сомнений, что нравы неиспорченных кабацкой цивилизацией дикарей много чище и человечнее, чем нравы господствующих классов современных высокоразвитых капиталистических стран. Буржуазная мораль неизмеримо ниже так называемой «готтентотской». В интересах частной собственности она способна оправдать любые преступления. И разорение своих компаньонов — это наименьшее из них. А в наши дни эта мораль готова оправдать и все ужасы провоцируемой фабрикантами оружия ради наживы новой мировой, еще более страшной термоядерной войны.

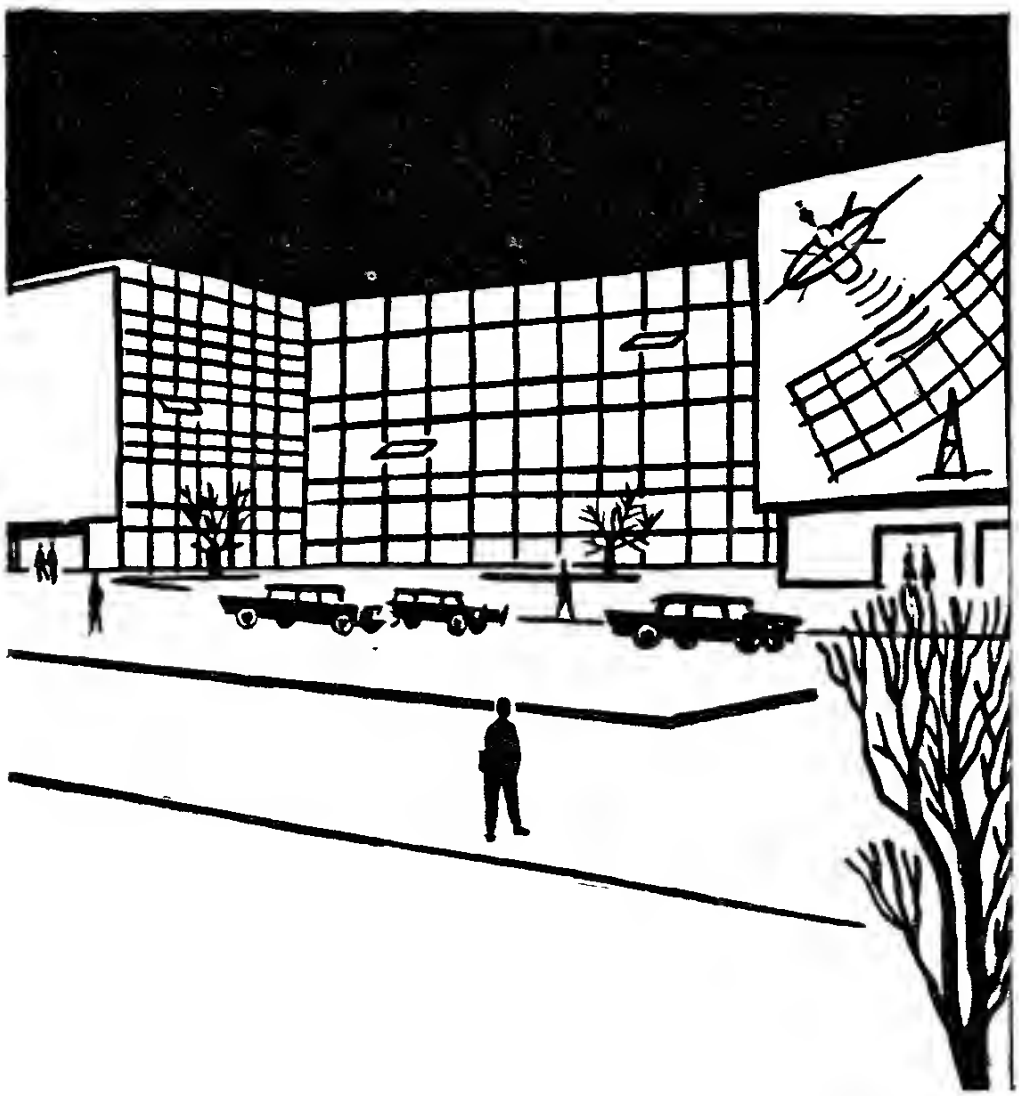
Совсем иначе формирует свои законы добра коммунистическая мораль. Отвергая классовую мораль эксплуататоров, эта революционная мораль рабочего класса обогащается новым содержанием и новыми принципами. В противоположность цинизму буржуазного общества с его принципом «человек человеку — волк», коммунистическая мораль провозглашает свой принцип: все для человека, ибо человек человеку

прежде всего друг, товарищ и брат! Вместе с тем, включая в себя основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками, эта пролетарская мораль с победой коммунизма, несомненно, станет и общечеловеческой моралью.

В области эстетики, казалось бы, гораздо труднее указать общепризнанные нормы. В буржуазной эстетике господствует убеждение, что все представления о красоте очень условны, субъективны и, следовательно, весьма относительны, что прекрасного в природе и в обществе *вообще не существует* и что оно возникает лишь в сознании субъекта, который познает только свои собственные ощущения. Однако еще Пушкин писал, что именно природа сияет «вечною красой»! А мы в повседневной практике убеждаемся, что и во *всех* своих проявлениях красота всегда является лишь специфическим, эмоциональным *отражением реальной действительности.* Правда, в образном ее отображении каждый подлинный художник не копирует действительность, не добивается фотографической точности в овладении конкретной «натурой», ибо, углубляя и обобщая свои эстетические переживания, каждый из них по-своему стремится подняться от единичного к типичному и тем самым, даже *опережая действительность,* приблизиться к самым совершенным типам красоты. Но это и становится одним из объективных законов творческого воспитания и эстетического развития общества с приближением его ко все более высоким идеалам прекрасного.

«На вкус, на цвет товарищей нет!», «О вкусах не спорят»,— твердят обыватели. «Один восхищается мадонной Рафаэля, а другому подавай свиной хрящик!» — иронизируют завзятые скептики. А по извращенным вкусам иных «эстетов» к области искусства наряду с идеалом мадонны можно отнести и содомские «идеалы» сексуальных и садистских влечений, вплоть до «шедевров» уродливой порнографии.

Что же, однако, можно принять из подобной трактовки вкусов? Действительно, эстетические вкусы людей в современном классовом обществе чрезвычайно многообразны. Одни из них можно признать тонкими, другие — грубыми, а третьи — даже низменными. И уже на этой почве *споры* о вкусах не только возможны, но даже неизбежны. Вместе с тем крайне многообразны и те направления в искусстве, ко-



Один из возможных вариантов внешнего оформления завода электронных приборов.

торые соответствуют различным вкусам. И одни из них, несомненно, заслуживают признания как передовые и прогрессивные, а с другими, наоборот, необходимо бороться как с реакционными и упадочными. Не случайно, что *во всех странах,* где уже строится будущее общество, господствующим направлением в искусстве является социалистический *реализм,* а *во всем* лагере отживающего капитализма все большим успехом пользуются такие выкрутасы и выверты упадочной буржуазной эстетики, как мистический сюрреализм, претендующий стать *выше* реализма, или вовсе беспредметное абстрактное искусство.

Таким образом, и в искусстве, при всей пестроте индивидуальных эстетических вкусов, основным источником их различия в классовом обществе служат не индивидуальные, а *социальные* особенности и антагонизмы этого общества и не субъективные устремления отдельных художников, а *объективные законы* развития эстетического творчества.

Потребность человечества в доставляющей радость красоте — духовной и телесной,— красоте во всех ее проявлениях, как в живой природе и человеческом труде, так и в общественных отношениях людей,— неистребима. Это объективный и неоспоримый закон общества. Подлинное искусство всегда находило свой предмет в тех или иных отношениях *реальной* жизни. И в самом деле, что может быть прекраснее самой жизни? Природа хороша, но и в ней всего прекраснее цветущие сады, дремучие леса, зеленеющие луга и нивы. Привлекал всегда человека в искусстве и животный мир. Вспомним хотя бы наскальные изображения бизонов уже в доисторическую эпоху. Кстати сказать, едва ли случайно и то, что древнейшее из наших изобразительных искусств называется *живописью.* Конечно, хороши также вечерние багряные закаты и утренние румяные зори. Великолепно и яркое солнце, согревающее своей неистощимой космической энергией все живое на земле. Но ведь даже это радостное светило определяет только светотени в целостных образах живой красоты любого жанра или пейзажа. А среди живой природы больше всего художественных образов вызывает сам человек и его *переживания.* И это тоже неоспоримый закон эстетики.

Спецификой всякого искусства является гармоническое сочетание всех освоенных им элементов красоты для достижения максимальных эстетических эффектов. В музыке этой

цели служит гармоническое звучание тонов и ритмов, в живописи — красочная игра света и тени, в архитектуре — стройные сочетания объемов и линий, в скульптуре — гармония человеческих форм и пропорций, в литературе — художественное отображение человеческих действий и переживаний. Но все эти многообразные средства выражения в искусстве его задач служат в конечном счете и самой высокой его цели: отразить идейную красоту человеческих отношений, красоту человеческого подвига, героику его лучших устремлений в борьбе за социальные идеалы всего человечества, наконец, красоту самой *человечности*.

Конечно, отражая жизнь со всеми ее глубокими внутренними противоречиями, искусство далеко не всегда приносит нам одни лишь радости. Социальная гармония элементов красоты то и дело нарушается самыми грубыми конфликтами, диспропорциями, диссонансами. И художественное, то есть прежде всего правдивое, отображение такой жизни причиняет нам подчас вместо радости и печаль, и страдание, и ужас, и гнев, и даже ненависть к виновникам всей этой столь ярко обнаруженной общественной дисгармонии. Таким образом, не только светлая радость, но и глубина самых печальных переживаний в искусстве может иной раз служить мерой высоких художественных достижений. Но и при всем том здесь можно отметить такую общую тенденцию. В странах социализма по мере их экономического подъема жизнь трудящихся масс в искусстве становится все радостнее и ярче, а их участие в широкой художественной самодеятельности — все активнее и успешнее, тогда как в лагере обреченной буржуазии даже эстетика самой избранной ее ««элиты» полна мотивами отчаяния и безнадежности. А переходя от высокой теории к рыночной практике, в самых ходких картинах Голливуда и массовой литературе так называемых «бестселлеров», то есть якобы «наилучших» произведений западного искусства, все чаще можно встретить сенсационных бандитов, убийства и порнографию.

Искусство не стоит на месте. Круг эстетических потребностей современного общества и искусств, его обслуживающих, чрезвычайно многообразен и все еще неуклонно обновляется и расширяется. Так что в этом отношении развитие эстетики не вызывает особых сомнений, хотя в различных общественных условиях возможности и уровень этого развития весьма раз-

личны. Однако это не исключает больших и, бесспорно, прогрессивных достижений в области искусства везде, где эти условия ему благоприятствуют. Правда, этот прогресс, шествующий не по прямой линии, а с временными провалами и новыми подъемами на крутых поворотах общественного развития, вполне ощутим лишь за большие периоды времени.

Красота всегда занимала немало места в народном фольклоре — волнующих песнях и плясках, волшебных сказках и былинах, в героическом эпосе народов и в повседневном быту людей. Ее можно найти и в цветах на окнах хижин, в самых незатейливых вышивках крестьянок, и в сказочно тонких кружевах, в красочных пышных коврах и изысканных дворцовых гобеленах избранной аристократии. Но вся эта дворцовая красота создавалась в поте лица и слезах руками чужого, подневольного труда. И это совсем уж некрасиво. Конечно, любое искусство требует — помимо художественного вкуса, увлечения красотой и таланта — еще немало артистического мастерства и самого упорного, творческого труда. Но и сам этот труд должен быть увлекательным, свободным, он должен радовать своих творцов. И на этом поприще труда перед нами открываются еще очень широкие горизонты.

Строители коммунизма усматривают прогресс как раз в том, что с ростом производительных сил в лагере социализма не только расширяются границы «свободного времени» для всех видов *творческой* деятельности человека в науках и искусствах, но и в пределах «необходимого времени» весь наш коммунистический труд становится все более интересным и привлекательным. А с дальнейшим сокращением необходимого в производстве времени до трех-четырех часов в день и с освобождением человечества от наиболее тяжелых и шаблонных форм производственного труда и связанных с ними копоти и грязи этот труд станет привлекательнее. В нем самом будут умножаться элементы творческой радости и красоты. И все более широкие круги трудящихся, овладевая разнообразнейшими отраслями знания, искусств и труда, смогут с увлечением выдвинуть новый лозунг коммунистического соревнования: «Мыслить, работать и жить — в творческой красоте!»

Красота — очень высокий оценочный критерий совершенства, хотя это еще далеко не всем ясно. Он применим везде — и в области науки, где, как известно, можно дать не толь-

ко правильное, но и *красивое,* или, как говорят, «изящное» решение трудной задачи, и в области морального поведения людей, где можно нередко услышать такие оценки: это не только добрый и честный, но и *красивый* жест или поступок. Применим, конечно, тот же критерий красоты и ко всем областям человеческого труда. И здесь про многих можно сказать, что они работают не только весьма производительно, но и *красиво.* И всегда такая добавочная оценка с позиций красоты что-то прибавляет к основной, сообщая ей новое качество.

Но особенный интерес для нас представляет это новое качество, когда оно проявляется в сфере производственного труда. Мы привыкли думать, что самое важное в этой сфере — высокая продуктивность труда, то есть *количество* создаваемого продукта. И на первый взгляд неясно: что же может прибавить к этому такое новое *качество,* как красота самого труда? Привычно ведь любоваться играми и танцами в часы праздничного отдыха, а не будничным и повседневным трудом. В красоте и грации движений соревнуются пока лишь профессиональные балерины и чемпионы легкой атлетики, а не рабочие у станка. И только в странах социализма мощная фигура рабочего далеко уже выдвинулась вперед, и им можно любоваться не только на красочных плакатах, но и в авангарде трудовых соревнований, в рядах самых славных героев труда.

И все же еще очень мало красоты во всей обстановке производственной сферы труда. Стук, лязг и грохот, смрад, грязь и копоть, зной, духота, угар — все это далеко от желанных и здесь тишины, чистоты и красоты. Конечно, завод — не курорт и не санаторий. Но разве *нормальные* условия требуются рабочему только в особые дни отдыха и менее необходимы в повседневном его труде? И разве красота не является одной из тех норм, которые при коммунизме станут *законом* не только в музеях изящного искусства, но и во всех рабочих цехах будущих дворцов труда?

Можно сразу же предвидеть, что по этому поводу возникнут возражения. Не повлечет ли за собой широкое внедрение красоты в обстановку производственной сферы слишком больших и непосильных затрат, не будет ли это подобно тем *излишествам,* какие мы уже неоднократно осуждали в нашем недавнем строительстве? Говоря иначе, не столкнутся ли здесь на-

ши мечты о красоте с суровыми требованиями производственной *себестоимости*? Не преждевременно ли и вообще мечтать нам о красоте в столь широких производственных масштабах до тех пор, пока это производство не справилось еще со всеми другими, гораздо более настоятельными *материальными* потребностями?

Мы думаем, однако, что все такие опасения малообоснованны. И легче всего в этом убедиться, присмотревшись повнимательнее к тому, как меняется со временем в различных социальных условиях, очищаясь в горниле истории от всяких шлаков, самое понятие о красоте.

В самом деле. Известно, что бытие определяет сознание. Оно же, в частности, определяет как эстетические вкусы, так и представления о красоте в любой среде. И, конечно, паразитическое бытие феодальной аристократии или сменившей ее буржуазной плутократии определяет их по-иному, чем это осуществимо в условиях коммунистического труда и быта. Дело в том, что красота, как и все другие ценные качества общественных благ, создается человеческим трудом. Но в той среде, где господствует сытая праздность, как раз дешевле всего ценится чужой труд. Его поэтому вовсе не щадят здесь и используют для любых своих мимолетных прихотей и модных затей. В результате на эти затеи чаще всего расточались целые горы человеческого труда, а красоты добывалось из них несоразмерно малые крупицы. И эта диспропорция уже сама по себе нарушала один из важнейших законов эстетики — гармоническую пропорциональность и соразмерность всех частей единого целого.

Причины неотделимы от обусловленных ими результатов. Они составляют неразрывное единство. И если в этом единстве обнаруживается явная несоразмерность, подобная огромной тяжести на тончайшей опоре или малюсенькой головке на корпусе великана, то такая несоразмерность совершенно закономерно воспринимается нами как *уродство* и должна быть подвергнута критике и с этих, чисто эстетических позиций. Эстетика паразитических формаций несовершенна прежде всего потому, что в ней самим художникам живется худо, ибо они, следуя законам рынка и спросу торгашей красотой, *не свободны в своем творчестве.*

Подчиняясь неотесанным вкусам этих торгашей, которых в искусстве больше всего привлекает все то, что выглядит по-

пышнее и побогаче или что бьет в нос своей особой вычурностью и экстравагантностью, вроде поражающего своей никчемностью абстракционизма, художники волей-неволей и сами нередко предают искусство, отступая от тех или иных его требований. Создавая в угоду своим заказчикам условную красоту разного стиля, многие из них сами сознают *тяжесть* приземистого ампира, *манерность* рококо или *претенциозность* с уклоном в мистицизм стиля модерн. Но что лучшего могли потребовать от художников такие покровители искусства, как, скажем, пресловутая королевская наложница, мадам де Помпадур, разорявшая феодальную Францию ради удовлетворения своих эстетических прихотей, или те нынешние буржуазные его ценители, ведущим эстетическим принципом которых является убеждение, что «все полезное — неэстетично, а все эстетичное — бесполезно»?

На что обрекают самых лучших художников такие принципы? Творить лишь заведомо бесполезные красоты? Декорировать паразитическое бытие буржуазии? Думается, однако, что и самим художникам не слишком улыбается такое творчество. Однако в связи с маркизой Помпадур стоит вспомнить и о тех *безвестных* труженицах, которые украшали своими воздушными кружевами, тяжелыми коврами и златотканными гобеленами жизнь этой маркизы и выплакали за той работой *до слепоты* вместе со своей горькой долей и свои бесценные светлые глаза. Тогда станет ясно, что и в общем балансе красоты никакое искусственное украшательство подержанных прелестниц не сможет возместить подобных потерь, ибо какие же мертвые краски гобеленов могут сравняться с красотой живых человеческих глаз!

Конечно, и в условиях капитализма наперекор всем его торгашам создается все же немало подлинной, художественной правды и красоты. Но наряду с этой красотой, создаваемой трудом, здесь *уродуется* сам рабочий, который, опустошаясь в таких условиях умственно и обращаясь в простой придаток машины, лишается основных своих достоинств, как человек и гражданин. А всякое уродство — прямая противоположность красоте. И об этом художники могут судить не хуже политэкономов.

Совсем по-иному строится то новое общественное бытие, в котором рабочий становится хозяином. В нем и красота

создается уже не для одной лишь избранной «элиты», а для всех трудящихся, да и представления о красоте воспитываются совсем иные.

В отличие от буржуазных эстетов, полагающих, что красота совместима только с полной бесполезностью наделяемых ею объектов, люди труда, наоборот, хотят наделить изяществом и красотой не безделушки или музейные редкости, *а все, что они создают,* и прежде всего все обслуживающие их труд и быт предметы необходимости. По этим представлениям, полезность и необходимость таких предметов, соответствующих своему назначению, как и все целесообразное, ни в какой мере не могут убавить их красоты и даже усугубляют их привлекательность. Красота представляет при этом самостоятельную ценность, но она должна гармонировать со всей обстановкой, которую украшает. Такая красота не нуждается в пышном облачении. Ей приличествует не вычурность, а простота. И ей прямо противопоказаны всякие излишества. Когда же неудачливый архитектор, скажем, нагромождает свои «украшательские» колонны даже там, где они не несут на себе никакой тяжести, то он не только вводит общество в лишний расход, но и грешит против законов подлинной красоты.

Между тем подлинная красота очень нужна людям. Это не пустая роскошь, без которой легко обойтись. Красота необходима людям не менее, чем пища, хотя она утоляет духовный, а не телесный голод. Ее назначение не только радовать людей, повышая тонус их активной жизнедеятельности, но и *воспитывать* в них лучшие черты человеческого характера, отвращая от всех уродливостей, пятнающих нашу общественную и личную жизнь.

Красота — великая сила. И в той идеологической борьбе за перестройку всех общественных отношений и человеческой психики, какую ныне ведут строители коммунизма, эта сила красоты действеннее самой безупречной логики и любых моральных сентенций. Дело в том, что моральные сентенции всегда довольно пресны и, что греха таить, скучноваты, логика — слишком суха́, строгая теория — сера́. Но, говоря словами поэта, «зелено вечно юное дерево жизни». И красота, отражающая действительную жизнь, воздействует на нас непосредственно, всей силой своего обаяния.

Овладеть этой волшебной силой помогают нам различные виды искусства и прежде всего глубоко задевающая струны

сердца проникновенная музыка. Содействуют ей в этом и изобразительные искусства. Но венцом всех искусств в условиях социализма, самым многогранным и влиятельным из них, несомненно, является художественная литература. Располагая такими чудесными рычагами техники, как кино, телевидение и радио, она возглавляет и направляет всю многокрасочную и сладкозвучную семью волнующих душу искусств.

И в производственном труде мастерство неразлучно с красотой. Стоит лишь посмотреть, как работают наши лучшие советские мастера, соревнуясь в производстве не только за высшую производительность труда, но и за самую высококачественную продукцию. Устанавливая рекорды производительности, эти мастера достигают их, по собственным признаниям, не за счет физического перенапряжения, а исключительно за счет *ритма* и тщательного изучения операций, то есть за счет высокого мастерства и искусства в своей работе. Они хотят давать лучший в мире товар уже потому, что это *приятно.* Они ратуют за высокое качество своей продукции и потому, что, будучи артистами своего дела, они чувствуют *органическое отвращение* ко всякого рода браку. Вместе с тем, приобщаясь к новой, социалистической культуре труда, они все выше расценивают чистоту и опрятность как в цехах, так и в домашнем обиходе. В качестве новаторов производства они действительно берут от техники все, что возможно, и уже поэтому, шутя, именно шутя, перекрывают существующие нормы. Но настоящим новатором здесь считается лишь тот, кто показывает себя *и в производстве, и в культуре, и в пляске.* А еще то замечательно, заявил один из них, что при хорошей работе *меньше устаешь,* чем при плохой. Чем ровнее да спористее идет работа, тем крепче да здоровее себя чувствуешь. *С песнями будем работать!*

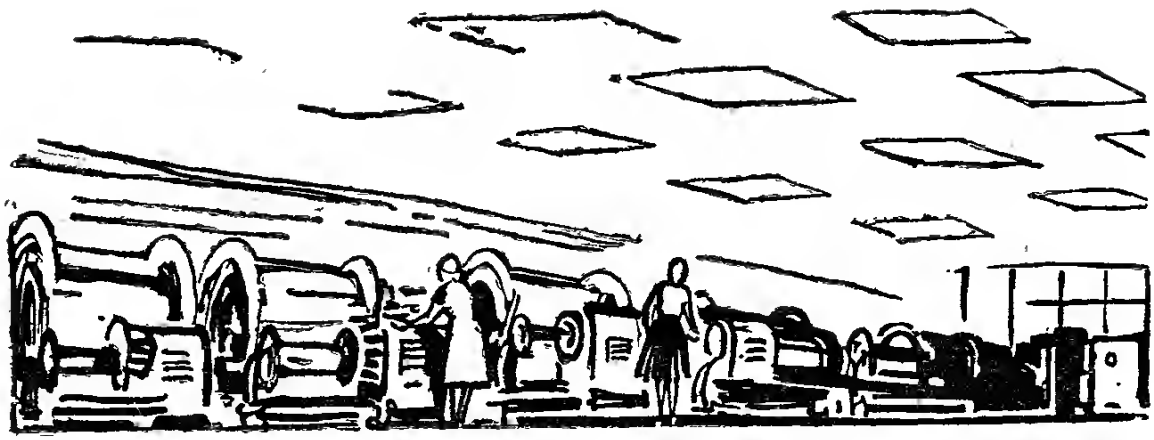
Не ясно ли, что во всех таких безыскусственных признаниях советских рабочих-новаторов чувствуется уже новое в этой среде *эстетическое* отношение к действительности? Их пленяет красота самого *мастерства* в труде, а в сочетании с трудом они отдают дань и другим искусствам. Они чувствуют, что при ладном труде сами песни льются, а под душевную песню — и любой труд спорится. И в этом есть смысл. Когда ритмы труда приходят в гармоническое согласие с ритмами песен и биением самих сердец трудящихся, то в общем итоге

их созвучных усилий получаются особо благоприятные эффекты. Снижая усталость и повышая продуктивность труда, они одновременно содействуют все более успешному внедрению эстетики и в производственный процесс.

Конечно, такое внедрение предполагает уже социалистические условия производства и социалистическую культуру. Там, где высшей экономической мудростью еще считается внедрение в производство фордовской *потогонной* системы. не приходится думать об эстетике. Там, где из рабочего к концу дня выжимаются последние соки, ему не до песен. Между тем даже те, чуждые всяких сентиментов потогонщики, которые добиваются от рабочего любыми средствами рекордной выработки, могли бы понять, что такому заморенному и замученному рабочему не только не до песен, но и не до рекордов. Человек не машина. Его не заставишь работать без отдыха по 24 часа в сутки. Не выдерживает он и произвольно высоких принудительных ритмов труда на конвейере. Давно уже доказано на опыте, что в условиях равной техники чем длиннее рабочий день и утомительнее труд, тем он менее производителен и тем меньше он дает и за час, и за день, и за год.

При социализме освобожденный труд становится все производительнее уже потому, что здесь рабочий трудится *для себя и для всех* без принуждения и перегрузки, с особым *подъемом,* и каждому становится *приятно* достигать больших результатов. Содействовать этому подъему душевных сил и трудовой энергии как раз и призваны все эстетические средства искусства и социалистической культуры. В школе и на работе, в театре и кинозалах, и даже дома — у радиоприемников и телевизоров — все шире и целеустремленнее используются у нас эти средства. И мы сами еще явно недооцениваем ту эффективность их, которая может быть достигнута в перспективе ближайших десятилетий.

Правда, и ныне на передовых предприятиях СССР проявляется немало заботы о культуре труда и производственной эстетике. Заводские корпуса хорошо продуманной архитектуры окружаются зелеными насаждениями и цветниками. В цехах поддерживается образцовая чистота. Рабочие у станков — в белых халатах. И если пройти по такой фабрике, покажется, что это не производственные цеха, а научные лаборатории. Темные внутризаводские стены и угрюмые серые



Современное предприятие — это прежде всего много света, воздуха,

машины окрашиваются в светлые, ласкающие глаз тона и оттенки. Ночью производственные помещения освещаются яркими лампочками дневного света. Угар заводских печей и духоту подземных шахт преодолевают приборы озонирования и постоянный приток свежего, кондиционированного воздуха нормальной температуры. Но всего этого, конечно, очень мало еще.

В частности, преодолеть доменный жар или весь заводской шум и грохот пока нигде еще, по-видимому, и не пытаются. А между тем вред их, со всех точек зрения и прежде всего с точки зрения неоправданно больших потерь энергии несомненен. Но мы уже знаем, что на смену доменным процессам идет более прогрессивная в этом отношении электрометаллургия, которая гораздо легче поддается автоматизации всех трудовых процессов и управлению ими на расстоянии. Это избавит доменщиков и сталеваров от печальной необходимости вечно жариться в самом пекле, у огня. Вместе с тем все время наблюдается процесс постепенного вытеснения грохочущего кузнечного оборудования и скрежещущих металлорежущих станков менее шумным прессовым и штамповочным оборудованием. Это прогрессивно, ибо всякий излишний шум в производстве означает лишь напрасное сотрясение воздуха в рабочих помещениях и соответствующие энергетические потери. А сверх того успешное преодоление оглушающих заводских шумов в тех или иных отраслях труда откроет новые

отсутствие шума...

возможности и для все более эффективного использования в них музыкального искусства.

Музыка везде хороша. Ее своеобразные ритмы незаменимы в танцах и плясках. Без нее немыслим ни один художественный фильм. Многие еще помнят, как, заглушая досадное стрекотание безгласного в прошлом кино, этот недостаток «великого немого» кое-как скрашивали музыкальными ритмами рядовые таперы. А ныне, когда кино уже приобрело голос, его озвучивают, не щадя затрат, музыкой лучших композиторов и исполнителей. Музыка сопровождает нас и в быту — от колыбельной песенки до похоронного марша,— отвечая всем движениям нашей души. Под музыку у людей родятся лучшие чувства и самые вдохновенные замыслы. Она всегда облегчает горе и умножает радости человека. Однако полностью использовать ее дары мы сможем лишь тогда, когда она зазвучит вокруг нас не только в минуты отдыха и развлечений, но и в часы производительного труда.

Только в производственной сфере музыка выполнит до конца свою сугубо культурную миссию. Уже и ныне в десятки тысяч цехов и мастерских легко передать по радио наилучшую музыку, заглушая здесь все вредные шумы и укрепляя музыкальными ритмами ценнейшую в производстве ритмичность труда. С одной стороны, воспитывая музыкальные вкусы широкой трудовой аудитории, музыка приобщает ее ко всем *эстетическим* радостям этого искусства. С другой стороны,

снимая усталость и повышая успешность работы производственников, она служит важнейшей *экономической* задаче — подъему производительности труда.

Впрочем, в условиях социализма эту задачу может помочь разрешить не только музыкальное искусство. Имеются данные о том, что даже такая скромная «рационализация», как окраска цеховых стен и машин в веселые и радостные цвета, способна повысить производительность труда в цехе на 10—15 процентов! Таким образом, и экономическими эффектами эстетики пренебрегать не следует. Конечно, техническая модернизация и полная реконструкция производства способны дать в этом отношении гораздо больше. Но ведь и капитальных затрат для этого потребовалось бы во много раз больше. И если подсчитать эти затраты на сравнимую норму эффекта, например на 10 процентов повышения производительности труда, то еще большой вопрос: не экономичнее ли окажется легкая перекраска цеха, сделанная со вкусом, чем тяжеловесная реконструкция, рассчитанная на десятилетия?

К сожалению, подобные вопросы возникают не часто даже у наиболее культурных хозяйственников. Правда, на заводскую культуру труда у нас ныне уже расходуется совсем немало средств. Производятся, в частности, и так называемые «косметические» ремонты, хотя применительно к побелке и покраске заводских стен это слово мало подходит. Во всяком случае, производственные эффекты всей такой заводской «косметики» и эстетики пока никем не подсчитываются. И об этом можно лишь пожалеть.

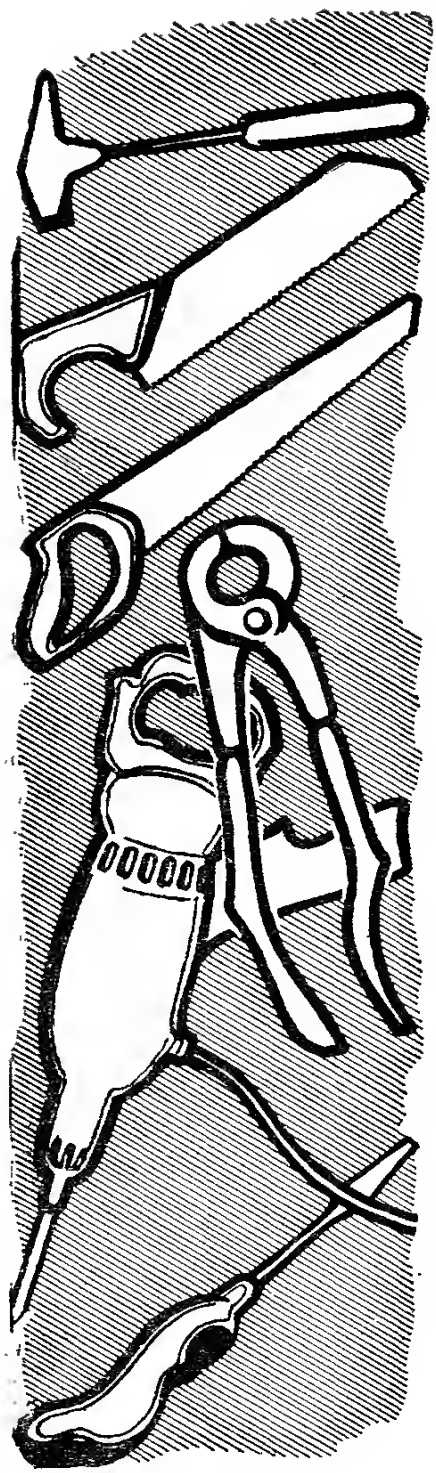
На московском заводе «Красный пролетарий» рабочие взяли обязательство: «Вести беспощадную борьбу с неряшливостью и бескультурьем каждого члена коллектива, объявить поход против старых представлений о работе, как о чем-то грязном, мрачном, воспитывать рабочего чистотой и красотой». «Завод хочет быть красивым», — пишет в «Литературной газете» Тамара Жирмунская, приводя ряд красочных примеров внедрения производственной эстетики. На Выставке достижений народного хозяйства СССР демонстрируются новые станки-автоматы, фисташковые снизу, желтоватые сверху, с ярко-красными отметинами на боках. Давно установлено, что синий цвет действует на психику угнетающе, а красный, наоборот, ее возбуждает. Желтый и зеленый цвета обостряют зрение и повышают дееспособность человека. В том же на-

правлении воздействует и нормальное освещение рабочего места в цехах, повышая производительность труда на 10—30 процентов. В расцветке машин светлыми, кремовыми оттенками на зеленоватом фоне отчетливо выделяют движущиеся части, а красными — особо опасные места. Задача же художника найти такой гармонический подбор расцветок, чтобы, не утомляя глаз, он радовал человека и тем самым делал все более привлекательным и успешным его повседневный труд.

По подсчетам чехословацких ученых, правильное цветовое оформление рабочих цехов обходится в 20 раз дешевле, чем потери, вызванные цветовой анархией. Это оправдывает пополнение заводских штатов художниками, которые осуществляют художественный контроль за выпускаемой заводами продукцией. Кстати сказать, Всесоюзная конференция, посвященная роли промышленного искусства в повышении культуры труда, состоявшаяся в 1961 году в Свердловске, рекомендовала создать с этой целью при технико-экономических советах совнархозов художественно-промышленные секции, ввести на крупных промышленных предприятиях штатную должность художника-конструктора и организовать художественное обучение конструкторов и технологов предприятий. Ленинградский совнархоз, следуя этой рекомендации, утвердил должность художника-конструктора на 22 предприятиях. А на некоторых заводах созданы уже и специальные отделы эстетики.

Производственная эстетика — еще совсем молодая научная дисциплина. Она возникла по инициативе самих рабочих из потребностей социалистического производства, развивающегося на путях к коммунизму. Но именно поэтому можно ожидать высоких темпов ее развития. И не только потому, что производственная эстетика способствует росту общественной производительности туда, но и потому, что, облагораживая самый труд, она приближает нас к тому заветному времени, когда этот труд станет не только разумной потребностью и бесспорным общественным благом, но и личным наслаждением каждого здорового человека.

На Западе на этом поприще тоже возникали «эстетические» задачи. Невзрачный товар не находит сбыта. Художнику поручается придать этому товару броский вид. И, по наблюдению народного художника С. Коненкова, даже многие из западных абстракционистов уходят в сферу промышленности.



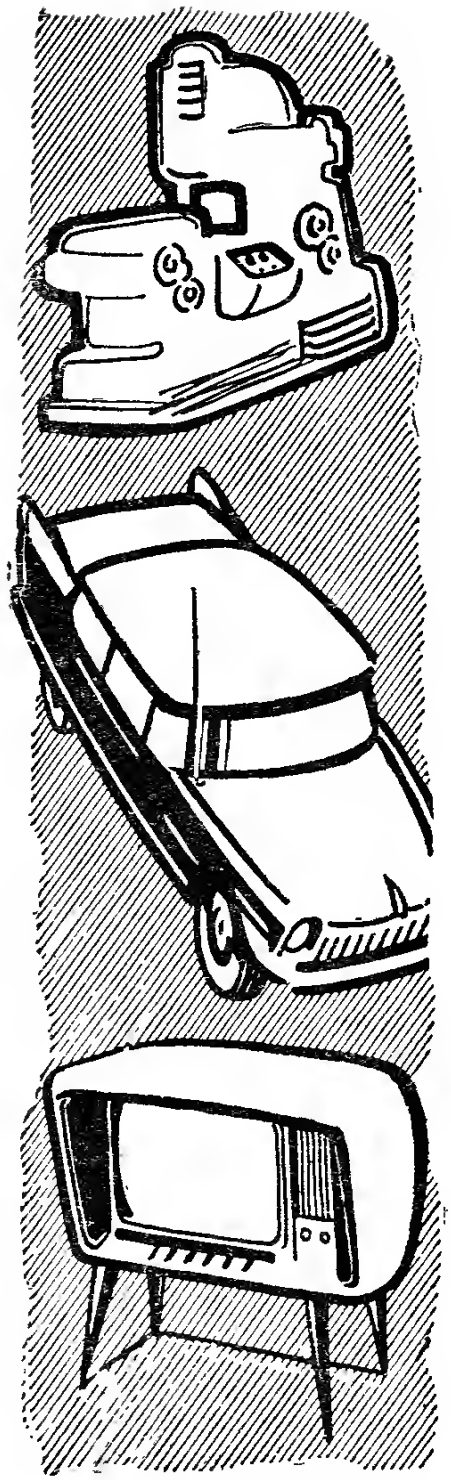
Художники-конструкторы разрабатывают новые формы инструментов, красивых и удобных.

«Но нам, — замечает он, — не к лицу плестить у них в хвосте... Новое в жизни искусства — это его всепроникающее воздействие на все без исключения стороны жизни. Как это захватывающе интересно и увлекательно! Как это сложно и ответственно! Искусство в целом, — продолжает он, — и в первую очередь родное мне изобразительное искусство обязано сказать свое решительное слово в промышленной эстетике. Внешний облик завода, форма и цвет станков, одежда рабочего, устройство цеховых интерьеров — все должно даже непривычного, даже неискушенного и незнакомого с производством привлекать, восхищать с первого взгляда. Работа художника над эстетическим осмыслением промышленного предприятия, по моему твердому убеждению, прибавит нашим рабочим не один год жизни».

Производительность труда у нас уже с первых дней революции признается одним из важнейших факторов всепобеждающего прогресса. Но в числе изучаемых факторов производительности труда мы не находим еще ни одного из элементов столь быстро расцветающей у нас многообразной духовной культуры. А между тем самые элементарные расчеты показывают, что, скажем,

в области науки одно лишь школьное образование в СССР, повышая производительность труда, умножает ежегодно народный доход на десятки миллиардов рублей и становится одним из объектов *рентабельнейших* капитальных вложений в нашей стране. Едва ли можно сомневаться, что и растущие вложения в области искусств оказались бы достаточно эффективными в производственной сфере и с чисто хозрасчетной точки зрения. Но нельзя забывать и того, что такие области культуры, как наука и искусство, представляют собой и самостоятельную ценность.

Нужно признать, что в будущем обществе именно *истина и красота,* поставленные на службу общественным интересам, станут ни с чем не сравнимым благом. Прекрасное в искусстве — это *творческое* воссоздание и идейно-эмоциональное отражение прекрасного в природе и общественной жизни. В классовом обществе, однако, оно всегда отражает не только определенный эстетический идеал, но и общественные и морально-политические воззрения, господствующие в данной среде. Уже поэтому их приходится рассматривать и расценивать в нераздельном единстве. Но поскольку в области общественно-экономических идеалов мы уже утверди-



Они создают станки, современные модели автомобилей, телевизоров, где форма и окраска умело сочетаются с назначением.

лись на вполне объективной базе *научного* социализма и коммунизма, это исключает безбрежный субъективизм наших оценок и в области этических или эстетических воззрений.

И потому можно не сомневаться, что при коммунизме *высшим* критерием переоценки всех ценностей станет оценка их именно с этих позиций, по законам разума, добра и красоты.

БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИЗМА

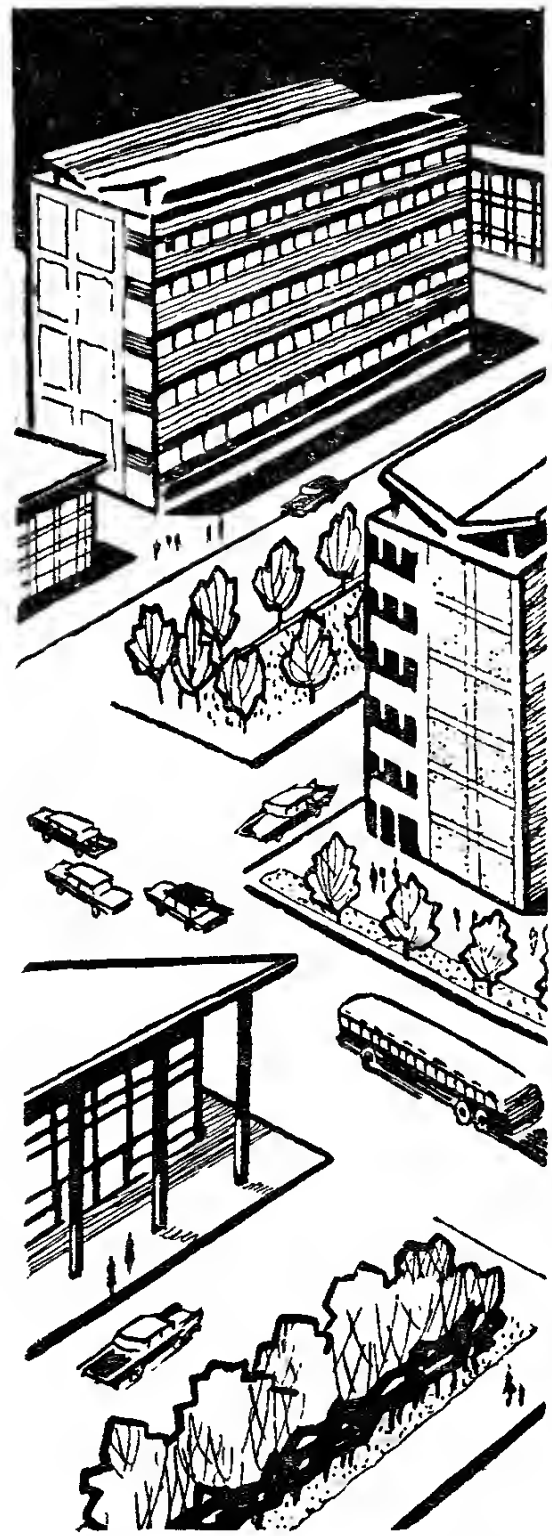
В процессе обсуждения новая грандиозная программа строительства коммунизма в СССР встретила дружное одобрение и активную поддержку миллионов людей. Программа КПСС представляет собой блестящее произведение творческого марксизма. И тем не менее в неистощимом потоке откликов на проект этого документа, повседневно заполнявшем столбцы нашей печати, было предложено к нему тысячи дополнений, уточнений и всяких других поправок. Конечно, все предусмотреть, даже только на двадцать лет вперед, невозможно. И потому далеко не все из таких поправок оказались равноценными. Но все они свидетельствуют о жизненности этой величественной Программы и о глубокой заинтересованности ее содержанием всего нашего народа, для которого после всенародного обсуждения и одобрения она стала его *собственной программой действий на много-много лет.*

В большой программе не место для многих мелочей. Но можно ли считать мелочами все, что относится к повседневному быту трудящихся масс и тем сдвигам в этом быту, какие неизбежны в связи с уже определившейся программой построения материально-технической базы коммунизма на ближайшие двадцать лет? Конечно нет. И в нашей Программе не случайно нашли место такие, например, бытовые детали: «В итоге второго десятилетия *каждая семья,* включая семьи молодоженов, будет иметь *благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта* (курсив мой. — *С. С.*)».

Конечно, благоустроенную квартиру можно себе мыслить в любом быту. Но предложить ее *каждой семье* можно только там, где нет нищеты наряду с богатством и где столь необходимое всем благо, как благоустроенное

жилье, удовлетворяющее требованиям гигиены и культуры, находится уже в таком изобилии, что общество может удовлетворить им всех своих членов без изъятия, не требуя за это никакого эквивалента. Это сразу вводит нас в условия коммунистического труда и быта. И удивляться приходится лишь краткости сроков, в какие Программа КПСС определяет возможность реализовать свои важнейшие задания в этой области. Напомним, что уже во втором десятилетии действия этой Программы, то есть за 1970—1980 годы, и пользование жилищем, включая пользование водой, газом, отоплением, и коммунальный транспорт — трамвай, автобус, троллейбус, метро — «постепенно станут бесплатными для всех граждан».

Благоустроенные квартиры нельзя себе даже представить вне благоустроенных домов и жилищных блоков или целых микрорайонов, обслуживающих все повседневные нужды проживающего в них населения. И отсюда вытекает широкая



Архитекторы одними из первых заглядывают в будущее...

программа дальнейшего градостроительства и планировки новых поселений в интересах *благоустройства быта* всего населения. Намечается целая система мероприятий «по дальнейшему оздоровлению условий жизни в городах и других населенных пунктах, включая их озеленение, обводнение, решительную борьбу с загрязнением воздуха, почвы и воды». Однако в качестве важнейших задач оздоровления быта в этой системе мероприятий наша Программа выдвигает такие социальные требования. Во-первых, необходимо «обеспечить воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и духовных сил». И, во-вторых, «должны быть полностью устранены остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством».

Само собой понятно, что такие социальные требования снова возвращают нас и к чисто строительным задачам в области расширения сети детских учреждений и предприятий общественного питания, и к самым многообразным проблемам бытового благоустройства поселений, организации жилищных комбинатов и даже планировки в них отдельных квартир разного типа. Мы знаем, что *общественная* организация питания и детского воспитания значительно эффективнее, чем все, что можно достигнуть в узких рамках отдельной семьи, в особенности если отец и мать заняты вне дома производственным трудом. Поэтому в интересах детей и наиболее загруженных в домашнем хозяйстве матерей необходимо, чтобы общество взяло на себя все связанные с этими функциями заботы и издержки, высвобождая тем самым десятки миллионов матерей для более производительного общественного труда. И Программа КПСС ставит перед страной задачу обеспечить уже в 1980 году полную бесплатность питания и воспитания детей и даровое общественное питание (обеды) всем трудящимся.

Решение такой задачи явится совершенно беспримерным по своей целесообразности и высшей гуманности достижением на путях к коммунизму. Однако всякое большое дело требует разумной организации. И, скажем, даже *даровое* общественное питание негодного качества, с большими потерями времени за столом в общественных столовых или тре-

бующее от каждого, по пословице, «за семь верст бежать — киселя хлебать», — такое питание никого не устроит. Общественная столовая должна быть всегда под рукой, в каждом детском учреждении, в каждом доме или даже в каждом этаже больших домов. Продукты — только вполне доброкачественные. А изготовляемые из них блюда под наблюдением опытных кулинаров и врачей-гигиенистов во всяком случае не должны быть по вкусу и питательности хуже тех, которые готовят лучшие домашние хозяйки. Такое общественное питание, конечно, освободило бы женщин от очень многих забот, подобно тому, как достаточно широкая сеть детских учреждений освободит от излишних забот всех занятых вне дома матерей.

Однако это отнюдь не исключает необходимости самого тщательного присмотра и общественного контроля и за детским воспитанием, и за общественным питанием, и за общим культурным благоустройством в каждом таком *домовом коллективе* или потребительской общине грядущих дней. Будут ли для этого избираться специальные домкомы, наблюдательные советы и контрольные комиссии или возникнут иные формы общественного самоуправления, предугадать, конечно, трудно, но во всяком случае к участию в общественном контроле можно будет привлечь и лучших ветеранов труда, не теряющих и в пенсионном возрасте вкуса к общественной деятельности, и комсомольский актив, и всех других общественников, способных свободное время своих сограждан в домашнем их быту организовать так, чтобы оно было использовано культурно, с наибольшим эффектом и интересом. И такой коллектив с дальнейшим развитием всех его функций в качестве первичной клеточки будущего общества, вероятно, назовут бытовой коммуной.

Для благоустройства коммун потребуется и мебель, и обстановка, и многое другое. И в недалеком будущем, если не через двадцать лет, то несколько позже, каждая коммуна сможет все такие предметы домашнего обихода получать — в пределах разумной в них потребности, но по собственному выбору и вкусу заказчиков — за счет *общественных* фондов потребления. Доля этих фондов, распределяемых бесплатно по потребности, будет все возрастать в общем итоге благ личного и общественного потребления. И со временем не только предметы питания, но и все бóльшая доля предметов

длительного пользования будет распределяться безденежно, по потребностям. «Потребности людей, — как утверждает Программа КПСС, — будут удовлетворяться за счет общественных фондов». Однако о личной *собственности* Программа коммунизма не упоминает, ограничиваясь лишь такой формулировкой: «Предметы личного потребления будут находиться в полном *владении* и *распоряжении* каждого члена общества» (Курсив мой. — С.С.).

Впрочем, вопрос о дальнейших судьбах *собственности* в различных ее модификациях не получил, да и не мог еще получить достаточного развития в Программе КПСС. Остаются пока неясными и общая организация коллективного быта, и порядок обслуживания каждого отдельного коллектива или бытовой коммуны, и многое другое. И тут уж наши представления о грядущем восполняются собственными наблюдениями тенденций развития наличных уже ростков коммунизма и суждениями о возможном их завершении.

Сегодня для очень многих жителей деревни благоустроенная квартира с водопроводом и канализацией представляется почти недосягаемым идеалом. Но в грандиозном жилищно-коммунальном строительстве ближайших двух десятилетий, которое обойдется стране в сотни миллиардов рублей, необходимо продумать и предусмотреть целый комплекс мероприятий по бытовому благоустройству всего коммунистического уклада общественной жизни. Не следует ведь забывать, что хотя в этом строительстве создается лишь *материальная* база коммунизма, но эта база, как фундамент здания, строится на сотни лет. И еще следует помнить, что после сокращения рабочего дня на заводской работе каждый коммунар будет находиться не свыше трех-четырех часов в сутки, то есть едва лишь *одну шестую* своей жизни. И потому разумная организация и бытовое благоустройство всей остальной его жизни будут приобретать все большее и решающее значение.

А разум в этом деле прежде всего выдвигает два требования: во-первых, чтобы индивидуальные и общественные интересы коммунаров в области бытового благоустройства, как и в организации общественного труда, нашли себе возможно полное и гармоничное удовлетворение, и, во-вторых, чтобы при этом в полной мере был соблюден и принцип экономии в обеспечении максимума бытовых удобств при

наименьших затратах. На разных уровнях благосостояния общества допустим, разумеется, очень различный уровень бытового благоустройства его жилищ и поселений. Но на любом уровне предпочтительнее те варианты, какие в наибольшей мере удовлетворяют вышеприведенным требованиям разума.

Так, например, на уровне нищеты приходилось поневоле мириться многим и с таким типом общежитий, в которых в одной квартире ютится по нескольку семей, теснясь у одной и той же кухонной плиты, сталкиваясь перед одним умывальником, задерживаясь в досадной очереди перед уборной и растрачивая повседневно в этой тесноте и неизбежной склоке массу нервной энергии, душевной опрятности и моральной чистоты. По сравнению с таким печальным бытом перспектива получить каждой семье особую и притом вполне благоустроенную квартиру — с газовой плитой, опрятной уборной и ванной — представит собой огромное благодеяние. Но в какой мере при этом будут соблюдены все *общественные* интересы и принцип экономии, это еще не ясно. *В частности,* предполагается, что общественное питание будет вытеснять домашний стол. Но нужно ли создавать общественные столовые при каждом заводе и учреждении?

Прежде всего заметим, что при коротком рабочем дне устраивать обеденный перерыв в заводской работе через два-три часа после ее начала совсем нецелесообразно, ибо после каждого такого перерыва требуется новая настройка, чтобы восстановить нужный ритм работы, и снижается производительность труда. Значит, рабочим придется задерживаться на обед в заводской столовой *после* работы, когда каждый из них спешит поскорее вернуться домой на полный отдых. А в выходные дни им пришлось бы на посещение заводской столовой терять, уже совсем без нужды, немало времени. Одни обеды к тому же никого не устроят. Нужны ведь еще завтрак и ужин. Да и обед все равно придется готовить во всех семьях, где, кроме работающих, найдутся старики пенсионеры, отпускники, больные и другие члены семьи, нуждающиеся в домашнем обслуживании. Значит, потребовались бы и домашние хозяйки, ради освобождения которых от кухонного рабства и организуется вся сеть общественного питания. Можно, конечно, помимо заводских, построить общественные столовые и в каждом большом доме или на каждый блок смеж-

ных жилищ в том или ином микрорайоне. Но следует ли дублировать в таком случае строительство тех же столовых при всех заводах и учреждениях с очевидным нарушением принципа экономии?

Благоустройство общественного быта потребует, конечно, помимо общественных столовых и домовых кухонь и целых фабрик-кухонь на каждый микрорайон, и много других обслуживающих население учреждений. Например, в каждом большом доме или блоке домов потребуются и детские ясли, и детские сады, и прочие дошкольные учреждения. Их размещение особенно важно вплотную приблизить к постоянному местонахождению их матерей. Но тут же, в каждом блоке жилищ или микрорайоне, должны со временем найти свое место и школьные помещения детей, и продовольственный магазин, и общественные столовые, и клуб, и целый ряд свободных помещений для всевозможных кружков самодеятельности жителей данного блока.

Такие бытовые комбинаты по общественному обслуживанию и коллективному благоустройству быта в порядке общественной самодеятельности несомненно будут возникать на путях к коммунизму. Можно ли, однако, будет таким бытовым комбинатам присвоить высокое звание коммун?

Коммунистическое общество, по мысли классиков марксизма, складывается из «системы самоуправляющихся ассо-

циаций», именуемых коммунами. Тем робким товарищам, которым всякое упоминание о коммунах представляется возвратом к фантастическим утопиям далекого прошлого, напомним только слова В. И. Ленина — величайшего реалиста. Грядущее общество, писал он еще в 1918 году, «может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее»[1]. Но в этой сети коммун и тогда мыслилось большое многообразие объединяемых ими индустриальных и аграрных коллективов и возлагаемых на них задач. В частности, уже в Программе партии, утвержденной в 1919 году, предусматривалось создание и производственных «сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства», и «потребительских коммун и их объединений» в области снабженческой кооперации потребителей, и чисто бытовых «домов-коммун» взамен порабощающих женщину и крайне непроизводительных форм домашнего хозяйства[2].

«Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, — читаем мы в 4-м пункте этой Программы, — партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. д.».

В других пунктах той же Программы вдобавок к этому предусматривалось и «проведение бесплатного и обязательного общего и политического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет», и «создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины», и «снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства», и «постановка общественного питания на научно-гигиенических

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 226. (Курсив. — *С. С.*)

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. М., Госполитиздат, 1953, ч. 1, стр. 415, 424, 426.

началах», и «обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи», и «максимальный 6-часовой рабочий день», и многое другое[1].

Конечно, в условиях 1919 года все такие задачи были еще очень далеки от своей реализации. И когда слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко, В. И. Ленин сразу же в своей вдохновенной статье «Великий почин» 28 июня 1919 года напомнил всем, что *«столь почетное название* надо *завоевать* долгим и упорным трудом, завоевать доказанным *практическим* успехом в строительстве действительно коммунистическом... Сначала, — писал он, — докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность «работать по-революционному», способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»!»[2].

Потребовалось целых сорок лет и неисчислимое количество практических успехов в нашем строительстве, чтобы на новом уровне производительных сил возник в 1959 году новый коллективный почин «учиться работать и жить по-коммунистически». Его подхватили десятки миллионов рабочих. Они хотят и могут не только доблестно работать, но и образцово, по-коммунистически жить. И на этом новом этапе развернутого строительства коммунизма продуманная программа организации за ближайшие десятилетия целой сети трудовых и бытовых коммун становится все более реальной и неотложной нобходимостью.

С вступлением в период развернутого строительства коммунизма задачи, поставленные в Программе партии, принятой в 1919 году, становятся еще актуальнее, чем когда-либо. И все они нашли свое место в новой Программе КПСС 1961 года. Она предусматривает все виды благоустройства, освобождающие женщин от тягот, обременяющих их в домашнем быту. Она предвидит и те связи, которые должны обеспечить единство коммунистического уклада. «Коммунизм, — читаем мы в ней, — представляет собой высшую форму организации общественной жизни. Все производственные ячейки, все *самоуправляющиеся ассоциации* будут гармонически объеди-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. 1, стр. 415, 419, 420, 429, 430.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 398.

нены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда». «Сложатся единые общепризнанные правила коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой всех людей». И мы имеем все основания предполагать, что первичными ячейками такого «коммунистического общежития» в этой общей системе самоуправляющихся ассоциаций будут те самые *коммуны,* которые предвидел еще В. И. Ленин.

В самом деле, посмотрим, какое содержание вкладывается в слово «коммуна».

Французское слово «*коммуна*» означает то же, что русское — община, и охватывает весьма различные типы общения людей. В это понятие укладывается и весь первобытно-коммунистический общественный строй доклассового общества, и тот грядущий коммунистический уклад, который мы только еще строим, преодолевая в своем быту и сознании все пережитки старого мира классовой эксплуатации с господствующей в нем идеологией индивидуализма. Правда, между первобытной общиной и коммуной грядущих поколений зияет такая же пропасть, как между крайней нищетой и неограниченным изобилием, но имеется и немаловажное структурное их сходство. В каждой из них все элементы общества крепко, органически связаны между собой *взаимным тяготением* отдельных производственно-потребительских коллективов, в основе которого нетрудно обнаружить цепную связь общих им всем культурно-экономических интересов.

В этом основное отличие такой социальной структуры от всех типов классового общества, в котором «человек человеку — волк» и все молекулы общества под высоким накалом социальных противоречий уже не тяготеют, а *отталкиваются* друг от друга, распадаясь на отдельные атомы и ионы глубоко распыленной человеческой плазмы.

Коммунистическое общество, по мысли классиков марксизма, складывается в качестве «системы самоуправляющихся ассоциаций» или трудовых и бытовых коммун, которые, выполняя во взаимной связи и трудовой кооперации все производственные и потребительские функции грядущего общества, будут связаны между собой единым централизованным планом действий во все расширяющемся — областном, национальном и межнациональном — масштабе мировой федерации стран и народов. Такая федерация мыслится марксистами в

качестве чисто хозяйственной, безгосударственной организации. Но в основу трудовой координации всей такой системы самоуправляющихся трудовых коммун и их федераций коммунисты, в отличие от анархистов, кладут отвергаемый последними принцип демократического централизма.

Напомним, кстати, забытые уже многими мысли В. И. Ленина об этом принципе в связи с его высказываниями о трудовых и «производительно-потребительских коммунах». Уже в первом, черновом наброске программной статьи «Очередные задачи Советской власти», написанном 18 марта 1918 года, находим такие строки о трудовых коммунах: «Каждая фабрика, каждая артель и земледельческое предприятие, каждое селение, переходящее к новому земледелию с применением закона о социализации земли, является теперь в смысле демократических основ Советской власти *самостоятельной коммуной* с внутренней организацией труда»[1]. А несколькими страницами дальше он пишет об этих демократических основах: «Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма. Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию как средство борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле федерация... нисколько не противоречит демократическому централизму...

И вот, подобно тому, как демократический централизм отнюдь не исключает автономии и федерации, так он нисколько не исключает, а напротив, предполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, — утверждал еще тогда В. И. Ленин, — как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией»[2].

И если такой категорический отказ от всякой *шаблонизации* форм существования «различных общин» нашел себе

---

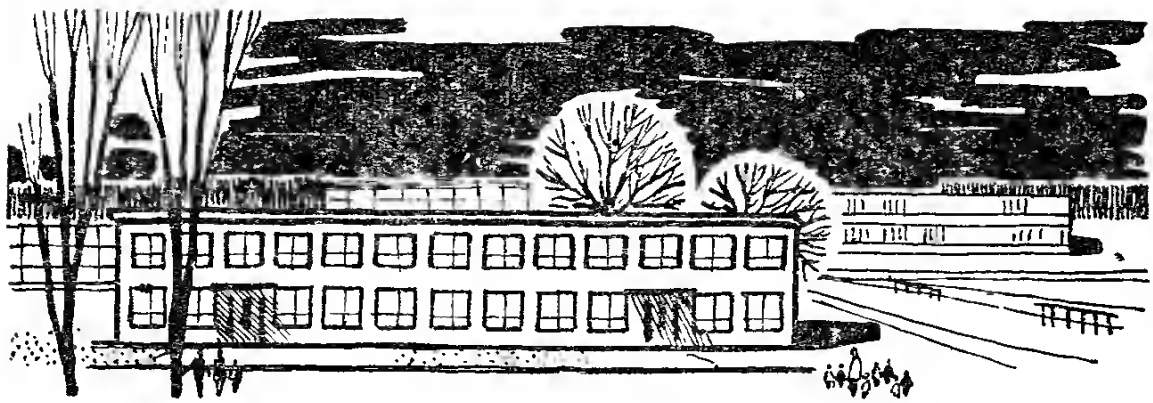
[1] В. И. Ленин Соч., т. 27, стр. 177. (Курсив мой. — *С. С.*)
[2] Там же, стр. 180—181.

у нас признание даже в первой фазе коммунизма, то тем более он окажется уместным в отношении организации форм труда и быта различных коммун второй, безгосударственной фазы законченного коммунизма. Чем больше свободного творчества и меньше шаблонной регламентации будет в формировании семейного и трудового быта в каждой из будущих коммун самого различного назначения, тем многообразнее и богаче будет и вся жизнедеятельность коммунистического общества.

В каком же виде представляется нам элементарная ячейка этой сетки коммун, то есть бытовая коммуна? И как реализовать ее назначение — *коллективизацию* рабочего быта с возможно полным освобождением женщины от безрадостной участи домашней рабы в пожизненной каторге у смрадного семейного очага?

В разных условиях эта задача, вероятно, будет решаться по-разному. Но уже сейчас ясно, что новые формы общественного обслуживания трудящихся вне производства потребуют и новой организации рабочего быта в городе и деревне. Ориентируясь на общественное питание и плановое снабжение больших рабочих коллективов, эту организацию можно себе представить в виде целой системы потребительских коммун, связанных с тем или иным производственным комбинатом в городе или колхозным центром на селе. Образчиком таких первичных потребительских коммун будущего могла бы нам послужить, пожалуй, любая из современных советских здравниц, где наши рабочие отдыхают на всем готовом, поскольку и общий их стол, и все обслуживание берет на себя служебный аппарат здравницы. Разница лишь в том, что такой здравницей должен со временем стать каждый дом в больших городах или целая группа жилищ, обеспечиваемых в том же отношении специальной организацией бытового обслуживания в рабочих поселках и на селе. А также в том, что такое питание и обслуживание будут предоставляться за общественный счет *всему* населению страны, и в таких здравницах будут проживать не отдыхающие лишь отпускники, а вся рабочая армия страны.

Совокупность таких жилых здравниц в качестве первичных коммун потребительского типа — в сочетании со всеми детскими коммунально-бытовыми и культурными учреждениями, обслуживающими население, и тем производственным



Такими представляют себе проектировщики

комбинатом, рабочий коллектив которого живет в этих коммунах-здравницах,— образует уже гораздо более сложную, но целостную — большую *производственно-потребительскую коммуну.*

Возможно, что для каждой бытовой коммуны потребуется целый комплекс обслуживающих ее коллективов или подсобных трудовых коммун — учебного, лечебного, пищевого и прочих назначений. И тогда такие комплексные коммуны в больших городах образуют собою целые микрорайоны, население которых сможет удовлетворить все свои повседневные бытовые и культурные нужды, не выходя за границы такой микрорайонной комплексной коммуны.

Такие строительные комплексы, в предвидении будущего, уже ныне проектируют и строят в нашей столице лучшие советские архитекторы. Они заботливо предусматривают такое расположение жилых, дошкольных и школьных помещений, внутренних дворов и скверов микрорайона, при котором все население его вовсе ограждено от опасностей городского автомобильного движения. Отдельные корпуса и массивы такого комплекса, соединенные крытыми переходами, позволяют детям и зимой и летом попасть из дома в школу или ясли и обратно в любую погоду без всяких приключений.

В мелких городах и селениях, очевидно, не потребуется столь сложных строительных конструкций. Но рассыпной строй крестьянских домишек или даже односемейных коттеджей малопригоден для будущих сельских коммун, когда они станут крупными фабриками зерна и мяса с первичной переработкой всех продуктов земли в продукты сахарной, кон-

наши села в недалеком будущем.

сервной и пищевой промышленности. Современные колхозы уже ныне начинают укрупняться и перестраиваться по городскому типу. А Фридрих Энгельс еще в прошлом столетии предвидел в «Принципах коммунизма» для таких агрогородов «сооружение больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков»[1].

Велики ли будут эти дворцы-коммуны? Некоторые экономисты проектируют их в слишком больших масштабах — до 10 тысяч жителей в каждой. Возможно, что и такие потребуются для крупнейших трудовых коллективов страны. Но средний размер советских предприятий не достигает пока по числу работников и тысячи человек. А с ростом автоматики производства она, даже умножая продукцию, едва ли потребует заметного расширения штатов. При этих условиях типичная бытовая коммуна будет вмещать, включая детей, стариков и обслуживающий ее персонал, не свыше 2000—2500 душ. В небольших городах, примерно до 30 тысяч жителей, таких бытовых коммун потребовалось бы не более пятнадцати. Проектируя жилые дома в 3—4 этажа, объемом до 250 тысяч кубических метров, каждой из них можно было бы выделить участок под дома и сад до 7,5 гектара, и все же такой город, включая и заводы и коммунальные учрежде-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 475.

ния — электростанцию, теплоцентраль, фабрику-кухню, хлебозавод, радиоузел, библиотеку, высшее учебное заведение на 3 тысячи студентов, до пятнадцати школ-интернатов на 6 тысяч учащихся, больницу, универмаг, театр, клуб и стадион, а также улицы и бульвары,— занял бы площадь не свыше 300 гектаров, из которых половина ушла бы под зеленые насаждения. В таком городе, площадью до 3 квадратных километров, любое расстояние от окраины до центра пешеход преодолевал бы за 10 минут. Значит, не потребовалось бы ни метро, ни троллейбуса, ни даже лифтов для подъема в «стратосферу», как это практикуется в американских небоскребах. Все много проще и доступнее.

В каждом дворце-коммуне с жилой площадью до 40 тысяч квадратных метров можно было бы разместить в нижнем этаже все служебные помещения, бюро обслуживания, здравпункт, почтовое отделение, парикмахерскую, прачечную, а в остальных — все население коммуны. Скажем, на втором этаже в одном крыле размещаются детские апартаменты, в другом — старики, нуждающиеся в уходе, и обслуживающий их персонал, на третьем этаже — квартиры в две-три комнаты для семейных, на четвертом — отдельные комнаты для каждого из взрослой рабочей молодежи и студентов. По имеющимся расчетам, уже лет через двадцать можно было бы обеспечить каждого жилой площадью в 16—18 квадратных метров, не считая общих столовых, читален и других помещений в каждом этаже — для детских игр, музыкальных и хоровых кружков и других видов художественной и спортивной самодеятельности. В каждом из жилых этажей для этой цели может быть предоставлено от 800 до 1000 квадратных метров площади — вполне достаточно для десятков просторных и светлых залов и кабинетов.

Такой дворец-коммуну можно, разумеется, спланировать и разбив его на ряд секций или корпусов, соединенных между собой крытыми галереями с внутренним между ними садом, спортплощадкой и даже плавательным бассейном для пловцов и зимнего спорта на льду. На площади в 7,5—8 гектаров для всего места хватит. Разные варианты таких архитектурных комплексов и ансамблей грядущего уже ныне проектируют прогрессивные советские архитекторы. И только весьма ограниченные строительные возможности нынешних дней мешают им развернуть шире эти творческие проектировки.

К счастью, теперь никто не мыслит уже будущих бытовых коммун в виде злосчастных общежитий с общими кухнями и вечной склокой замученных в них жен и матерей. Коммуна должна удовлетворять потребность в *радостях* товарищеского общения, а не давать лишний повод к взаимному озлоблению и нервному перенапряжению живущих вместе.

Усталому человеку прежде всего нужен спокойный отдых, без чужих людей, в своей семье или даже совсем одному. Хорошо побыть одному, без помехи, когда о чем-либо глубоко задумаешься или когда увлечен интересной творческой работой. Неплохо иной раз забыться и в молчаливом «одиночестве» вдвоем любящей брачной паре. Вдвоем с сердечным другом, как говорят, и дорога короче, и отдых полнее. Вот почему каждый труженик жаждет располагать особой комнатой, а семья — хоть небольшой, но изолированной квартирой. Но слишком длительный отрыв от других людей становится уже тягостным, ибо сами по себе все люди весьма общительны. И, хорошо отдохнув, с приливом новой энергии здоровые люди уже сами ищут общения с другими на почве общих интересов и симпатий, а также общих влечений к тем или иным видам коллективной самодеятельности. А дворец-коммуна как раз обеспечит им своими палатами личного и общественного назначения не только необходимое уединение в любое время, но и все возможности широкого, свободного и активного общения всех своих сочленов.

Такой повседневный контакт их после работы осуществим за каждым обедом и ужином в общих столовых. Возможно, что кое-кто из семейных коммунаров пожелает получать готовый обед к себе на квартиру или даже сам его готовить на своей плите, по собственному вкусу. Но несомненно, что огромное большинство не захочет тратить на это лишнего времени и предпочтет встречу друзей и обмен новостями в непринужденной беседе за общим столом коммунаров. Еще больше возможностей товарищеского сближения представят частые встречи в общих помещениях различных кружков дворца-коммуны: научных и литературных, музыкальных и танцевальных, спортивных и всяких иных. Если учесть еще ту основную трудовую спайку, какую все взрослое население дворца-коммуны получает на обслуживаемом им производстве, то станет ясно, какие многообразные связи объединят такие бытовые

и трудовые коммуны в единый производственно-потребительский и общественный коллектив.

При всем разнообразии индивидуальных устремлений и талантов отдельных членов такого коллектива, он все же будет представлять собою единый хозяйственный и социальный организм, способный к крепкой взаимной поддержке и живому чувству дружеского локтя во всех случаях, когда этого требуют общие интересы и общая опасность всего коллектива. И в этом лучший залог развития тех принципов сотрудничества и моральных устоев, на которых строится все коммунистическое общество.

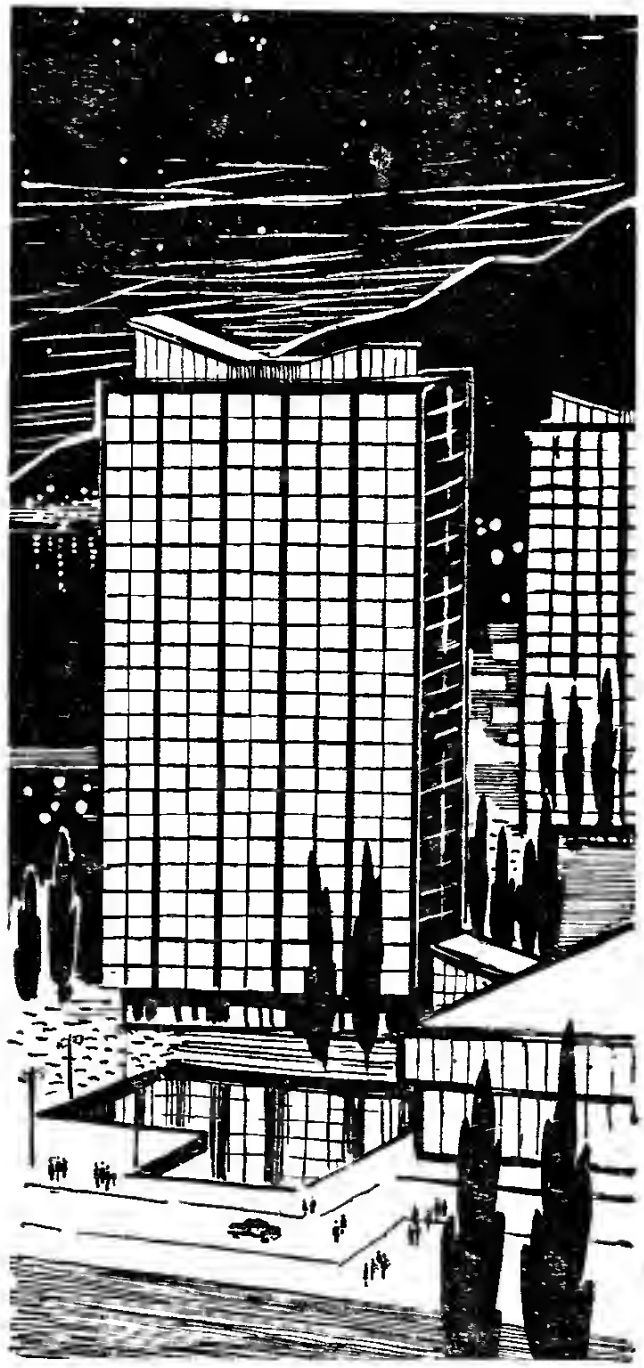
Бытовые коммуны — существенный элемент этого строительства. Но, естественно, возникает вопрос: не рано ли нам еще думать о бытовых коммунах и широкой перестройке рабочего быта на новых началах до тех пор, пока не решен еще целый ряд других, более насущных проблем, и прежде всего не изжита еще одна из самых насущных — жилищная нужда? Лишь для того, чтобы, изживая ее, обеспечить население жильем по самой скромной санитарной норме, нам, как известно, потребуется еще не менее десятка лет и сотни миллиардов вложений.

Вполне приемлемая бытовая коммуна, даже без всяких излишеств, потребовала бы на 2—2,5 тысячи человек по нынешним ценам до 5 миллионов рублей вложений. А на все население Советского Союза пришлось бы истратить до 500 миллиардов рублей. И потому даже через 15 лет, когда мы будем раз в пять богаче и давно обгоним США, на такую программу бытового строительства потребуется затратить от 5 до 10 лет. Значит, бытовые коммуны — это проблема не сегодняшнего или завтрашнего дня.

Но в плановом хозяйстве приходится рассчитывать на десятки лет вперед. И если в ближайшие годы мы настроим много жилья без оглядки на грядущие потребности коммунистического быта, то через пятнадцать-двадцать лет нам придется дорого расплачиваться за свою непредусмотрительность. Ведь мы строим не времянки, а дома на сотни лет. И если наши архитекторы не учтут этих потребностей, то многие из их творений придется разрушать и перестраивать. К тому же, если мы еще не готовы к массовому внедрению коллективных форм быта, то в отдельных опытах в этом направлении имеется уже вполне назревшая потребность. То время, когда

у нас лишь в отсталой деревне возникали из рядов бедноты первые наши коммуны, полуграмотные и полунищие, и, возникнув, тут же разваливались во враждебном кулацком окружении, давно уже миновало. Теперь и культуры у нас прибавилось, и богаче наша страна с тех пор раз в двадцать стала, и окружение ныне совсем не то. И в авангарде движения коммунаров вместо сотен деревенских ячеек мы насчитываем уже в одних лишь городах сотни тысяч бригад и смен коммунистического труда, а в них миллионы рабочих, техников и инженеров, готовых не только работать, но и *жить* по-коммунистически. Есть такие коллективы и в деревне, но их пока маловато, хотя многие и многие передовики колхозов и совхозов практически доказывают, что могут трудиться и жить по-коммунистически. Видимо, пора и в деревне шире развернуть соревнование за почетное звание сельскохозяйственных коллективов коммунистического труда и быта. Присвоение этого звания передовым артелям — таким известным своими успехами в производстве и улучшении быта колхозников, как «Красный Октябрь» Кировской области, «Маяк коммунизма» Ставропольского края и многие другие, — могло бы существенно ускорить общественное благоустройство труда и быта деревни и наглядное коммунистическое воспитание ее кадров, стало бы основой, на которой со временем возникнут настоящие коммуны. Коммуны, которые станут ячейками грядущего коммунизма.

Строительство коммунизма стало практическим делом миллионов советских людей. «Коммунизм строится,— как сказано уже Н. С. Хрущевым,— трудом ученого в его кабинете или лаборатории, рабочего на заводе, трудом доярки на ферме и тракториста в поле. Каждый советский человек на своем участке должен доблестно выполнять порученное дело и тем самым ускорять продвижение нашей страны к коммунизму». Это относится, конечно, и ко всем архитекторам, планировщикам новых городов и строителям новых жилищно-коммунальных микрорайонов и комплексов. Но особенно важно и ценно было бы уже теперь учитывать растущую у нас потребность жить по-коммунистически в таких малонаселенных и малообжитых еще районах, как Сибирь и весь наш Восток, куда в ближайшие годы потребуется привлечь на новостройки значительные массы квалифицированных и передовых рабочих. Туда привлекают пока кое-кого «длинным рублем». Но это да-



Высокие здания из стекла и бетона, окруженные кипарисами... Что это? Здравница, к строительству которой приступают - на побережье Черного моря.

леко не лучший способ создавать здоровые передовые кадры. И может быть, гораздо разумнее было бы вместо повышенных *индивидуальных ставок* создавать здесь в порядке опыта, где-нибудь на Ангаре или Енисее, *повышенные условия* коллективного труда и быта, строя для этого первые образцовые новые города и дома-коммуны и привлекая в них ту рабочую молодежь, которая уже сегодня горит желанием жить по-коммунистически.

Не подлежит сомнению, что их опыт оказался бы полезным для всей страны. Ведь по образцу и типовым проектам таких бытовых коммун, пользуясь государственным кредитом и собственным трудом в свободные часы и дни укороченной рабочей недели, со временем коммуны все чаще стали бы строиться и по собственному почину передовых рабочих коллективов повсюду, где для этого созреют материальные предпосылки.

Само собой понятно, что никого и нигде при этом не придется привлекать в грядущие коммуны *против* их желания. Коммуна всегда будет добровольным сообществом единомышленников и друзей, готовых к сотрудничеству и взаимной поддержке. Все индивидуалисты по призванию и воспитанию, а также прирожденные мизантропы-затворники и отшельники смогут при желании и впредь оставаться вне коммуны, на положении единоличников, отказываясь от всех бытовых преимуществ коммуны и сохраняя за собой полную свободу самообслуживания, свою индивидуальную кухню и полную на ней автономию собственноручно жарить себе яичницу и жить бирюками, по своему собственному вкусу. Но преимущества коллективного быта, все возрастая с приближением к условиям полного коммунизма, будут так велики, что отказываться от них даже среди бирюков слишком мало найдется охотников. А с другой стороны, и коммунары не каждого бирюка охотно примут в свою среду. И во всяком случае, никакой порчи нравов и морального разложения, никакой склоки, хмельного разгула, словесного хамства и хулиганства и любых иных пережитков того уклада, в котором человек человеку — волк, в своей среде не потерпят. А между тем всякое даже временное изгнание из бытовой коммуны за подобные художества отдельных ее членов будет для них столь чувствительным и моральным, и материальным воздействием, что уже само по себе окажется одним из сильнейших средств коммунистического воспитания.

В том, что *производственный* коллектив, спаянный общей повседневной работой и общими интересами в единую дружную рабочую семью, сможет выполнить и воспитательную функцию, не может быть сомнения. Отработав свою, скажем, четырехчасовую норму необходимого труда, диктуемого общенародными планами из центра и местными нуждами автономной коммуны, все ее члены займутся самыми различными видами свободной творческой самодеятельности и культурного отдыха. Но завтра они снова встретятся за общей заводской работой, необходимой для повседневных мелких и больших нужд, и снова почувствуют свое единство в общем стремлении, преодолев эти нужды, подняться из царства необходимости в царство свободы и подлинного гуманизма.

Процесс очеловечения обезьяны, о котором писал Энгельс, не кончается превращением ее в вульгарного себялюбца бур-

жуа-мещанина. Чтобы завершить этот процесс, человек должен подняться над мещанином еще намного выше, чем мещанин поднялся над обезьяной. Подлинный полноценный человек выше всего ценит и развивает в себе и окружающей его среде *творческие* зачатки и возможности человеческой личности. Но лишь в условиях коммунизма эти человеческие достоинства найдут общее признание и новую меру своего развития *в каждом человеке,* независимо от его пола, расы и цвета кожи, ибо только коммунизм является высшей формой подлинного гуманизма.

Свободное творчество возможно в полной мере лишь при наличии всех других гражданских свобод. Но адвокаты буржуазии проявляют верх лицемерия, именуя свой, капиталистический мир «свободным». В этом мире монополией свободы пользуется лишь ничтожная верхушка буржуазии. И в ее руках эта монополия прежде всего становится *свободой эксплуатации* труда подавляющего большинства сограждан в каждой стране. Буржуазия бахвалится свободой собраний, слова и печати в лагере стран капитализма. Но разве национальному герою Греции демократу Манолису Глезосу военный трибунал не угрожал смертной казнью за мнимую встречу и мнимый разговор в доме своей сестры с одним из членов запрещенной там партии коммунистов? Таковы свобода собраний (двух человек в четырех стенах!) и свобода слова (в разговоре без свидетелей) в этой стране. Впрочем, и сам председатель этого трибунала разъяснил, что ему «даже мысли могут быть подсудны». Значит, и свобода мысли признается запретной в этой «демократии». И не только в ней. И деятельность пресловутого ФБР в США, и преследования антифашистов во многих других странах свидетельствуют о том же.

В странах социализма нет буржуазии. Трудящимся ныне предоставлены здесь полностью все виды политической свободы. На ограничение ее могут пожаловаться разве лишь те охвостья посрамленной контрреволюции и зарубежных шпионов-диверсантов, которые сами являются злейшими врагами свободы трудящихся. Но до тех пор, пока во всем мире не изжиты классовые противоречия и государственный аппарат принуждения того или иного класса, такие ограничения неизбежны. И если иметь в виду требования полнейшей свободы творчества во всех областях жизнедеятельности, то

придется сказать вместе с Лениным: «Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной»[1]. Но, говоря строго, можно к этому добавить: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства»[2]. Иными словами, можно предвидеть, что полную свободу духовного творчества обеспечат нам лишь условия полного коммунизма.

В условиях коммунистического труда польются полным потоком изобилия не только материальные блага, но и плоды свободного духовного творчества и мастерства. В каждом заводском коллективе и в каждой отдельной здравнице-коммуне, благодаря краткому рабочему дню найдется немало замечательных мастеров и ценителей искусства. Не все из их произведений найдет себе место на всенародных фестивалях и выставках, в столичных музеях и картинных галереях. Но тем больше из них останется для украшения периферийных коммун, на каждой их площади, в садах и скверах, в каждой здравнице, школе и клубе, на каждом заводе. Свободная самодеятельность мастеров и любителей искусства прославит всех своих героев труда и украсит свои жилища и храмы науки и труда.

Каждый завод станет очагом культуры. Многие из них уже ныне становятся заводами-институтами, обрастают экспериментальными базами и испытательными стендами. Профсоюзный актив, выполняя важнейшую свою миссию, организует в их стенах школы коммунизма. А со временем местная самодеятельность украсит их и своими произведениями искусства. Каждый завод будет окружен плодовыми, декоративными и цветочными насаждениями. На стенах рабочих цехов появятся ряды картин родной природы и рабочего быта. Под ними возникнут скульптурные портреты местных новаторов производства и наиболее чтимых людей страны. Над автоматическими линиями станков, повышая трудовой тонус операторов и наладчиков в ночной смене, зажгутся лампы дневного света. Приглушенные ритмы труда оживятся ритмами музыкального их сопровождения. Чистый кондиционированный воздух даже в горячих цехах, обогащенный озоном, как после грозы в бору, умерит адский печной жар, рассеет

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 441.
[2] Там же, стр. 436.

чад и угар свежей прохладой и напоит каждую грудь неиссякаемым притоком энергии. Понятно, что в такой обстановке всякий труд станет лишь привлекательнее и производительнее. И, представляя себе этот грядущий коммунистический труд, мы уже ныне готовы его встретить сердечным приветствием:

— Слава труду!

РАЗДУМЬЯ О СЕМЬЕ И БРАКЕ

Семью можно рассматривать как самый элементарный коллектив, ячейку или молекулу, из которых складывается современное общество. Семья — это наиболее естественный первичный союз, спаянный узами личных влечений и кровного родства, общим хозяйством и длительными заботами о воспитании детей. В основу семейных связей заложены только мощные глубинные инстинкты, отвечающие основной задаче сохранения и дальнейшего воспроизводства всего человеческого рода, но на этой целинной почве поднимаются со временем такие социальные всходы, как непринужденное сотрудничество и взаимопомощь всех членов семьи, как невольное их преклонение перед организующим разумом старших и покоряющей красотой цветущей юности и как сама увенчанная всеми цветами и песнями, готовая на любые жертвы и подвиги, вдохновенная и все возвышающая юная любовь.

Институт семьи, со всеми его приметами,— это как раз та важнейшая особенность, какая отличает общество от орды или стада и возвышает его над всеми отрядами животного царства. Институт этот, однако, имеет свою историю. Его начало теряется в дебрях первобытно-общинного строя, где небольшой род мало отличался от большой семьи или древнеславянской «задруги». В дальнейшем, с ростом производительных сил общества и сокращением затрат, необходимых для воспроизводства новых поколений, семья, как хозяйственная ячейка, все больше дробится с выделением новых семей и сокращением числа образующих ее членов. Меняется и ее структура от наименее устойчивых форм многомужества и

многоженства к наиболее элементарной и экономной форме *парного* брака.

В этой форме семья пережила ряд сменяющихся ступеней. На первой из них сохраняются еще остатки родового строя и материнского права. На матерей ложилось все бремя хозяйственных забот о семье, но вместе с тем и преобладающая роль в семье и в распоряжении родовым имуществом, которое наследовалось по женской линии. С развитием частной собственности, уже в эпоху кочевого скотоводства, очень сильно возрастает в семейном разделении труда роль мужчины, пасущего все возрастающее стадо. Добыча древнейшего воина-охотника, в виде скоропортящихся съестных продуктов, не могла стать объектом частного присвоения и накопления. Ее нельзя было долго хранить, и она обычно шла в переработке жен и матерей в потребление всей родовой общине. Но с появлением нового источника пищи и возрастанием богатств, пасомых мужем, он захватил бразды правления и в домашнем, семейном быту. Собственник этих богатств, пастух, является родоначальником уже новой, патриархальной семьи и патриархального быта, с наследованием имущества по мужской линии и все более *бесправным* положением жен в семье. В дальнейшем равитии частной собственности и имущественного неравенства в классовом обществе возрастает и неравенство сторон в индивидуальном браке, со всеми противоречиями, вытекающими из такого неравенства.

В обществе, основой которого стала частная собственность и все расценивается на деньги, в том числе и женская любовь, моногамия, то есть единобрачие, не исключает отношения мужей и к своим женам, как к своей монопольной частной собственности. Браки давно уж в буржуазной среде заключаются лишь по расчету. И истинную, бескорыстную любовь можно встретить разве только в пролетарских, рабочих семьях. Там, где их еще не задушила нужда и не коснулась язва буржуазного перерождения, таким любящим парам не с кем делить и мельчить свои лучшие чувства, и брачные союзы их становятся крепче, надежнее и устойчивее, чем в любой иной среде.

В буржуазной среде мы все чаще наблюдаем глубокое разложение семейных нравов. Браки заключаются, но целью их становится не рождение и воспитание детей, а всякие иные «деловые» соображения. А потому число абортов значительно

обгоняет число рождений. «Деловые соображения» не могут заменить любовь. Брачная жизнь становится слишком пресной, и в поисках более острых ощущений супруги обращаются к адюльтеру, буржуазная литература и искусство расцвечивают прелести блуда всеми средствами порнографии, мужья заводят себе «шикарных» содержанок, жены меняют, как перчатки, «пылких» любовников. Но весь этот купленный шик и пыл, как и всякий иной поддельный товар, быстро бракуется, теряет всякую цену, и подлинной семьи ни в браке, ни вне брака не получается.

В Японии, как известно, разрешаются браки и на срок, скажем, на год. Проходит год. Родится ребенок. И осчастливленный отец, бросая и мать и ребенка на произвол судьбы, свободен для новых приключений. В этом случае извращение задач брачного союза становится совершенно очевидным. Но и там, где формально браки бессрочны, они все чаще становятся весьма краткосрочными. Так, например, в США на каждую сотню браков ежегодно насчитывается уже до 26 разводов, причем средний срок таких неудавшихся брачных союзов, по данным статистики, не превышает 6,4 года, в том числе до сотни тысяч таких браков длятся не свыше *одного года* или даже нескольких месяцев. Ясно, что судьбы детей в таких разбитых семьях весьма гадательны. Но еще печальнее судьбы тех детей, которые рождаются вовсе вне брака, без отца и крепкой мужской поддержки. А между тем число внебрачных рождений растет, удваиваясь через каждые пятнадцать лет, и к 1958 году превышало уже в США 209 тысяч за год.

Не трудно понять, что больше всего содействует этой порче нравов в буржуазном обществе с его кричащими противоречиями, где на одном полюсе господствует пресыщенная всеми благами праздность, а на другом — неустанный труд и безрадостная, скупая и серая жизнь. Здесь всем торгуют, все становится продажным, даже честь и совесть. Но трудно было бы требовать, чтобы наибольшую моральную стойкость в таком торге оказывала слабейшая сторона. А тот, кто *покупает* чужую честь, во всяком случае, не может претендовать, если такая продажная честь окажется с изъяном. Тем более, что, покушаясь на чужую честь, каждый уже тем самым свидетельствует о полном ее отсутствии в собственном распоряжении.

Всего ярче вырождение буржуазной семьи, однако, сказывается в том, что она проявляет все меньше склонности выполнять основную свою задачу — рожать детей. Эта функция все больше затрудняет дам «большого света», портит цвет лица, фигуру и прочие женские прелести, и эти дамы наперекор природе принимают всевозможные предосторожности и рецепты неомальтузианской кухни, чтобы только как можно меньше родить детей. В связи с этим в большинстве буржуазных стран давно уже отмечается заметное падение рождаемости. И если б эта дань мальтузианству вырождающейся буржуазии не возмещалась повышенной рождаемостью в рабочей среде, то разложение семьи в буржуазных сферах стало бы еще нагляднее и очевиднее.

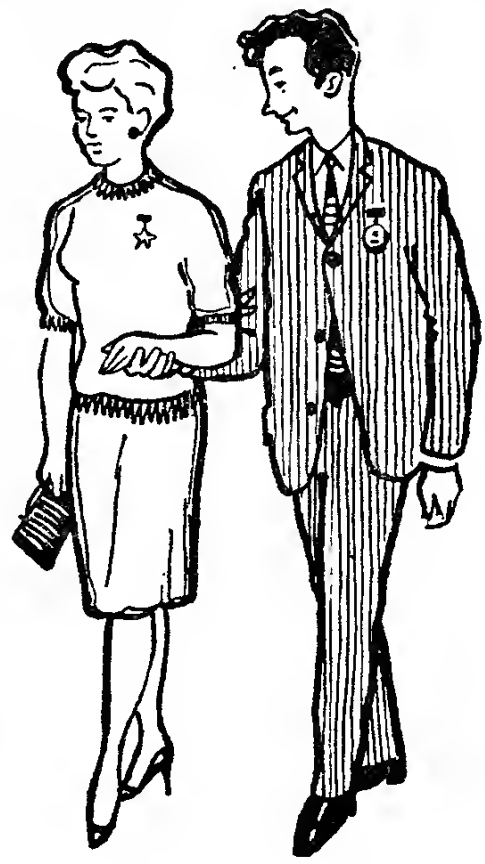
Таким образом, можно сказать, что в борьбе социальных инстинктов сохранения рода с индивидуалистической распущенностью семейных нравов буржуазного общества проявляется вполне определенная тенденция. Это падение нравов тем глубже, чем выше поднимается над общим уровнем ничем не сдерживаемая в своих вожделениях командная верхушка общества. А вместе с тем и рождаемость на разных уровнях благосостояния там, где господствует буржуазия, изменяется в обратной пропорции к этому уровню.

Что же меняется в этом отношении в условиях социализма и коммунизма?

Прежде всего в этих условиях, конечно, исчезает сама буржуазия. А вместе с ней и та глубокая пропасть, какая отделяла доныне верхушку общественной пирамиды от ее основания. В СССР нет уже ни праздной буржуазии, ни лишенной работы резервной армии пролетариата. И сама лик-

видация этих крайностей богатства и нищеты вносит серьезное оздоровление в семейные нравы и условия рабочего быта. Женщинам за равный труд обеспечено везде равное с мужчинами вознаграждение, почет и уважение. Они все больше высвобождаются от кухонного рабства и неблагодарной роли не то неполноценных иждивенцев в семье, не то домашней прислуги. Муж и жена в советских условиях — и у станков на заводе, и в колхозной бригаде, и в домашнем быту — везде чувствуют себя равноправными и равноценными членами общества. А если где-нибудь, в порядке пережитков прошлого, кто-нибудь об этом забудет, то ему тотчас же легко и просто о том напомнить. Брак по расчету в этих условиях становится все более редким явлением, а мир и любовь в семье — все более обычной нормой.

Это, между прочим, сказывается и в том, что брак в СССР заключается в более ранние годы и чаще, а разводы реже, чем в капиталистических странах, что рождаемость в условиях социализма много выше, чем на буржуазном Западе. Например, число зарегистрированных браков на 1000 душ населения в СССР достигало к 1960 году 12,1, в то время как в США оно не превышало 8,5, в Англии — 7,5 во Франции — 7,0, а число разводов в СССР не превышало 10,8 на 100 браков, в США же оно достигало 26, то есть было раза в два выше на каждую сотню браков, чем в СССР. Не менее показательной приметой оздоровления семейных нравов в СССР является и такой простой факт. Как всем известно, вместе с буржуазией из СССР бесследно исчезли и все дома терпимости и прочие притоны разврата, и сама проституция, как узаконенный промысел, и все массовые венерические болезни — эти неразлучные спутники капитализма и милитаризма.



Но особый интерес представляют дальнейшие судьбы семьи с продвижением от социализма к коммунизму. Каждый социальный уклад определяет свои особые черты в развитии семьи и особые законы народонаселения. Но в первой фазе коммунизма — в условиях социализма — эти закономерности не могли еще найти себе полного выражения. Тем интереснее те важнейшие тенденции, какие уже ныне могут быть подмечены в этой области, в той или иной мере предрешая и наше ближайшее будущее.

Важнейшими из них на протяжении всего периода социалистического строительства в СССР являются такие неоспоримые факты, как неуклонный рост благосостояния и связанное с ним резкое сокращение смертности в Советском Союзе. Общеизвестно, что народный доход из расчета на душу вырос здесь с 1913 по 1960 год в 17 раз, а смертность сократилась в четыре с лишним раза. Это огромный скачок, благодаря которому смертность в СССР — 7,1 на 1000 душ — уже теперь ниже, чем в любой из богатейших стран капитализма[1]. И конечно, с дальнейшим ростом изобилия и профилактических забот о народном здоровье на путях к коммунизму эта тенденция к снижению смертности — и общей и в особенности детской — сохранит все свое действие. Но из этой тенденции совершенно закономерно вытекает и другая. Сокращение смертности во всех возрастах влечет за собою рост как общей продолжительности жизни всех трудящихся, так и длительности ее в трудоспособном и брачном возрастах. В частности, в пределах СССР средняя продолжительность жизни исчислялась к 1897 году всего в 32 года, к 1927 — в 44, к 1939 году — в 47 и к 1959 — уже 69 лет.

Ясно, что такой огромный скачок в оздоровлении жизни нашей страны не мог не сказаться весьма существенными сдвигами и на возрастной структуре советской рабочей семьи, и на показателях рождаемости в новых условиях труда и быта. В 1913 году на 100 рождений в царской России насчитывалось всего 2128 душ населения всех возрастов, а к 1960 году в условиях социалистического быта — уже свыше 4 тысяч.

---

[1] Для сравнения напомним, что в США за тот же период времени национальный доход на душу поднялся всего на 94 процента, а смертность упала лишь на 29 процентов (« Народное хозяйство СССР в 1960 году». М., 1961, стр. 60, 169, 202).

Реально это означает, что в новых условиях удельный вес старших возрастов в семье возрос почти вдвое по сравнению с дореволюционной эпохой. Семья становится беднее иждевенцами, но богаче взрослыми, работоспособными членами, в том числе женихами и невестами. Именно поэтому такая семья раньше дробится, выделяя из себя все новые экономически самостоятельные семьи. Это требование экономической независимости, как предварительное условие возможности образования новой семьи, и приводило к необходимости образования на низких уровнях производительных сил больших, патриархальных семей. И если даже отвлечься от времен древнейшей «задруги» с десятками членов большой семьи, то и в не столь отдаленную Петровскую эпоху (1720-е годы) крестьянская семья феодальной русской деревни насчитывала в среднем до 9,5 души обоего пола. В эпоху капитализма, по переписи 1897 года, средняя семья в России сократилась уже на селе до 5,9, а в рабочей среде — до 4,7 души.

В капиталистических США среднее число членов на одну семью еще в 1890 году по всем типам хозяйства не превышало 4,9 души, а к 1956 году, в условиях империализма, число членов семьи (за исключением бессемейных одиночек) сократилось уже до 3,4 души на семью (двор), в городах же семьи оказались еще меньшими. При этом значительное число женщин брачного возраста в США остаются вовсе бездетными, в 1956 году их было не менее 19 процентов даже в возрасте от 45 до 50 лет. А детей у всех матерей старше 45 лет оказалось не более 2,7 на семью. Таким образом, эти американки не слишком себя утруждают, даря за весь брачный период в 25—30 лет своей стране новых сограждан не чаще, чем однажды за целое десятилетие[1]. Такие же тенденции к сокращению размеров семьи и числа обременяющих ее детей представляют собой довольно общее явление во всех развитых капиталистических странах. И объясняются они не только порчей буржуазных нравов.

В частности, и в СССР, по данным последних лет, среднее число членов в семье не превышает уже 3,7 души. И важнейшей причиной такого дробления старой большой семьи в условиях социализма надо считать новые общественные

[1] «Statical Abstract of the United States». 1957, стр. 41, 45, 47.

отношения в труде и производстве. Женщина здесь становится все менее зависимой экономически от заработков отца и мужа и, стремясь наравне с мужчиной к повышению уровня культуры, все более тяготится тем кухонным чадом и грязными пеленками, которыми ограничивал весь ее кругозор старый быт. От обязанностей кухарки и няньки ее все более отвлекают гораздо более привлекательные производственный труд и культурная деятельность. Идти под начало в мужнюю семью к свекрови и взять на себя дополнительные заботы еще и о других, чужих ей людях, юные невестки отнюдь не стремятся. Двум хозяйкам у одной печки вообще тесно, и каждая из них сама хочет в собственной семье после работы чувствовать себя полной хозяйкой. Отсюда и неизбежное дробление семьи.

Как только женщина выходит из примитивной обстановки индивидуального крестьянского хозяйства, где сама власть земли требует семейной кооперации и общего напряжения трудовых ресурсов всей семьи, она сразу же целиком освобождается от тягостных уз этой кооперации. С переходом в колхоз или в город, на завод, из индивидуального в общественное производство, женщина-работница получает вместе с личным заработком полную возможность располагать своей судьбой. И, свивая себе собственное гнездышко, самостоятельные молодожены избегают и таких нередких еще угроз семейному благополучию, как ревность свекрови или строптивость тещи. Семья становится теснее и — без лишней семейной склоки и мелких дрязг — дружнее.

Особенно заметно в советских условиях облегчается судьба работницы-женщины. Она может работать на одном заводе, муж — на другом, питаться обоим можно в общественной столовой, а детей воспитывать в яслях, детских садах, школах-интернатах. Почти никакой дополнительной *хозяйственной* нагрузки в таком быту от женщин по сравнению с мужчинами не потребуется. И тем больше времени остается у них для труда, для культурного роста, для семейных радостей.

Любовь, как важнейшая спайка будущей коммунистической семьи, уже ныне становится все более свободной, то есть не продажной и не принужденной никакими внешними соображениями, расчетами и обстоятельствами. Но коммунисты никогда не смешивали свободу любви с половой распущенностью буржуазных нравов. Те, кто готов хоть каждый день переходить из одних объятий в другие, достойны сожаления,

ибо они вовсе не знают, какое это глубокое и захватывающее чувство взаимного тяготения двух сердец — любовь. Она исключительна и неделима. Красавицы, которым нравится водить за собой целый хвост вздыхателей, не любят ни одного из них. Донжуаны, готовые соблазнить целый гарем поклонниц, вовсе не стоят их любви. Для стоящей любви не требуется больше двух партнеров. Но и брачная пара без любви — это только узаконенный разврат.

Правда, наши писатели очень охотно обыгрывают в своих романах разные варианты темы о любви в «треугольнике». Два героя любят одну героиню, но один из них, кроме своей жены, еще больше любит свою основную общественную работу, и жена уходит от него к другому, который больше уделяет ей внимания. В другом варианте две героини и один герой, мечущийся между ними. Жену свою он уже разлюбил и любит другую, но бросить жену жалко, а детей — еще труднее, и новая, крепкая и достойная любовь трагически обрывается. Все такие тяжелые конфликты и коллизии между деятельной индивидуальной любовью и служением обществу или между любовью к женщине и заботой о судьбах ни в чем не повинных детей в современных нам условиях весьма вероятны и не могут быть сброшены со счета. Но все же это не норма, а только случайные от нее отклонения. И в условиях коммунизма найдутся способы примирить интересы семьи и общества. Во всяком случае, придется обезопасить от таких конфликтов судьбы всех детей — и брачных и внебрачных, и милых, и постылых, — в особенности же «постылых».

Однако все такие возможности на сегодняшний день, в условиях социализма, еще крайне ограниченны. Учреждений общественного воспитания еще мало. Предприятий общественного питания тоже недостаточно. А главное, и по цене и по качеству это питание оставляет желать еще многого. И потому в полной мере войдут в рабочий быт такие ростки коммунизма, как общественное питание и воспитание детей, а вместе с ними и новый все более радостный семейный уклад, лишь как элементы построения самого коммунизма. Эти ростки, впрочем, у нас уже налицо. И нет никакой загадки в том, как они будут развиваться.

Семья будет жить и станет еще тесней и дружней с победой коммунизма.

ДЕТИ И СТАРИКИ КОММУНЫ

Детей необходимо не только родить здоровыми и крепкими, но и воспитывать достойными членами того общества, в котором им предстоит жить и строить свою судьбу. И если первая задача целиком ложится на семью, то вторую может гораздо успешнее выполнить само коммунистическое общество.

Эгоизм, вытекающий из глубин инстинкта самосохранения каждого индивида, — это неистребимое и в известных границах — пока он не мешает еще более глубинным, *социальным* инстинктам сохранения всего человеческого рода — весьма полезное приспособление к наличным условиям существования. Брачный союз, если его крепит любовь, — это уже эгоизм вдвоем. Рождение желанных детей расширяет этот семейный эгоизм и за рамки брачной пары. Но даже в пределах столь узкого коллектива, как самая тесная и дружная семья, назревают противоречия интересов, в которых и чрезмерная родительская любовь к детям угрожает им порой прямой гибелью. В качестве наглядного примера сошлемся на такой действительный случай. В одной интеллигентой семье появилась вдруг страшная гостья — проказа. И муж и жена оказались при осмотре уже основательно задетыми этой губительной болезнью, а их единственный ребенок еще здоровым. Супругов необходимо было изолировать в лепрозории, а ребенка передать в детский дом на воспитание. Но любящие родители категорически отказались расстаться со своим ребенком с такой классической мотивировкой:

— Это наша единственная и последняя радость!

Можно как угодно высоко расценивать родительские права и чувства, но нельзя приносить им в жертву судьбы самого юного и беззащитного поколения — детей нашей страны. Мы отвергаем те старые традиции, по которым мужья — своих жен, а родители — детей рассматривают как свою частную собственность, распоряжение которой никем не может быть ограничено. Каждый ребенок уже с того момента, как только вместе с пуповиной порвалась его связь с материнским сердцем, становится сам субъектом, а не объектом чьих-либо на него прав. Ребенок не игрушка и не забава для взрослых членов семьи. В нашей стране перед ним встанут еще задачи строительства коммунизма. И это ко многому обязывает. Всю

ответственность за судьбу этого нового члена общества и прежде всего за его воспитание как человека и гражданина может взять на себя только само общество, возлагая на семью лишь те функции в этом отношении, которые без вреда для детей могут быть ей вполне доверены.

Задачи воспитания не всякому по плечу. Для успеха в этом деле требуются особые задатки и специальная педагогическая подготовка. И разумеется, далеко не во всякой семье можно встретить таких одаренных педагогов и воспитательниц. К тому же огромное большинство родителей все свое рабочее время занято другими делами, уделяя детям лишь немногие минуты после работы. Нервируя детей и раздражаясь сами без нужды по поводу каждого их каприза в эти минуты, они оставляют их безнадзорными в остальное время, что особенно опасно в самые юные, дошкольные их годы. Можно себе представить, как чувствуют себя на работе матери, вынужденные оставить двух, трех или даже одного дошкольника запертыми на весь день в пустой квартире. И сколько у такой детворы возможностей, поиграв с забытым коробком спичек или с кранами от воды и газа, обрушить на свою голову все стихии.

В семьях, где мать еще не оторвана своим участием в общественном производстве от свох домашних обязанностей, таких опасностей меньше. Но можно ли и на мать возлагать слишком большие надежды в деле воспитания, в особенности там, где дело идет о воспитании *собственных* детишек. Бесспорно, что в наших условиях найдется немало очень культурных и талантливых женщин, любящих детей и готовых по собственному влечению посвятить себя целиком их воспитанию. Таким и книги в руки. Чтобы полностью использовать их призвание и педагогические таланты, им и дóлжно предоставить широкое поле *общественного* воспитания детей, не замыкаясь лишь в собственной детской, а шефствуя над целыми коллективами октябрят, пионеров или юных комсомольцев. К сожалению, далеко не все матери способны на это. Большинство из них, одержимые материнским эгоизмом, ревнуя ко всем чужим, любит, в сущности, только своих собственных детей. А это неважная база для воспитания.

Для такой матери свой ребенок, даже если он самый ординарный балбес,— это чудо природы и верх совершенства, а чужие дети — это лишь потенциальные его завистники, хулиганы и обидчики, от которых нужно всячески оберегать соб-

ственное чадушко. Она оберегает его и от товарищей, и от зноя, и от холода, и просто от свежего воздуха, она пичкает его сладостями и лекарствами, она оделяет его игрушками и безделушками, заставляя пуще глаза беречь это никчемное, но *свое* добро, она учит его не утруждать себя излишними умственными занятиями... И в результате такого воспитания маменькиных сынков, если его не преодолеют иные влияния, из маленьких балбесов вырастают большие себялюбцы, взирающие сверху вниз на все окружающее, а по сути дела ничтожные хлюпики, смешные стиляги и ни к чему не пригодные взволнованные лоботрясы, которые не находят себе места в советской действительности.

Но, кроме таких маменькиных сынков, есть еще одна категория детей. Это дети матерей-одиночек — несчастная безотцовщина. Они нередко становятся тяжкой обузой своим собственным матерям. Таких детей в первую очередь следует размещать в детских домах и школах-интернатах на полном государственном иждивении. Однако преимущества общественного воспитания так велики и осязательны, что ими окупятся любые затраты общества — в самых широких масштабах, для всех детей страны. Дети сами, с самого нежного возраста, тянутся к другим детям — в детский сад, в пионерлагерь, в комсомольские отряды, вообще в свой товарищеский коллектив, где они на равной ноге с другими и в играх и в любых иных коллективных затеях чувствуют себя как рыба в воде.

Это полезно и маменьким сынкам. Если у себя дома, под крылышком любвеобильной матери, каждый из них чувствует себя домашним божеством, перед которым все склоняются и, если зареветь белугой, выполняются любые капризы, то в детском коллективе задаваку сразу же одернут, кривляку — не примут в игру, неженку — высмеют, плаксу — задразнят, трусишку — излечат общим презрением, а за самые нетерпимые в товарищеской среде проступки — доносы — «фискалов» и побьют при случае. В такой среде вчерашний «чудо-ребенок» очень скоро осознает себя таким же, как и все другие, но, не желая отставать от лучших, быстро освоит все общепризнанные нормы доблестного поведения своего коллектива. И если ему даже при случае расквасят нос, перепуганная мамаша узнает от него по этому поводу только нечто смешное о

тумбе, о которую ее ненаглядное чадо, зазевавшись, случайно споткнулось.

Нормальный школьный коллектив, в особенности, если его без нажима направляет опытная рука педагога, в деле воспитания в детской среде лучших общественных навыков и традиций способен дать гораздо больше, чем тысячи самых сердобольных и любвеобильных матерей. Дружная реакция такого коллектива на все антисоциальные проявления эгоистических задатков ребенка глушит их в самом зародыше. А все социальные врожденные его инстинкты и симпатии в коллективе, наоборот, оживают, развиваются за счет новых условных рефлексов, образующихся в процессе товарищеских взаимоотношений, и закрепляются всей повседневной практикой советской трудовой школы и дошкольных учреждений.

В интересах коммунистического воспитания советская практика уже ныне осваивает такие тенденции развития детских учреждений. Отдавая общественным формам воспитания безусловное преимущество перед всеми иными, мы должны в ближайшие годы неустанно расширять их в таких темпах, чтобы через пятнадцать-двадцать лет сделать общедоступными — от колыбели до аттестата зрелости — всему населению страны. Каждый советский гражданин, уже выходя из родильного дома, получит путевку в детские ясли, из них — в детский сад с круглосуточным содержанием, затем — в школу-интернат, а из него — уже в самостоятельную жизнь на производство или на дальнейшую учебу по избранной специальности. Конечно, ясли и детсады должны быть организованы при этом в каждом доме, под одной крышей со взрослыми, но в отдельных детских помещениях, со специальным обслуживающим их штатом и на полном иждивении государства, так же, как и в школах-интернатах.

Возникает вопрос: не будет ли такой ранний отрыв детей от семьи слишком тяжким испытанием и для родительских чувств и для малышей, столь чутких к нежной материнской ласке?

На этот вопрос можно ответить следующее. Общественная организация воспитания детей вовсе не ставит своей задачей такого отрыва. Прежде всего в период кормления детей грудью каждая мать даже в рабочее время получает у нас возможность регулярно выполнять эту свою материнскую обязанность. Тем более никто не помешает ей навещать своих

детей в свободное от работы время, забегая в детские помещения под той же крышей хоть каждый день в рамках установленного режима. А дети из школ-интернатов в свободное от учения время смогут, конечно, нередко и сами навещать своих родных в часы их досуга. Витамины любви нужны всем детишкам в равной мере, а тем из них, кто растет без отца или без матери, еще нужнее, чем другим. Но утолить эту их потребность легче всего как раз в системе учреждений *общественного* воспитания. Нужно лишь возможно шире привлечь к обслуживанию детворы и шефству над такими учреждениями в первую голову самих матерей (и ласковых бабушек) этой детворы, располагающих достаточным для этого досугом и влечением к малым детям.

Естественным придатком к каждому дворцу-коммуне среднего масштаба явится специальная трудовая школа-интернат человек на 400 при общем населении дворца до двух тысяч жителей. Ее тоже можно включить в общий архитектурный комплекс секций или корпусов бытовой коммуны. Это облегчит контакты школьного и родительского коллективов в общей их задаче коммунистического воспитания подрастающей смены трудовых кадров страны. Воспитать же в рядах этой юной смены нужно прежде всего одинаковое влечение как к умственному, так и физическому труду и чувство ответственности за каждый свой шаг и решение. Для этого комсомольцы старших классов должны сами стать авторитетными воспитателями и образцом доблестного поведения для пионеров младших классов, подобно тому как эти пионеры являются идеалом, мечтой и образцом, достойным всяческого подражания, для всех желторотых октябрят.

Нынешним школярам и студентам предстоит со временем стать общественными деятелями одной из величайших демократий, а затем и самим управлять в ней вещами и производственными процессами. Но для этого уже со школьной скамьи требуется соответствующая общегражданская подготовка. А. С. Макаренко, который, применив у себя методы школьной демократии и самоуправления, воспитал даже из беспризорных сорванцов и сорвиголов добрых советских граждан, показал верный путь к этой цели. К сожалению, многие у нас и доныне лишь на словах восхищаются его «Педагогической поэмой», а в школьной практике ее полностью игнорируют.

Уже средняя школа может дать каждому, покидающему ее стены с аттестатом зрелости, не только зачатки знаний из физики, механики и других наук, но и *умение применить* их на деле. Знать и уметь — это разные вещи, но одна без другой неполноценны. Высокая наука должна опускаться на землю. Из мозговых извилин она способна прочно проникать в мышцы рук и ног и, освоенная там, вооружить их к почти автоматическому выполнению велений разума.

Нужно ведь всегда помнить, что коммунизм «должен идти и *придет*», по предвидению В. И. Ленина, «к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне подготовленных* людей, людей, которые умеют все делать»[1].

Подготовке к такому коммунистическому воспитанию должны служить уже и дошкольные учреждения любой бытовой коммуны. Каждому возрасту детей посильны, конечно, разные задачи. И потому уже в детских яслях целесообразно различать по их потребностям и способностям такие естественные три группы, как еще совсем несмышленые «сосунки», начинающие уже мыслить и говорить «ползунки» и полные действенной энергии «прыгунки» двух-трех лет. Каждой из этих групп потребуется особый режим, разные игрушки и пособия и различного качества воспитатели. Так, например, если сосункам всего нужнее материнская грудь, чистые пеленки, свежий воздух и много солнца для здорового роста, то для ползунков, которые уже начинают лепетать свои первые словеса и словечки, помимо соблюдения всех условий гигиены здоровья, требуется еще повседневное обогащение их детского словаря, звонкие песенки, складные стишки и все прочие сокровища чистой и ясной — без всякого сюсюканья — разговорной родной речи. А возможности и требования прыгунков еще шире. Им легче всего усвоить в этом возрасте совсем незаметно и любой иностранный, а в национальных республиках — общегосударственный разговорный язык. И этим не следует пренебрегать. Но требуется больше всего в этом возрасте движение, игрушки, утренняя зарядка под музыку, прогулки под барабанный бой и всякий иной ритмический трам-тарарам.

Более сложные задачи воспитания вытекают в отношении детворы детских садов от трех до семи лет. Им требуется

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 32. (Курсив мой. — *С. С.*)

не только телесная пища, но и духовный рост и здоровье. Им уже внушаются и гражданские чувства товарищества. Каждый ребенок учится здесь познанию добра и зла. Частная собственность на игрушки, коньки, велосипеды здесь не пользуется признанием. Любые приношения, съедобные и несъедобные, поступают в общий котел, для всех. И во всех отрядах малышей — от самых младших, трехлеток, до самых старших, шестилеток, царит один закон: всем крепко дружить, старшим — защищать младших, и никому не жадничать — ни в еде, ни в погоне за лучшими игрушками вне очереди. Во всем должен соблюдаться порядок и дисциплина. Дружить — это хорошо, не жадничать — отлично, а вот, скажем, потянуть для забавы кота за хвост, подставить кому-нибудь ножку или здоровенному мальчугану девочку-малышку обидеть — это совсем нехорошо и даже вовсе никуда не годится. Такие заповеди очень элементарны. Но в них уже зреют элементы коммунистического сознания и поведения.

В детских садах коммунаров будут, конечно, решаться и другие, чисто познавательные задачи. Детворе в возрасте до семи лет, прежде чем ее засадят за букварь с картинками, ценнее всего расширить свой непосредственный опыт в ознакомлении с природой в оригинале, собственными глазами, осязанием, обонянием и всеми прочими чувствами. А для этого их нужно поменьше держать взаперти и как можно больше на воле: в цветниках, в саду или огороде, устраивать дальние вылазки в поле, на речку, в лес за ландышами, за ягодами, за орехами, за грибами, в колхоз на ферму, в зоопарк, в планетарий... Сколько новых представлений, слов и понятий осядет на всю жизнь в пустых еще складочках цепкой детской памяти за время таких свиданий с живой природой!.. Сколько детских радостей и незабываемых эмоций обогатит их душу! И как много при этом опытный педагог сможет от себя дать детям и для поэтического освоения ими красот родной природы, и для того чтобы заронить в них жажду положительного познания всех чудес и тайников природы.

Так, постепенно возникая еще в детских садах и все расширяясь с возрастом юных коммунаров, умножатся их связи с окружающей природой, элементами науки и труда, а затем и со всем трудовым коммунистическим обществом.

Можно думать, что в каждой из будущих бытовых коммун будет создан специальный совет жен и матерей, которому

поручат шефство, наблюдение и контроль над всеми службами, обеспечивающими население коммуны питанием, одеждой и прочим материальным ее снабжением, но прежде всего над учреждениями по общественному воспитанию детей коммунаров. Тому же женскому шефству придется принять на себя заботу не только о детях, но и о стариках пенсионерах. И конечно, в грядущей коммуне и старикам, как и детям, будет обеспечено за счет общества, независимо от наличия семьи и ее возможностей, все им необходимое: и теплый кров, и покой, и ласка.

В буржуазном обществе все заботы о престарелых возлагаются на их собственные семьи, а бессемейные инвалиды труда осуждаются на испытания и горечь одинокой беспомощной старости. Но и в семьях «отцы и дети» очень редко живут одними и теми же интересами. «Отцы», чем старше, тем глубже переживают прошлое, а «дети» всеми помыслами устремляются в будущее. И при такой идейной разобщенности даже в имущих семьях сильно стареющие предки чаще всего становятся все большей обузой для своих полнокровных потомков, в особенности если они заждались получения солидного наследства. А в неимущих семьях старики, потерявшие трудоспособность, уже и сами начинают чувствовать себя нелегкой обузой в родной семье. В условиях социализма общество приходит им на помощь специальными пособиями и пенсиями, сохраняя вместе с тем и сыновнюю обязанность уплаты весьма скромных «алиментов» одряхлевшим родителям. Но, как показывает житейский опыт, и эти жалкие алименты нередко настолько тягостны для «милых» детей, что они уклоняются от их уплаты даже после судебных решений. А можно себе представить, как приятно брошенным родителям обращаться в суд, обличая там собственных детей в черной неблагодарности, чтобы затем взыскать с них за все свои отцовские заботы и материнские слезы горький кусок хлеба через судебных исполнителей!..

Как видно, на семейные связи и даже на алименты по суду в пользу брошенных детей или родителей не приходится возлагать слишком больших надежд. И мощному коллективу коммуны придется взять уже на себя все те обязанности, которые становятся слишком тягостными и малообеспеченными в узкой индивидуальной семье. Юное поколение само

еще воздаст обществу за все его о себе заботы сторицей, а старики немало дали ему в прошлом.

Казалось бы, что, отдав всю энергию молодости на служение обществу, ветераны труда бесспорно заслуживают с его стороны и той отдачи, какая им требуется в годы упадка их сил и старческой слабости. Однако порой можно еще услышать и иные суждения. Недавно, например, один весьма авторитетный ученый-академик при обсуждении перспектив развития СССР на ближайшие двадцать лет, коснувшись проблемы долголетия, заметил, что далеко не всякое долголетие следует приветствовать. Только до тех пор, пока человек, несмотря на возраст, сохраняет еще известную активность, жизнь его представляет некоторую ценность: и субъективную — для самого себя, и объективную — для всего общества. Когда же эта старость стала уже пассивной и совершенно бесплодной, она и для себя становится в тягость, и для общества никчемным балластом, то есть, в сущности, величиной отрицательной.

С утилитарной точки зрения эту мудрость трудно было бы оспорить. Но едва ли даже самые ветхие и вовсе парализованные старцы охотно согласятся, чтобы их за ненадобностью выкинули на свалку. Да и все «активные» возрасты в предвидении, что и им не миновать «пассивной» старости, не примут этой мудрости, обрекающей их на столь печальную кончину. Отсюда явствует, что далеко не всякий балласт можно безнаказанно выбросить за борт, если он служит устойчивости общественного корабля в его плаваниях к берегам коммунизма. Грядущая коммуна будет достаточно богатой, чтобы оплатить любые накладные издержки, необходимые для украшения жизни и облегчения человеческих судеб даже самых беспомощных и слабых своих сочленов. И малых, и старых, и активных, и пассивных. В этом и сказывается высокий гуманизм коммунистического общества.

В нем никто не будет чувствовать себя негодным балластом в безнадежном пассиве. Впрочем, и ныне возрастные грани, которые отделяют «пассивную» старость от активной, чрезвычайно условны. Правда, в СССР мужчины старше 60 лет, а женщины уже в 55 лет получают возможность на правах пенсионеров закончить свой трудовой стаж и уйти на покой. Но их все же было бы слишком преждевременно зачислить в *пассив* социалистического общества. Они и при пониженной

трудоспособности могут еще оказать обществу своей активностью неоценимые услуги. И если не в материальном производстве, то в домашнем быту, общественной деятельности и культурном строительстве они и ныне оказывают их. Нужно ли напоминать о легионах врачей и учителей, художников и писателей, инженеров и ученых, которые на культурном фронте проявляют свою творческую активность до последнего своего дыхания? Но в условиях коммунизма потребуется еще много больше людей для подобной же общественной деятельности и в области культуры, и по устройству нового рабочего быта — по уходу за детьми, в общественном питании, в различных шефских организациях и т. п. И нельзя сомневаться, что участие в такой коллективной работе с охотой по первому же призыву примут наряду с молодежью и старики — деды и бабушки всех возрастов.

Это не пассив, а резерв трудовой активности, к сожалению, далеко еще не использованный. С повышением долголетия в условиях коммунизма этот резерв человеческой доброй воли и активности будет лишь возрастать. Люди, заслужившие право на отдых, вовсе не стремятся обратить его надолго в томительную праздность. «Поймите,— взывают они к нам уже теперь, — *тошно* сидеть сложа руки, без дела!» Безделье старит сильнее, чем долгие годы. А люди не желают преждевременно стареть. И в будущей коммуне даже в дедовском возрасте никто не откажется от посильной и полезной работы, работы по собственному влечению, которая способна сделать жизнь не только более содержательной, но и более здоровой и счастливой.

Многим кажется, что нашу жизнь обогащает лишь труд, овеществленный в *материальных* благах. Но, когда человек уже сыт этими благами, его привлекают и другие, менее осязаемые продукты человеческого труда, и прежде всего радует сам творческий труд во всех областях культурной его деятельности. А в то же время такой труд радует и всех других людей, в чьих интересах он реализуется. Возьмем хотя бы для примера труд по коммунистическому воспитанию всей многомиллионной детворы, которая растет нам на смену. В этом деле требуется и холодный мужской разум, но еще важнее женская сердечная теплота. В нем сотрудничают и писатели, и художники, и рядовые учителя, и врачи, и бабушки в детских садах, и комсомолки в пионерских отрядах. И все

участники этой коллективной обработки человеческих душ, помимо всех прямых «производственных» достижений, доставляют себе и друг другу массу несравненных радостей. Они не материальны, эти радости. Ими не заменишь, конечно, хлеба с маслом. Но без них наша жизнь была бы во много раз беднее.

Можно спросить себя: как же отразится на судьбах семьи такая коллективизация грядущего быта, при которой все бремя материальных забот о престарелых членах семьи и воспитании малолеток будет переложено с плеч отдельных глав семей на весь коллектив каждой коммуны, а в последнем счете на всех трудоспособных членов общества?

Думается, что такая обособленность и материальная независимость нетрудоспособных членов семьи от занятых на работе не исключает тех кровно-родственных чувств и влечений, какие связывают людей родительскими узами по восходящей и нисходящей линиям. В условиях, когда дряхлые родители не становятся уже «балластом» и «обузой» для своих нисходящих, а растущие дети не ждут с нетерпением никакого «наследства» от своих восходящих, родственные между ними чувства станут даже теплее и чище. Но чувства чувствами, а член семьи, выбывший из состава постоянных ее иждивенцев,— это отрезанный ломоть. И прежняя семья все суживается до наиболее при всех условиях прочной — брачной или даже формально внебрачной, но *нерасторжимой,* поскольку ее связывают узы любви,— семейной пары. А когда такие узкие семьи признают уже нецелесообразным расходовать массу труда на ведение у себя, всего на двоих, самостоятельного домашнего хозяйства, то тем самым и каждая отдельная семья, как *хозяйственная* ячейка, сливаясь с другими и перерастая в большой хозяйственный коллектив, вольется в новую «задругу» грядущей бытовой коммуны, в которой каждый сочлен всем другим — товарищ, друг и брат.

Но, освободившись от хозяйственной нагрузки, семейные ячейки внутри коммуны вовсе не исчезнут. Совсем напротив. Без повседневных забот о хлебе насущном, внутренние семейные связи любовного доверия, взаимной преданности и духовной солидарности, не отягощаемые житейскими мелочами, станут чище и прочнее; поводов и побуждений для пошлых измен и трагических разрывов будет гораздо меньше, и брачное содружество окажется значительно долговечнее.

НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ И МОРАЛЬ ГРЯДУЩЕГО

Бытовые коммуны многократно возникали и в прежние, даже очень отдаленные времена. По свидетельству «Деяний апостолов», уже первые христиане пытались создавать общины, в которых у всех «было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... и каждому давалось все, кто в чем имел нужду». Пытались и много позже жить такими общинами и верующие сектанты, и неверующие социалисты-утописты, но каждый раз эти попытки кончались полной неудачей. От всех подобных опытов не сохранилось ничего, кроме досадных воспоминаний. Устраивали такие опыты, между прочим, и толстовцы. Но сам Л. Н. Толстой, говоря о них, в 1908 году так расценивал их судьбы: «Сколько людей устраивались общинами, и из этого ничего не выходило. Сначала вся энергия уходила на внешнее устройство жизни, а когда устраивались, начинались ссоры, сплетни, и все распадалось...»[1].

Отнюдь не оспаривая этих наблюдений великого моралиста Льва Толстого, мы все же никак не могли бы все причины неустойчивости общинного быта прошлых веков свести лишь к таким чертам личного характера людей, как особая сварливость или неистребимая склонность к сплетням сторонников мирного жития в условиях общей, коллективной собственности всех членов общин. Тем более, что кротких вегетарианцев толстовцев, с их непротивлением злу, или даже легендарных первых христиан, с их ореолом святости, зачислять оптом в одиозную категорию кротких склочников и святых сплетников не приходится. Значит, причины распадения всех созданных ими братских общин нужно искать глубже. Не в психологии, а в экономике. И прежде всего в том глубоком противоречии между господствующей частной собственностью во всем досоциалистическом строе общества и полным отрицанием ее в тех отдельных социальных ячейках этого строя, в которых зарождались впервые идеи коммунизма. Частная собственность и частные интересы, противостоящие общим,— вот что становилось яблоком раздора в этих ячейках и вело к их распаду.

[1] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., Гослитиздат, 1959, стр. 230.

Каждая такая ячейка, как заброшенный островок мирной дружбы, была окружена целым океаном чужой собственности и всеми соблазнами мятежных страстей и злостных интриг, ожесточенной рыночной конкуренции и товарно-денежных спекуляций в интересах овладения чужой собственностью и личной наживы. И не мудрено, что все такие соблазны и страсти затопляли собою в этом океане частной собственности чужеродные ей идеи и социальные микрообразования. Порождали эти соблазны и жадность, и зависть, и сплетни, и интриги, и склоку в неустойчивой среде, воспитанной в традициях преклонения перед «священной» собственностью. Но бывало и хуже. Напомним хотя бы общеизвестный библейский рассказ о самой первой из христианских общин, в которую входили все апостолы евангельского учения, и о том, как один из них, будучи казначеем этой общины, предал ее всего за 30 сребреников, а затем, гонимый совестью, сам удавился. А ведь, помимо денежных соблазнов, возникает и много других корыстных мотивов, разъединяющих людей.

Известный социалист-утопист Шарль Фурье готов был поставить на службу «социальной гармонии» все страсти, даже такие, как «страсть к интригам» — по его оценке, «царствующую и направляющую» среди всех других[1]. Приводя в качестве примеров этой страсти «интриги на бирже при ажиотаже» или «интриги в семье для заключения выгодного брака», Фурье и сам чувствует, что пробуждает в людях эти страсти не любовь, а корысть, жажда наживы, алчность собственников, то есть все то, что разделяет людей, удерживая их «в постоянном *расколе»,* и никак не может послужить задачам социальной гармонии.

Только социализм, упраздняя частную собственность во всем обществе, впервые создает почву как для возникновения отдельных бытовых коммун и трудовых коммунистических бригад, цехов и заводов, так и для объединения их в прочные союзы таких коммун в общей системе «самоуправляющихся коммунистических ассоциаций трудящихся». Но социализм упраздняет лишь частную собственность на средства производства, сохраняя до времени и групповую собственность колхозов, и личную собственность на средства существования отдельных граждан. Общественная собственность на средства

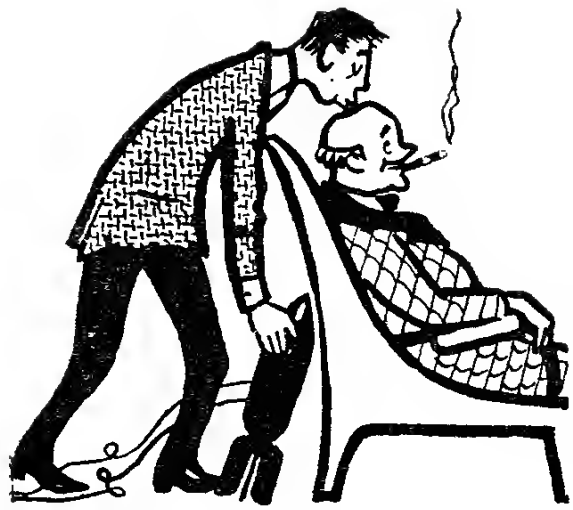
---

[1] Ш. Фурье. Избр. соч. М., 1918, стр. 35—36.

производства исключает возможность частного предпринимательства и классовой эксплуатации в производстве. И это уже очень большое социальное достижение. Но, как показывает наш опыт, она вовсе еще не исключает ни корыстной спекуляции дефицитными товарами из-под полы, ни прямых хищений казенного добра, ни всяких иных зловредных покушений на чужую собственность, хотя бы и личную,— в форме средств существования или денежного их эквивалента. И на первый взгляд представляется, что от таких зловредных действий людей, заложенных в самой эгоистической природе человека, не смогут уже избавить нас никакие социальные преобразования. Но это далеко не так.

В странах капитализма, где имущественные неравенства достигают самых крайних размеров, так называемых «преступления против собственности» находят для своего роста особенно благоприятную почву. В такой стране, как США, число преступлений из года в год растет, значительно обгоняя рост населения, и уже в 1960 году превышало 4077 тысяч учтенных случаев ареста за один год. Очень показательно при этом, что свыше 95 процентов преступлений падает на кражи и прочие «преступления против собственности»[1]. И еще показательнее, что в годы высокой рыночной конъюнктуры число «преступлений» против собственности снижается, а в годы кризисных спадов, наоборот, возрастает. Кстати сказать, даже в США, где

[1] «Statistical Abstract...», 1962, стр. 150, 153.



неимущие классы трудящихся составляют огромное большинство, на долю явных воров и грабителей приходится, по уголовной статистике, менее 1,5 процента всего населения. И, если склонность к хищениям выводить из эгоистической *природы* человека, то придется признать, что даже в этом царстве наживы «честных» тружеников раз в семьдесят больше, чем «прирожденных» хищников, и альтруизм явно преобладает над эгоизмом в природе человека. Однако гораздо правильнее будет заключить, что источником всех конфликтов на стыках между богатством и бедностью, не исключая и уголовных, является не греховная природа человека, а такие пороки современного общества, как крайнее имущественное неравенство и нищета, хронические кризисы и постоянная безработица и вообще все те социальные устои частной собственности, какие навсегда ликвидирует коммунизм.

В самом деле, представим себе дворцы-коммуны, подобные нашим здравницам, в которых и все обслуживание, и обстановка, библиотеки, рояли, телевизоры, бильярды, воспитание детей и повседневное питание, одежда и обувь в достаточном количестве обеспечиваются всем коммунарам за счет общественных фондов всей страны, а на работе они получают сверх того по труду определенное количество именных чеков на приобретение в общественных магазинах лишь добавочных благ сверх того достатка, какой уже обеспечен всем членам общества в соответствии с их повседневными потребностями.

Спрашивается, какие же стимулы для хищничества останутся в таком обществе? Для личного потребления и насыщения? Но оно уже обеспечено. Для продажи? Но кто же станет покупать у частника то, что он получает в достатке задаром? Для сбережения и накопления? Но денег уже не будет, скоропортящиеся блага не годятся для этой цели, а для всякой рухляди в значительном количестве не найдется и мес-

та в заполненных до краев помещениях коммун. Да и не видно никакой цели для таких накоплений, без перспективы их реализации. Можно, конечно, как сорока-воровка, тащить в свой тайный угол все, что ярко блестит. Но с такими пережитками неразумных инстинктов в общественной среде нетрудно уже бороться. Роль общественного мнения в нашей среде и теперь огромна. Она велика в трудовом соревновании коллектива, в цехах и заводах. Но еще во много раз большее значение приобретает общественное признание или, наоборот, общественное осуждение, порицание, бойкот в каждой будущей коммуне, где все друг друга близко знают, дружат и соревнуются в спортивной, общественной и художественной *творческой* самодеятельности.

В социальной среде, в которой уже вовсе отпала *частная* собственность на средства производства и все ограниченнее становятся потребности в *личной* собственности на средства существования в обильно обеспеченной ими коммуне, отпадут прежде всего все преступления против *собственности.* Не возникнет ведь ни у кого соблазна похитить у приятеля с чужого плеча поношенный пиджак, старые штаны, или белье, когда все это и многое другое можно заказать себе по собственной мерке и вкусу в общей мастерской за общественный счет. Но преступления против собственности — это 95 процентов всех преступлений. Да и большинство других, не исключая убийств, поджогов, плагиатов, подлогов и фальсификаций, связаны с теми же покушениями на чужую собственность, наследство, страховую премию, приданое, алименты. Всего этого, однако, не будет уже у коммунаров. Унаследовать от родителей можно будет лишь доброе имя. Заботу о «приданом» всем молодоженам возьмет на себя коммуна. О воспитании детей и об иждивении стариков позаботится все общество. Исчезнут даже разговоры об алиментах. А вместе с ними исчезнут все суды и споры об алиментах. Исчезнет даже память и о тех людях, которые постыдно скрывались от собственных дряхлых родителей или малых детей все из той же корысти, чтобы не выплачивать им жалких грошей на жизнь.

Конечно, останутся еще необузданные человеческие страсти и пороки, с которыми придется бороться обществу. В состоянии гнева, ревности или другого аффекта человек в омрачении разума способен на любое преступление. Известно, однако, что такому омрачению разума в наибольшей мере содей-

ствует алкоголизм. В частности, в опьянении алкоголем совершается свыше 40 процентов всех преступлений, завершающихся арестом, в США. Но хронических алкоголиков необходимо лечить от запоя, а на остальных любителей пьянки воздействовать всеми средствами высокой коммунистической культуры. Они очень могущественны. Общественное мнение и теперь уже сильнее многих писаных запретов и декретов. Осуждая грубое сквернословие сплетников и клеветников, непойманных жуликов и явных лодырей или гулях-хулиганов, оно позорит их крепче судебных приговоров. С изобличенным клеветником никто и рядом не сядет, ловчилу-лодыря шустрые девушки и на улице и в клубе засмеют, а буйного хулигана и без милиции крепкие парни приведут в надлежащее сознание.

«Стыд не дым, глаза не ест», — утешают себя бесстыжие. Но это слабое утешение. И их все меньше остается в советском обществе. А в условиях коммунизма, где ни у кого уже не останется обывательской отговорки «моя хата с краю, ничего не знаю» и когда каждое постыдное действие, за ликвидацией столь преступного равнодушия сограждан, встретит дружный отпор в любой бытовой коммуне и во всей их совокупности, стыд не только проймет до слез, но и доберется до глубины печенки самых бесстыжих. И если за отравление себя алкоголем в этих условиях каждого будет ожидать лишь всеобщее осуждение и горький стыд, то и алкоголизму придет конец. Общественное мнение продиктует всем нерушимые *нормы поведения*. И этот неписаный закон, не отменяя писаных, останется единственным живым, объединяющим в своих нормах законы разума, добра и красоты и неуклонно действующим законом.

Современному обществу стяжателей знакомы законы только столь худосочной морали, что ей на помощь призывается и весь свод уголовных законов, твердящих нам повседневно «не убий, не укради», и еще более страшные небесные громы загробного воздаяния грешникам в аду. Но ни боги и черти, ни земные суды и палачи не удерживают людей от соблазнов повседневного нарушения законов современной мещанской морали. И тюрьмы не пустуют, и за их стенами всегда достаточно кандидатов на их заполнение и переполнение.

Моральными в том обществе, в котором господствует частная собственность и личные интересы, признаются, впрочем, только такие действия, которые совершаются в интересах дру-

гих лиц, в *ущерб* собственным интересам. Но кто же в таком обществе потенциальных стяжателей захочет без *принуждения* поступиться своими «кровными», личными интересами во имя чуждых ему нужд или «абстрактного» общественного блага? Разумеется, немногие. И вот чтобы отстоять уже свои личные интересы от покушения «ближнего», и стяжателям приходится поощрять добродетель, хотя бы из-под палки, — во имя бога и всех чертей, или так называемую *мораль долга,* к которой нас обязывает ханжеский «категорический императив» Иммануила Канта. Но такая мораль, по которой добро творится людям не по влечению к ним, а по долгу, скрепя сердце и зажимая нос, не имеет глубоких корней. Это мораль без будущего.

Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты включают в свой моральный кодекс прежде всего те общечеловеческие нормы поведения, какие выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками верхушек общества. Особое значение в развитии этого кодекса приобретает революционная мораль рабочего класса. В процессе строительства социализма и коммунизма коммунистическая мораль обогащается новыми принципами, новым содержанием. И съезд строителей коммунизма в своей Программе уже зафиксировал двенадцать важнейших принципов или заповедей этого творимого ныне нового кодекса.

«Партия считает, что **моральный кодекс строителя коммунизма** включает такие нравственные принципы:

— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

— высокое сознание общественного долга; нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

— честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

— непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами».

В грядущей коммуне, не отягощаемой частной собственностью, исчезнут последние противоречия между личными и общественными интересами всех ее членов. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» можно прочесть о коммуне, что это «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». И не только условием, но и результатом. Здесь связь взаимная, интересы всех и каждого находятся в полной гармонии. Чем свободнее и полнее развитие каждого, тем ценнее и плодотворнее его участие «по способности» в общих производственных достижениях всей ассоциации. А вместе с тем она в свою очередь получает возможность все полнее и шире удовлетворять повседневные нужды каждого «по потребностям», предоставляя одновременно все больше свободного времени для творческой самодеятельности и дальнейшего саморазвития, а стало быть, и для дальнейших успехов всей коммуны. В таких условиях не требуется уже делать добро из-под палки, во имя долга или иных велений и запретов. Интересы общего блага всей коммуны не ослабляются, а даже подкрепляются здесь индивидуальными интересами каждого из ее членов. Мораль становится *свободной.* Ее «веления» выполняются тем охотнее всеми членами коммуны, что они вполне гармонируют здесь с собственными их социальными устремлениями к широкой творческой самодеятельности, которая так нуждается в общественной оценке и признании.

Конечно, творческая самодеятельность коммунаров в области науки, искусства, литературной и общественной деятельности на службе обществу уже в самой себе находит высокое удовлетворение. Но полнота такого удовлетворения во много раз возрастает, когда творческий труд каждого реализуется в *коллективе* и в *общении с ним,* умножаясь, достигает всей своей эффективности. Творчество актера, например,

трудно даже себе представить без зрителей. Но и труд ученого или писателя нельзя себе даже мыслить без аудитории или без читателей. А творчество художников и музыкантов разве не нуждается в коллективной аудитории? И даже в спорте, который, как и всякая самодеятельность, развивается лишь в условиях плодотворного соревнования, дело не пойдет без участия сочувствующего окружения. Правда, соревнование футбольных команд «Динамо» и «Спартак» можно себе мыслить и без десятков тысяч болельщиков на трибунах. Но такое состязание, без контакта спортсменов с волнующимся, а порой и беснующимся вокруг них коллективом друзей и противников, не может вызвать того подъема и ответного волнения самых игроков, каким их вдохновляет бурная аудитория заполненных трибун.

Мы еще не проникли в тайны коллективной психологии и не можем объяснить, какое «поле» взаимного тяготения душ и какие психические токи возникают между любимым писателем, выдающимся ученым, талантливым артистом или незаурядным музыкантом и их аудиторией. Но они, несомненно, возникают. И этот контакт вдохновляет выступающих и глубоко волнует и возбуждает их коллективную аудиторию. Чем шире при этом коллектив, тем глубже это потрясающее его волнение. Так, например, на массовых рабочих демонстрациях до революции один лишь горячий лозунг оратора или несколько тактов революционной песни вызывали такой взрыв ответного волнения, который мог поднять весь коллектив на подвиг.

Откуда берется такая психическая энергия в едином импульсе? Какими резонаторами душевных струн она усиливается? Какими радиолокаторами эмоций передается друг другу?.. Это все еще не ясно. Но ясно уже, что в грядущих коллективах коммуны все переживания людей будут более полнокровными, творчество радостнее, эстетические вкусы тоньше, моральный облик выше, общественное осуждение тягостнее, а все возможности коммунистического воспитания могущественнее, чем когда-либо.

Нам не всегда удается найти ту «волну», на которую всего легче созвучно настраиваются человеческие сердца. Но когда эта волна найдена, то даже в нынешнем, расколотом «холодной войной» на части человечестве ее организующее действие, как убеждает нас современное движение за мир, становится

непреодолимым. В спаянных узами дружбы и постоянного сотрудничества коллективах грядущей коммуны такие «волны» общего душевного подъема и солидарного действия будут еще естественнее и сильнее. И там даже самые необузданные страсти отдельных лиц будут все успешнее сдерживаться в своих проявлениях общим коллективом в границах разума и гуманности.

Из таких страстей трудно указать более опасную, неразумную и слепую, чем яростная страсть ревности. А ревность в качестве своей предпосылки предполагает измену. Но не следует забывать, что и та, и другая тоже возникли из отношений частной собственности, являясь одним из самых живучих пережитков этого института. И это подтверждается прежде всего практикой тех народов, где и доныне муж может приобрести в собственность по сходной цене — за калым — хоть целый гарем жен. Ни любви, ни ревности этому «живому товару» испытывать не положено. Правом на ревность о своем добре и монополией на владение им располагает лишь собственник этого товара — муж. Но и купленные жены располагают волей и чувствами, а потому такие мужья всегда могут ждать от них «измены». И вот зыбкую женскую «честь» своих жен они решаются доверить лишь бесполым евнухам в своих гаремах... Незавидная участь — ни жен, ни мужей.

Не многим лучше, однако, и те нравы, какие окружают женщину в современном буржуазном обществе. Ей уже не угрожают евнухи. Отсутствуют и гаремы. Но имеется сколько угодно лупанариев, в которых женщины все еще продаются в любом количестве и по самой низкой цене. И когда высокоморальные мещане клеветнически вопят по поводу мнимой общности жен в грядущей коммуне, то им можно лишь напомнить следующее замечание Фридриха Энгельса: «Общность жен представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее»[1].

Добрые христиане, конечно, не одобряют проституции. Но

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 337.

и женщины в браке не пользуются особым их довернем: «Жена да убоится своего мужа!» вот та священная заповедь, с которой церковь обращается к женщине в торжественный момент ее бракосочетания. Таким образом, не любовь к мужу, а страх к своему господину предписывается ей, как руководящий принцип брачной жизни. А ко всем мужчинам будто бы сам бог обращается с такой заповедью: «Не желай жены ближнего твоего... ни раба его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его...» Откуда, во-первых ясно, что и жены, в числе прочего скота, входят в состав домашнего скарба мужей, а во-вторых, что согрешить с *чужой* женой не потому плохо, что этим изменяешь собственной, а потому, что это покушение на чужую частную *собственность*. Столь скотское отношение к женщине могло, однако, и в ней воспитать лишь весьма низменное представление о женских «добродетелях» вообще и супружеском долге в буржуазном обществе в частности и в особенности. Евнухи уже не оберегают современных жен от любых искушений. А сами жены, не избегая ни лжи, ни обмана ради соблюдения всех требований приличия, отнюдь уже не страшатся наставлять рога всем своим «волам и ослам» из числа мужей или любовников, в полном убеждении, что и эти «ослы» не останутся перед ними в долгу, если представится подходящий случай.

Может ли, однако, такая покладистая супружеская этика содействовать счастью любящей семьи? Она избавляет супругов даже от тягостных сцен ревности. Но избавляет дорогой ценой отвратительного притворства и повседневной лжи. Имеются тысячи способов обмануть доверчивого супруга. Но есть только один путь сохранить его уважение, открыв вовремя горькую правду: «Я уже не люблю тебя, мой друг!» Сейчас на этом пути нередко стоят еще угрозы разрыва с детьми. Но в условиях коммунизма отпадут и эти препятствия. Делить малых детей между отцом и матерью не потребуется, ибо они прежде всего дети всей коммуны.

А что же станет с ревностью?

Иным кажется, что любовь без ревности подобна жаркому без перца и пряностей. Но такие острые приправы могут скрасить собой лишь легковесный флирт тех, кто только забавляется игрой в любовь. Там, где крепко любят и верят друг другу, ревность не только неуместна, она, как и всякое незаслуженное недоверие,— оскорбительна. А там, где уже

иет взаимности — сердцу ведь ие прикажешь, — ревность еще меиее уместна. Оиа бессильиа вернуть потеряиную любовь и, если ее раздувать, может лишь причинить много лишиего горя близким людям. В будущей коммуне люди научатся сдерживать такие страсти. И самый пылкий ревиивец Отелло, вместо того чтобы задушить любящую его Дездемоиу, в десять раз охотнее придушит сгоряча мерзкого сплетиика и гада Яго, к общему удовольствию всех своих друзей.

Строителям коммунизма ие свойственно прекраснодушие маниловщины. Они поиимают, что даже в условиях коммуиизма ие исключаются ии болезии его роста, ии ведущие его вперед общественные противоречия, ии тормозящие его достижения личные коифликты и столкновения отдельных людей. И в грядущей коммуне будут проживать люди, а людям иичто человеческое не чуждо, в том числе и человеческие слабости, пороки и страсти и даже преступлеиия. Ликвидируя частную собственность — этот основиой и важиейший стимул огромной серии имущественных коифликтов и корыстных преступлений, коммуиисты делают этим очень значительный шаг к достижеиию возможной гармонии в сочетании общественных интересов с личными устремлеииями отдельных людей. Но это не исключает еще всех других источиików зла и социальных дисгармоний. Разные люди, обладая различным темпераментом, вкусами, образом мыслей, склонностями и способностями, иикогда не будут равными, подобно стертым пятакам, при всей их общественной равноценности. И если одни из них при этом будут преуспевать в качестве призиаиных передовиков в окружающей их среде, а другие, меиее удачливые, окажутся на задворках в той же среде, чувствуя себя здесь отсталыми и забытыми, то уже иа этой почве может возникнуть и отчуждение, и невольная зависть таких наиболее отсталых элемеитов общества более передовым, со всеми вытекающими из сего последствиями.

А из зависти родится и обывательская сплетня, и трусливая клевета, и даже столь любезная Шарлю Фурье страсть к интриге. Не исключается и миогое другое. Ведь даже тогда, когда исчезнет за ненадобностью последняя копилка и кошелек в безденежном хозяйстве, остаиется еще возможиость украсть и присвоить себе *чужую мысль* в порядке литературиого плагиата. Можно примазаться и *к чужому изобретению* путем мнимого «соавторства» с действительным его автором,

навязанного ему сверху его ближайшим шефом. И хотя такого рода недостойные «интриги» даже сам Фурье не смог бы поставить на службу социальной гармонии, такие печальные возможности не ускользают все же из поля зрения строителей коммунизма. Они твердо помнят, что будущие граждане коммунистического общества не ангелы и не святые. Но именно поэтому его строят так, чтобы даже самый пакостный человечишка был поставлен в нем в такие условия коллективного труда и быта, которые откроют широкий простор развитию в нем не худших, а самых *лучших* его чувств и дарований.

В самом деле. В бригадах коммунистического труда, в отличие от беспощадной конкуренции, столь характерной для буржуазного общества, и ныне уже царит дух взаимной выручки и сотрудничества. Здесь передовики соревнования не отрываются от отстающих, а помогают им подняться до общего уровня. И такая бескорыстная помощь возбуждает, конечно, скорее чувство признательности, чем зависть со стороны слабейших членов коллектива. Но если б в соревновании с сильнейшими за лучшие их достижения честь и трудовую славу кого-либо из слабейших подталкивали и такие чувства, как зависть к этой их доброй славе, то пришлось бы признать, что в известных условиях и чувство зависти служит коммунистическим достижениям.

К тому, чтобы в будущей коммуне развивались прежде всего наиболее прогрессивные стороны индивидуального и социального ее бытия и сознания, будет стремиться сам ее кол-

лектив, воздействуя на каждого из своих сочленов всей мощью организованного общественного мнения и коммунистического воспитания людей. Этому воспитанию будет служить не только общественность отдельных трудовых и бытовых коммун местного значения, но и вся та сеть специальных сообществ — научных, художественных, спортивных и всяких иных, в которых будет организована общественная самодеятельность всей страны и всей системы самоуправляющихся ассоциаций.

Было бы совершенно неверно представлять себе коммунизм как некий земной рай, в котором уже нечего будет больше желать и добиваться, захлебываясь от изобилия всех благ и безбрежного счастья. Коммунисты не сулят трудящимся ни вечной прохлады в обществе соблазнительных магометанских гурий, ни музыки сфер, ни вечного блаженства и вечного покоя, обещанных добрым христианам. Мы знаем, что вечный покой — это смерть, и совсем не торопимся заполучить такое вечное блаженство, то есть блаженство небытия. Покой человеку, полному жизненной энергии, требуется лишь в весьма ограниченных дозах кратковременного *отдыха* после напряженной деятельности, вызывающей торможение нервных центров и тягостное состояние утомления. Бездеятельный покой хронических лодырей и тунеядцев, не знающих усталости,— безрадостен. Он не приносит им счастья. А сама затяжная бездеятельность становится все более тягостной и «утомительной» для здорового человека, угрожая постепенной атрофией всех его жизненных функций. Да и в борьбе с утомлением, как это ни парадоксально, простая *смена деятельности* с переходом в течение дня от одного вида труда к другим — даже эффективнее, по учению физиологов, *бездеятельного отдыха* (эффект И. М. Сеченова).

Конечно, безоблачного счастья без борьбы и труда не обеспечит всем людям и коммунизм. Не избавит он их и от страданий во всех случаях, когда на пути близких им людей встанет тяжелая болезнь или сама неумолимая смерть. Но в то же время коммунизм намного облегчит нашу борьбу за долголетие и здоровье всех трудящихся. Не избавит нас коммунизм и от необходимости повседневного коллективного труда для удовлетворения всех общественных потребностей. Но он же сделает этот необходимый труд все более легким, привлекательным и плодотворным, а вместе с тем освободит

все возрастающую долю рабочего дня для свободной, творческой самодеятельности коммунаров и культурного их роста. Несомненно, что и на путях свободного творчества каждого из них ожидают не одни лишь успехи и достижения, а опять-таки и упорный труд, и досадные ошибки, и горькие неудачи, и тяжелые разочарования. Но разве муки творчества не окупаются его результатами?

Счастье — это понятие весьма сложное. И каждый толкует его по-своему. Думается все же, что все те, кого привлекает к коммунизму не столько изобилие материальных благ, как связанные с ним увлекательные возможности творческого труда и борьбы за все более высокие социальные достижения, те поймут, какие широкие горизонты в этом отношении откроются перед человечеством с сияющих вершин коммунизма.

ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Подведем некоторые итоги. Упраздняя разделяющую людей собственность, коммунизм ликвидирует и ту почву, на которой возникали все имущественные преступления и большинство иных. А общественное мнение коммунаров станет достаточной силой, чтобы практически исключить со временем и все остальные. Значит, вместе с тем будет все сокращаться и отпадать потребность в уголовной юстиции и милиции, судах и тюрьмах, прокурорах и адвокатах и всех прочих профессиональных агентах правосудия. Без действия окажется и весь свод уголовных законов. А если все же где-нибудь возникнут серьезные споры или обиды, то их разберет и товарищеский суд по совести и в полном согласии с требованиями общественного правосознания.

Без действия окажутся со временем и нормы гражданского права. А затем подобная же участь постигнет один за другим и разные участки государственной организации и государственного права. Уже ныне поставлен, например, перед всей мировой общественностью вопрос о всеобщем и полном разоружении народов. И раньше или позже все государства останутся без армий — этого важнейшего признака государственности. В ближайшие годы осуществится предрешенное уже

плаиом в СССР освобождение всего населеиия от налогового его обложения. Исчезиет, стало быть, у иас и весь налоговый аппарат. Но государство без армии и иалогового аппарата, без судилищ и тюрем и всего аппарата государствеиного принуждеиия уже перестаиет быть государством.

Одиако, теряя все черты *военно-политической организации* с бюрократической цеитрализацией управлеиия, СССР приобретает все более четко выражеииый *характер хозяйственной демократии* с последовательной централизацией иародиохозяйственного плаиирования и растущей демократизацией самоуправления и самодеятельиости на местах. За последиие годы и в этом иаправлении сделано уже иемало решающих шагов. Эти шаги, развязывающие местиую иииициативу миллиоиов людей в хозяйствеиием управлении вещами и производственными процессами, самым непосредствеииым образом отвечают задачам развернутого иыие строительства коммунизма. Таким образом, можио сказать, что в странах социализма историческое развитие иеизбежно ведет к отмиранию государства. Рожденная социалистической революцией в СССР диктатура пролетариата, обеспечив победу этой революции, уже выполиила свою историческую миссию с точки зреиия виутреиних задач страиы. И хотя государство, как общенародиая оргаиизация, сохраиится до полиой победы коммуиизма, ио оно уже вступило в иовый период своего развития. «Начался процесс перерастания государства во всеиародиую оргаиизацию тружеиików социалистического общества. Пролетарская демократия все больше превращается во всеиародиую социалистическую демократию». И, как сказаио в Программе КПСС, «в процессе дальиейшего развития социалистической демократии произойдет постепеиное превращение органов государствениой власти в оргаиы общественного самоуправления».

Трубадуры капитализма превыше всего восхваляют в ием частнохозяйствеииую *иницииативу* предприииимателей, без которой с ликвидацией частиой собственности должеи зачахиуть, по их словам, и сам социализм. Но это в лучшем случае горький самообман с их стороиы. В сущиости говоря, ии один из крупиейших представителей монополистического капитала, при всех возможиостях частной иииициативы, ие выдумал пороха, ие открывал виутриатомной эиергии и не изобретал космических ракет, хотя и ие прочь был бы извлечь из всего этого

бизнес в «холодной» или «горячей» войне. Все они лишь нанимают при случае изобретателей или *покупают* за гроши чужие изобретения и, обратив их в свою монопольную собственность, оберегают, как собака на сене, от широкого и свободного использования. Однако хозяев в этом мире монополистов всегда было во много раз меньше, чем рабочих. И лишь при социализме, где каждый рабочий впервые начинает чувствовать себя хозяином общественного производства, действительно открывается полный простор для коллективной производственной инициативы коммунистических бригад и для массового индивидуального изобретательства в невиданных еще масштабах, и притом без всяких попыток на *монопольное* использование, замалчивание или замораживание новых изобретений.

Лучше всего, однако, о достоинствах частной инициативы в странах Запада можно судить по ее результатам. А эти результаты всего точнее определяются числом патентных заявок на оригинальные изобретения и рационализаторские предложения, представляющие определенную экономическую ценность. В США таких патентных заявок на изобретения поступило в 1929 году 89,8 тысячи, а в 1960— уже только 79,6 тысячи, в то время как население США за те же годы возросло на 48 процентов. Таким образом, из расчета на миллион жителей ежегодное число заявок здесь за последние 30 лет не росло, а даже упало с 737 до 441 заявки, то есть на целые 40 процентов. Итак, плоды частной инициативы здесь явно истощаются. А вот в СССР, где в коллективах изобретателей, организованных профсоюзами, насчитывается до четырех миллионов изобретателей и рационализаторов, от них за один лишь 1960 год поступило 130 тысяч заявок в Государственный комитет по делам открытий и изобретений, а всего зарегистрировано в народном хозяйстве СССР за этот год 3987 тысяч предложений. Из них уже *внедрено* в производство 2536 тысяч предложений, дающих экономии, по расчету за один лишь год, 1457 миллионов рублей. На миллион жителей в СССР это дает не менее 18 700 изобретений и рационализаторских предложений. Но показательнее всего то, что только за последние 20 лет число таких предложений возросло у нас на 575 процентов, а годовая экономия от их внедрения — в 16,2 раза. Таким образом, в условиях коллективизма такая инициатива совершенно неистощима. К тому же, быстро

расширяя количество вносимых творческих предложений, она одновременно повышает и экономическую эффективность каждого из них.

Инициатива эта проявляется, однако, не только в небывалом еще росте изобретателей в рабочей среде. Она очень многообразна. Она сказывается и в энтузиазме рабочей молодежи, распахивающей целину, и в массовых обязательствах рядовых тружеников работать и жить по-коммунистически, и в социалистическом соревновании трудящихся за досрочное выполнение народнохозяйственных планов. Но особенно показательны быстрота и энергия, с которой, по законам цепных реакций, подхватывается здесь, в рабочей среде, всякая удачная инициатива на путях к коммунизму. Возьмем хотя бы Валентину Гаганову, возглавлявшую лучшую из бригад прядильщиц в своем цеху. В октябре 1958 года она решила, не считаясь с потерей заработка, перейти в худшую бригаду с тем, чтобы в общих интересах и этой бригады и всей страны вывести ее в число передовых. Пример, едва ли мыслимый в условиях капитализма. Но у нас эта инициатива оказалась плодотворной. Уже в апреле 1959 года новая бригада В. И. Гагановой почти не уступала прежней гагановской бригаде, самой передовой. А к XXII съезду партии, всего через два-три года, уже 50 тысяч передовых людей нашей страны последовали благородному примеру В. И. Гагановой, перешли на отстающие участки труда и добились улучшения их работы. Или вот еще один яркий пример. Начатое по почину молодежной бригады мастера Владимира Станилевича в октябре 1958 года соревнование за почетное звание бригад коммунистического труда к XXII съезду партии, как известно, охватило свыше 20 миллионов трудящихся Советского Союза.

Но если в СССР таким успехом в рабочей среде встречается даже удачная инициатива отдельных лиц, то что можно сказать о той коллективной инициативе, какую взял на себя ныне весь всесоюзный съезд строителей коммунизма, утвердив конкретную программу действий, ведущих к этой цели? Уже в процессе всенародного обсуждения этой величественной программы ее единодушно одобрили не только 9 миллионов коммунистов, то есть вся партия, но и участники свыше пятисот тысяч собраний, обсуждавших эту Программу, а в них принимало участие 73 миллиона трудящихся, то есть, в сущности, весь рабочий класс СССР. Подвергшись столь

основательному плебисциту, наша программа сможет выдержать любое испытание временем. Отвечая интересам трудящихся не только нашей страны, но и всего мира, она с каждым годом будет приобретать в этой среде все новые легионы друзей и соратников. Яркие идеи этой программы уже ныне шире озаряют весь мир, и нет сил, которые могли бы их задержать на этом светлом пути.

МИР — О НАШЕЙ ПРОГРАММЕ

Как же реагирует на эту грандиозную программу действий мировое общественное мнение?

Конечно, можно было заранее предвидеть, что ее с восторгом будут приветствовать все друзья мира и социализма. Более того, программа завоевала социализму новые миллионы умов и сердец во всем мире. Простые люди земли видят в этом замечательном документе не только чудесное будущее Страны Советов. Они видят здесь тот единственно возможный и проверенный историей путь, который приведет все народы к материальному благосостоянию, духовному расцвету, политической независимости и всеобщему миру.

В то же время можно было не сомневаться, что нашу программу встретит в штыки весь лагерь воинствующего империализма. Но поражает скудоумие и лицемерие, с которыми выступают против этой программы наиболее ретивые из адвокатов империализма.

Чтобы как-нибудь ослабить потрясающее воздействие светлых перспектив, открываемых программой коммунизма, на все обездоленные края и классы капиталистического мира, адвокаты буржуазии с особенным усердием «открывают» все новые «недостатки», «бедствия» и «провалы» в странах социализма. Так, например, появление семилетнего плана в СССР на Западе объяснили неудачами в выполнении шестой пятилетки, а новую программу действий КПСС на двадцать лет вперед пытались объяснить мнимым «провалом» текущего семилетнего плана, хотя на деле в СССР все планы выполнялись доныне даже выше заданий. Конечно, мы и сами вскрываем в повседневной печати с беспощадной откровен-

ностью немало бед, чтобы тем скорее их ликвидировать. Коммунизма у нас еще нет. Мы только еще его строим. Но и сейчас уже всем видно, с какой ракетной скоростью мы приближаемся к намеченным целям.

На Западе даже в самых богатых странах хронически голодают миллионы безработных, чего давно уже нет ни в одной из стран социализма. Но именно поэтому адвокаты буржуазных порядков пытаются уверить своих голодающих сограждан, что в странах социализма голодают. «В Советской России,— пишут, например, в «Нью-Йорк миррор», откликаясь на Программу КПСС,— *продовольствия не хватает».* «Какой смысл говорить, что будет в 1980 году? Говорите о 1961-м!»— требуют от нас эти бойкие американские газетчики. А в журнале «Пари-матч» от 5 августа 1961 года, жалуясь на свои неудачи в Алжире и Бизерте, французские журналисты утешают своих читателей тем, что и в СССР не легче, так как там введена уже *карточная система на хлеб,* что равносильно «самому тяжелому военному поражению». Они прекрасно знают, что это ложь, что в СССР собирают богатые урожаи и хлеба-то здесь, во всяком случае — не в пример многим другим странам, — *на всех* хватит. Но они все же лгут, ибо это стало уже их ремеслом и доходной статьей их бюджета.

Лишь изредка такие адвокаты буржуазии сдабривают — для большей правдоподобности — свои обильные вымыслы об СССР крупицами правды. Так, например, в лондонской газете «Дейли миррор», оценивая новую Программу КПСС, некая Кассандра писала: «Ни одно государство не вооружено так сильно, как Советский Союз» — в чем, по-видимому, никто уже не сомневается на Западе. Но эта общеизвестная истина понадобилась ей только для того, чтобы вслед за ней добавить: «Ни одно государство не проводит такой **агрессивной** политики». Обманет ли кого-нибудь из ее читателей даже в лагере империализма столь грубая ложь, трудно сказать. Но можно сказать, что и в буржуазной прессе далеко не все публицисты похожи на эту лондонскую Кассандру. И, в частности, в ливанской буржуазной газете «Ан-Нахар» можно было прочесть такую оценку той же Программы КПСС: «Сторонники войны получили сокрушительный удар. Если всеми будет понята суть этой Программы, то повсюду будут подняты флаги мира».

Как видим, эту суть нашей Программы способны понять и оценить даже люди очень далеких от нас стран и образа мыслей. Но еще легче освоить эту суть во всей ее полноте трудящимся всего мира, то есть всем, к кому прежде всего обращена наша Программа. Социальный опыт трудящихся позволяет им уразуметь и то, что еще не понятно сытым кассандрам старого мира. В самом деле, все эти кассандры уверяют, что идеи коммунизма для населения западных стран не представляют никакой привлекательности. А вот что думают об этом, скажем, американские безработные. Письмо одного из них о Программе КПСС было оглашено Н. С. Хрущевым на XXII съезде КПСС. «Весь мир, — пишет этот безработный, — смотрит на вас в Советском Союзе с надеждой, что вы осуществите эту Программу как можно быстрее; тем самым вы спасете миллионы людей, которые иначе погибли бы от эксплуатации, были бы растоптаны и покорены».

И это не одинокий голос. Ведь даже в богатейших США, по признанию президента этой страны Джона Кеннеди, 17 миллионов его сограждан повседневно ложатся спать голодными. А сколько же миллионов людей точно так же голодают без работы с малыми детьми во всех других странах капиталистического мира, проклиная свою горькую участь? И что им могли бы сказать в оправдание капитализма, осуждающего их на эту участь, все его адвокаты?

Положение этих адвокатов действительно незавидное. Они не могут сказать правду, что все блага, достижение которых советские коммунисты ставят целью своей Программы, и прежде всего такие, как бесплатная квартира и даровое питание всем трудящимся, совсем не улыбаются хозяевам капиталистических монополий. Они не смеют признаться, что все монопольные сверхприбыли этих хозяев повисли бы в воздухе, как только они потеряли бы возможность угрожать своим рабочим лютым голодом и затяжной безработицей. И вот они начинают, изображая шутов гороховых, зубоскалить по поводу бесплатной бани и тарелки супа, обещанной советским рабочим через двадцать лет. «Для советских людей, возможно, это много,— глумятся в римской газете «Темпо» агенты буржуазии, — но для средних итальянцев добиться всего этого, по правде говоря, кажется слишком незначительным».

Но именно правды здесь нет ни на грош, ибо в нынешней

Италии голод — вовсе не редкий гость. И совсем по-иному оценивают то же обещание Программы другие итальянцы, в газете «Паэзе сера». «Сенсационный факт, по нашему мнению, заключается в том, что план обещает каждому гражданину Советской страны хлеб такой же бесплатный, как воздух, — пишут в этой газете. — Именно в этом обещании и заключается потрясающее, революционное значение советского плана... Сейчас СССР объявляет, что при социалистическом строе каждый будет иметь, в частности, право на гарантированное питание. Говорите, если хотите, что на Западе это нормальное явление. Отпускайте всякие шуточки по этому поводу, но пусть об этом узнают те *два миллиарда людей,* для которых обеспечить себе питание — каждодневная тяжкая забота. И вы увидите, каков будет результат».

Другие критики Программы КПСС, не отрицая ее привлекательности, пытаются умалить ее значение, заявляя, во-первых, что это-де утопия, воздушные замки, недосягаемая мечта, а во-вторых, что она не содержит в себе ничего нового по сравнению с давно уже доступным на Западе. А иногда и тот и другой приемы пускаются в ход одновременно. Так, например, в лондонской газете «Дейли геральд» авторы передовой статьи, озаглавленной «Хлеб и свобода», оценивая советскую Программу, пишут: «Бесплатное питание, бесплатный транспорт — все бесплатно; кроме того, никаких налогов — и все это при жизни одного поколения. Это может опьянить». Но тут же, объявив такие бесплатные блага «утопией», «всегда существовавшей *мечтой*» и даже «мессианской надеждой», они «уточняют», что, в сущности говоря, «ничто не будет по-настоящему бесплатно», так как все такие блага входят в *систему зарплаты,* покрываемой частично натурой. Тем самым дается понять, что такая опьяняющая мечта давно уже стала самой обыденной принадлежностью западного мира с его системой капиталистического найма и эксплуатации труда.

Однако и это ложь или явное недомыслие. О заработной плате деньгами или натурой может идти речь только там, где *оплачивается чужой труд* в соответствии с его качеством и количеством. А в коммунистическом распределении всех благ *по потребностям* они поступают бесплатно из общественных фондов коммуны *всем* ее членам — и работающим, и неработающим. Иными словами, эта система принципиально иная,

заведомо неприемлемая для капиталистического мнра. И ни в одной нз стран Запада ее, конечно, не найдешь. А вот признание несбыточной утопией заданнй Программы КПСС, хотя н не ново, далеко не разделяется многнми даже на Западе. И тем, кто оспаривает реальность советской программы, приходнтся выслушивать с разных сторон такие реплнки.

«Новая Программа Коммунистнческой партин много обещает, — можно было прочесть уже 31 нюля в «Нью-Йорк геральд трибюн». Но *было бы глупо,* еслн бы остальной мир отрицал материальный прогресс, достигнутый в Советском Союзе с тех пор, когда Ленин разработал первую Программу партин в 1919 году. Было бы в равной мере *глупо преуменьшать* потенциальные экономнческие возможностн советского общества в настоящее время, когда оно создало такую колоссальную пронзводственную базу». «Нет никакнх вескнх оснований сомневаться в том, что к 1981 году советская экономнка сможет дать столько товаров н услуг, сколько обещает новая Программа, нбо это плановая экономика», — утверждает английский еженедельннк «Трибюн» от 4 августа 1961 года. Того же мнення о целях новой Программы придержнвается и редакция еженедельннка «Нью стейтсмен» в Лондоне. «В свете того, что уже сделано в Советском Союзе,— чнтаем мы в номере этого журнала от 4 августа, — было бы *глупо утверждать,* что эти целн полностью недостижимы».

И действительно, все попытки западных крнтнков умалнть прнвлекательность Программы КПСС, объявив ее несбыточной фантазией, можно назвать глупыми уже потому, что нннкто нм в наши днн не вернт. Но не умнее и те их попыткн, в которых они, упражняясь с особенной настойчнвостью в непревзойденном лицемерни, стремятся представить грядущнй коммуннзм «фантастнческой картнной будущей утопнн, когда человек сможет пользоваться свободно всем, *кроме самой свободы».*

Картнну эту, изображенную в редакционной статье газеты «Нью-Йорк таймс» от 1 августа 1961 года под заголовком «Новый коммунистнческий маннфест», можно действнтельно назвать фантастической, так как она не нмеет ннчего общего с подлинным коммуннзмом. Тем не менее заложенная в ней убогая ндейка была широко подхвачена, как по снгналу, и многократно повторяется в разных вариантах всеми адвокатамн так называемого «свободного» мира.

В повторяемом ими всеми «афоризме» о свободе не содержится ровно ничего, кроме самой детской игры слов. Английское слово «фри» (free) употреблено здесь в двойственном его значении — «свободный» и «бесплатный». Однако можно ли говорить о «платности» или «бесплатности» самой свободы? Может быть, на капиталистическом рынке, где все продажно, это и уместно. Но, говоря так, адвокаты капитализма лишь приоткрывают собственные их представления о свободе. Вполне логично, что в их «свободном» мире и гражданская свобода вовсе не исключается из оборота платных благ и рыночной конкуренции. Именно поэтому она становится здесь вполне доступной только тем, кто ее может купить. В обществе, где все блага котируются на деньги, очевидно, и свобода становится продажной и ею торгуют распивочно и на вынос. Но совсем иначе ее расценивают в лагере социализма. Всему миру известно, как российский пролетариат добывал свою свободу, — ценою трех революций за одно лишь поколение, то есть оплатив ее не золотом, а самой ценной валютой — собственной своей кровью. Для него эта свобода не предмет спекуляций. Она досталась ему слишком дорогой ценой. Не удалось ее у нас вырвать и силой гитлеровским полчищам. Не променяют ее никогда коммунисты и ни за какие буржуазные коврижки.

Тем не менее платные агенты буржуазии, которых уже поэтому никак не назовешь словом «фри», то есть свободными в своих действиях, продолжают играть словом «свобода». «Когда все в России можно будет получить бесплатно (фри), будет ли свободной (фри) сама свобода?» — вопрошает, например, своих читателей Кассандра из лондонского «Дейли миррор». Напомним кстати, что Кассандрой уже в древности именовалась особа, известная тем, что никто ей не верил. По этому поводу можно было бы только улыбнуться. В продажной свободе мы не нуждаемся.

Имеет ли, однако, западный мир ясное представление о свободе? Ведь в классовом обществе она не может быть для всех одинаково полной и разнообразной. Для морганов, мелонов, дюпонов и рокфеллеров с братией — она одна, а для миллионов рабочих — совсем другая.

Если под свободой понимать возможность не принужденного извне выбора своих действий и полного распоряжения собой и своим временем, если это значит не подчиняться

ничьей чужой воле, но не подавлять ни в чем и волю всех других сограждан, то о такой свободе в капиталистическом обществе можно лишь мечтать. В этой системе наемного рабства подавляющее большинство людей вынуждено все рабочее время отдавать своим нанимателям, а эти последние, подчиняя волю и труд большинства, и сами не свободны в своих действиях, подчиняясь стихии рынка и ожесточенной конкуренции друг с другом.

Конечно, свобода действий, которую при этом все же сохраняет класс капиталистов, очень велика. Но, чем успешнее монополизируют эту свободу только для себя (скажем, в «свободной» Америке) мощные капиталистические монополии морганов, рокфеллеров, тем меньше свобод остается на долю эксплуатируемых ими трудящихся масс. Да и качество этих «свобод» совсем не завидное, что, несомненно, могут засвидетельствовать не только 18 миллионов американских негров, но и много миллионов пролетариев в любой другой стране империализма.

В СССР свобода мыслится совсем по-иному. Здесь давно уже полностью ликвидированы такие буржуазные «свободы», как свобода эксплуатации чужого труда в своей и чужих странах, или свобода лишать своих рабочих средств к жизни, выталкивая в ряды безработных, или свобода подкупа избирателей во время выборов, или свобода, откупив печать, кино, радио, лишать инакомыслящих права высказываться, или свобода безнаказанного подстрекательства своих сограждан к военным авантюрам и развязыванию мировой войны, или свобода линчевать без суда своих сограждан иной расы или цвета кожи... И в СССР никто не сожалеет об отсутствии всех этих столь свойственных Западу буржуазных «свобод».

В отличие от буржуазной социалистическая демократия обеспечивает всем гражданам не только такие политические свободы, как свобода слова, печати, собраний, не только избирательные права, но и гораздо более важные, социальные права — право на труд и на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, равноправие граждан всех рас и наций, равные права мужчин и женщин во всех областях жизни. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. С бюрократией в странах социализма, как известно, борются упорнее, чем в любых иных. А «критико-

вать» политику своего правительства гражданам этих стран никто не препятствует, но обычно этого делать не приходится: ведь политика правительств социалистических стран вполне совпадает с устремлениями и идеалами всех сограждан, что совершенно исключается в классовом обществе западного мира.

Еще более полную свободу личности обеспечит нам построение коммунизма, когда даже повседневный труд, став нормальной потребностью здорового человека, потеряет всякий привкус принуждения и когда *свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.*

К этому и зовет нас Программа КПСС.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир социализма расширяется 3
Коммунизм — светлое будущее всего человечества 12
Все для человека 22
О судьбах собственности в СССР . . . 27
Коммунистический принцип распределения 38
Коммунизм и разделение труда 58
Рабочий день и коммунизм 80
Проблемы свободного времени 87
Коммунизм и производственная эстетика 101
Бытовые проблемы коммунизма 122
Раздумья о семье и браке 144
Дети и старики коммуны 153
Нормы поведения и мораль грядущего . 164
Общественное самоуправление 178
Мир — о нашей Программе 182

Станислав Густавович Струмилин

НАШ МИР ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

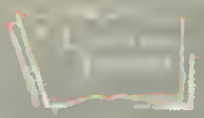
Редактор Л. А. Дмитриева
Худ. ред. В. В. Щукина
Тех. ред. Г. Н. Силонова, Р. А. Медведева

Сдано в набор 28/VI-63 г.
Подписано к печати 7/XII-63 г.
Формат бум. 60×84 1/16. Физ. печ. л. 12+2 вклейки.
Уч.-изд. л. 10,61. Изд. инд. НЛ-141.
А07828. Тираж 22 000 экз. Цена 48 коп. в переплете.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Фабрика высокой печати
издательства «Советская Россия»,
г. Электросталь, ул. Школьная, 25.
Заказ 2723.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».

Цена 48 коп.